

902.7
К 66

ВАЦЛАВ КОРАБЕВИЧ

У НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ

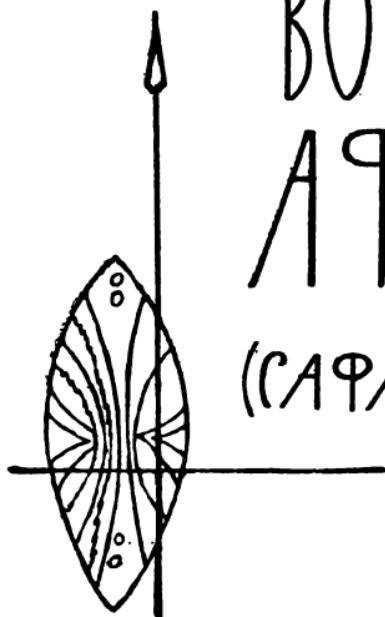
АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ВАЦЛАВ КОРАБЕВИЧ

У НАРОДОВ
ВОСТОЧНОЙ
АФРИКИ

(САФАРИ МИНГИ)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва 1965

WACŁAW KORABIEWICZ

SAFARI MINGI

WARSZAWA 1963

Сокращенный перевод с польского
Н. Я. СЕВЕРИНОЙ

Ответственный редактор
И. А. ХОДОШ

Индекс $\frac{1-6-2}{1764-65}$

Вацлав Корабевич
У НАРОДОВ ВОСТОЧНОЙ АФРИКИ
(Сафари минги)

Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР

Редактор Т. Г. Максимова
Художник В. В. Красновский

Технический редактор Д. А. Глейх
Корректор А. В. Попкова

Сдано в набор 4/VI 1963 г. Подписано к печати 3/IX 1963 г. Формат 84×108^{1/32}.
Печ. л. 4,75+0,375п. л. вкл. Усл. п. л. 9,03. Уч.-изд. л. 8,79. Тираж 19000 экз.

Изд. № 1401. Зак. № 1075. Индекс $\frac{1-6-2}{1764-65}$ Цена 60 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45, Б. Кисельный пер., 4

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первое издание книги польского путешественника В. Корабевича вышло в свет в 1950 году. Однако читателю может показаться, что речь здесь идет о далеком прошлом Восточной Африки, о временах, отделенных от нас многими десятилетиями. И лишь попытавшись проанализировать это свое восприятие очерков, читатель поймет, с чем связана их «архаичность». За 10—15 лет после путешествия польского этнографа произошла подлинная смена эпох, разразилась освободительная революция. Колониальные рабы, с которыми он имел дело, в 1961 году стали гражданами самостоятельного государства. И местные жители, к которым путешественники конца 40-х — начала 50-х годов испытывали чисто «этнографический» интерес, заняли посты министров, членов Национального собрания и комиссаров провинций.

Мы позволим себе привлечь внимание читателя к истории района, по которому путешествовал В. Корабевич.

Племена банту — основное население прибрежных районов — появились здесь примерно две тысячи лет назад, когда недостаток соли в областях, расположенных в южной части бассейна Нила, вынудил их покинуть родные места и двинуться к Индийскому океану. Это переселение банту продолжалось несколько сот лет и закончилось около 500 года нашей эры. Банту, обосновавшиеся на побережье, знали не только бронзу, но и железо и, в частности, имели изготовленное из железа оружие.

Языковая группа банту насчитывает в Танганьике и Кении десятки племен. Одни из них оседлы и занимаются земледелием (наиболее распространены на побережье бананы, кофе, цитрусовые, маис, маниок, овощи). Другие — кочевники-скотоводы.

Советские журналисты, посетившие в последние годы Тангань-

шку, рассказывают об обычаях и внешнем виде жителей этой страны; для некоторых племен эти обычай, тип жилищ, одежда остаются неизменными в течение десятков лет.

Оседлые племена находятся на более высоком уровне культуры и быта, чем кочевники. У них лучшие жилища, их одежда напоминает европейскую. Правда, покрой одежды очень старомоден, а сочетание цветов необычно яркое.

Одежда кочевников совсем иного типа. Они носят напоминающий тогу плащ терракотового цвета, сотканный из луба фикусовых деревьев с примесью шелковистых волокон плода дерева сейба. Оружие кочевника, как и сотни лет назад, — копье и щит. Мужчины и женщины кочевого народа масаи носят на руках и ногах по несколько десятков браслетов, огромные серьги; женщины масаи — язысы, все волосы они вышивают, чтобы удовлетворить местные представления о красоте. В результате длительного взаимного влияния местных диалектов и арабского языка в Восточной Африке постепенно сложился весьма распространенный новый язык — суахили, который помогает расширению торговых связей и обмена между государствами и территориями в этой части материка.

На островах Занзибар и Пемба население смешанное. Африканцы, арабы Аравии, иранцы, индийцы — участвовали в складывании трех групп племен, населяющих оба острова: вагадиму и вапемба — земледельцев и рыбаков, и ватумбату — потомственных мореходов.

Выгодное географическое положение побережья Танганьики, Кении и острова Занзибар уже много столетий назад сделало их переключочными пунктами для арабских купцов, бороздивших воды океана. Привлекаемые сказочными богатствами Восточной Африки, арабские купцы бросали якоря в удобных бухтах, хорошо обеспеченных пресной водой. С VIII века арабы стали основывать на восточном берегу Африки свои поселения. В X веке эти области захватили первые, вскоре вытесненные арабами. Объединенное арабское государство получило название «Империи Земб». Красивые мусульманские мечети, хорошо спланированные улицы с домами из дерева и камня свидетельствовали о высокой строительной культуре жителей Момбаса, Ламу, Килва и других основанных арабами городов, управляемых султанами.

Слоновая кость, золото и серебро вывозились отсюда в города Аравии, Индии, Ирана; большие парусники, подгоняемые попутными муссонами, везли в сultanаты побережья и на Занзибар изделия ремесленников Басры, Маската, Бомбей и Майсура. Но не только красивые ткани Индии и Аравии доставляли купцы в Восточную Африку. Они принесли сюда и страшное горе. Очень скоро здесь возникла поздняя ограбль торговли — торговля людьми. Вооруженные

экспедиции отправлялись в селения банту, хватали там молодых мужчин и девушек и со связанными руками гнали, как скот, к побережью. Остров Занзибар приобрел недобрую славу огромного невольничьего рынка Восточной Африки.

В 1497 году у побережья Восточной Африки бросил якорь португалец Васко да Гама. Соотечественники Васко да Гама начали посыпать суда во вновь открытые земли. В 1503 году португалец Раваско Маркиш на военном корабле за два месяца обогнул группу островов у побережья Восточной Африки и самый крупный из них назвал «Земзибар» (отсюда и происходит нынешнее название острова). Солдаты и матросы с корабля Раваско Маркиша высаживались на берег, грабили жителей. Занзибарцы пытались оказать сопротивление. Четыре тысячи местных жителей на маленьких лодках — каноэ вступили в бой с захватчиками. Но пушки европейцев рассеяли защитников острова; несколько десятков занзибарцев были убиты. После этого португальцы штурмом взяли столицу острова и разграбили ее. В том же году они захватили города прибрежной полосы континента. Цветущие города быстро захирели, ремесло пришло в упадок.

Только в середине XVII века арабы, освободившие к тому времени от португальцев порты Аравийского полуострова, сумели отбить у них кусок побережья от Магадиши до реки Рувумы и остров Занзибар (к 1729 году в руках португальцев остался лишь Мозамбик). Султан Омана стал номинальным владельцем этих территорий, но фактически шейхи в городах Восточной Африки действовали как самостоятельные правители. Так продолжалось до начала XIX века, когда на престол Омана вступил молодой Сейид Саид, по справедливости считающийся одним из самых значительных деятелей Западной Азии.

Саид действовал быстро и решительно. Он сумел подчинить шейхов побережья и вскоре после вступления на престол перенес свою столицу из Аравии в Восточную Африку, на остров Занзибар. Это было время экономического расцвета нового султаната. Момбаса и Дар-эс-Салам стали начальными пунктами караванных путей, ведущих в глубь Африки, к верховьям Конго и Нила. Десятки кораблей каждый месяц швартовались у причалов портовых городов побережья. На плодородных землях султаната стали культивировать гвоздику, и уже к концу XIX века острова Занзибар и Пемба давали 90 процентов мирового производства гвоздики. Важную статью вывоза составляли пальмовое масло и сизаль.

Но, так же как и в средние века, значительную часть прибыли купцы получали от торговли «живым товаром» — черными рабами. В начале XIX века до 15 тысяч бantu ежегодно доставляли на Зан-

зибар и продавали купцам и комиссионерам из Ирана, Египта, Аравии. В некоторые годы через занзибарский рынок проходило по 300—400 тысяч рабов. Их закупали для плантаций в Соединенных Штатах и Южной Америке.

Европейские и американские дельцы спешили закрепиться на восточноафриканском рынке. В 1833 году султан Сейид Саид подписал первый торговый договор с Соединенными Штатами Америки. Шесть лет спустя здесь поставили «заявочный столб» в виде торгового договора англичане, а еще через пять лет, в 1844 году, — французы. В 1849 году в султанате открыла филиал гамбургская торговая фирма.

К этому времени относятся и первые столкновения европейских держав в Восточной Африке. Обеспокоенный активностью французов на побережье и на острове Занзибар, тогдашний руководитель английской политики лорд Пальмерстон сделал специальное представление французскому правительству. Учитывая, что в это время предметом вожделения французских колонизаторов был главным образом Мадагаскар, англичане предложили Франции подписать договор «на основе взаимного отказа» от нарушения суверенитета султана Занзибара и Омана. В 1862 году договор был подписан. Английское правительство зорко следило за выполнением этого договора своим партнером, но само действовало так, как если бы договора не существовало. Англичане сумели добиться преобладающего влияния в султанате и не хотели его потерять. Английский представитель Кирк стал при султане Сейид Баргаше (1870—1883) неофициальным премьер-министром султаната. Две английские компании держали в своих руках почтовую и телеграфную связь между Аденом и султанатом.

Декрет султана о запрещении работорговли (1875 год) был использован англичанами для вмешательства в дела страны. В 1877 году по предложению Кирка были созданы отряды местных жителей «для борьбы с работорговлей». Во главе этих отрядов Кирк поставил английского лейтенанта Мэтьюза, а в 1881 году молодой лейтенант перешел на службу к султану и сразу получил чин «генерала». Предпримчивый Кирк направил Мэтьюза на побережье, рассчитывая прибрать к рукам огромные материковые владения султана, границы которых никогда не были точно определены. Так постепенно, шаг за шагом, побережье Восточной Африки и Занзибар превращались в британскую колонию.

Но в это время на арене колониальной политики появился новый крупный хищник — Германия. Германская буржуазия, быстро богатевшая после создания империи, требовала от своего правительства проведения «мировой политики», т. е. выхода за пределы Европы и

захвата рынков и источников сырья в заморских странах. Бисмарк выжидал благоприятный момент, когда международная обстановка позволит ему с наименьшим риском ввязаться в борьбу за колонии.

1884 год в определенном смысле является поворотным в истории колониальной политики в Африке. 24 апреля 1884 года был объявлен германский протекторат над территорией в районе бухты Ангра-Пекена, «купленной» бременским купцом Людерицем у местных вождей за 200 старых ружей и 80 фунтов стерлингов. Бисмарк решил, что пришло время поставить перед Англией вопрос о легализации германских захватов в Африке.

Момент для постановки вопроса о колониях был особенно благоприятным потому, что Англия, желая устраниć международный контроль над египетскими финансами, предложила созвать в Лондоне конференцию по египетским делам. На этой конференции англичане неминуемо должны были столкнуться с резкой оппозицией со стороны Франции, и поддержка Германии была для них очень ценна.

Однако под давлением колониальных кругов английское правительство было вынуждено выступить против установления германского протектората над Ангра-Пекеном. Министр колоний лорд Дерби принял в мае 1884 года делегацию южноафриканских купцов, которым сказал, что если Англия и не намерена сама захватить Ангра-Пекена, то все же имеет право не допустить другие державы (т. е. Германию) овладеть этой территорией. Бисмарк был возмущен этой, как он говорил, «африканской доктриной Монро».

Некоторые немецкие историки считают, что именно с этого момента, в связи с вопросом об африканских территориях, германская политика «приняла антианглийское направление». Правда, приближение сроков Лондонской конференции по египетскому вопросу (конференция была назначена на 28 июня) заставило Англию уступить в отношении Ангра-Пекена, и 22 июня она признала германский протекторат над этой областью. В июле-августе 1884 года германский путешественник Нахтигаль по поручению Бисмарка основал германские колонии в Того и Камеруне. Это была пора «поднимания флагов», когда предприимчивые немецкие купцы и путешественники — агенты правительства и компаний — старались утвердиться на каждом куске еще «не занятой» земли. В соответствии с установившейся в XIX веке практикой страна, завладевшая побережьем, получала право распространить свой суверенитет и на прилегающие к нему территории (на так называемый хинтерланд). В декабре 1884 года английское правительство признало германский протекторат над большой территорией в Юго-Западной Африке.

Между тем полем колониального соперничества империалистических держав стала и Восточная Тропическая Африка. Аппетиты гер-

манской буржуазии росли с каждым днем. Уже в 1884—1885 годах возникли планы создания сплошного массива немецких владений в Экваториальной Африке — от Атлантического до Индийского океана. Практическое воплощение этих планов взял на себя Карл Петерс. Ему удалось заключить с вождями племен Ганганики, Виту и Кенин двенадцать договоров, по которым огромные территории становились фактической собственностью Германского восточноафриканского общества, созданного в феврале 1885 года. Правительство Бисмарка немедленно взяло под свою защиту приобретения общества, а вскоре его энергичные представители заключили новые договоры с местными царьками и поставили под германский контроль береговую полосу протяженностью в несколько сот километров к северу от Мозамбика*. Большая часть этих территорий входила в султанат Занзибар. Английское правительство, на глазах у которого молодой германский соперник в течение трех-четырех месяцев захватил обширные районы Восточной Африки, попыталось вмешаться. Побуждаемый своими английскими советниками, султан Занзибара заявил Германии протест против захвата его владений на материке. Однако германское правительство ответило, что султан потерял свои права на спорные территории, ибо не осуществлял на них «эффективной оккупации»**.

Весной 1886 года германские колонизаторы начали оккупацию области Виту, султан которой издавна подчинялся султану Занзибара. Султан Занзибара Сейид Баргаш резко возражал против новых захватов; он направил в Берлин официальную ноту протеста. Ответ германского правительства был быстрым и решительным. 7 августа

---

* Активная колониальная экспансия Бисмарка сочеталась с неоднократными заявлениями старого канцлера о нежелании проводить колониальную политику. Это был ловкий маневр, направленный на успокоение Англии. Именно при Бисмарке была создана германская колониальная империя, которой только в Африке ко времени отставки канцлера принадлежала площадь, в два раза превышавшая территорию самой Германии. Германские колонии в Африке уже к 1890 году занимали площадь 1027 тысяч квадратных километров с населением 14 200 тысяч человек.

** На Берлинской конференции (ноябрь 1884 г.—февраль 1885 г.), в которой приняли участие 14 держав (Англия, Франция, США, Россия, Германия, Италия, Бельгия, Португалия, Испания и др.), обсуждался вопрос о судьбе африканских территорий в бассейне Конго. Кроме того, на конференции рассматривались принципы дальнейшего раздела африканского континента. По решению конференции для признания «законности» захвата территории в Африке необходимо было соблюсти два условия — известить другие державы о занятии какой-либо области и создать в этой области эффективную власть, «которая была бы достаточной для охраны приобретенных прав».

пять немецких военных кораблей вошли в гавань столицы султаната: Командующий эскадрой Пашен предъявил султану ультиматум, потребовав немедленно признать все германские «приобретения» в Восточной Африке. Султан вынужден был уступить.

Немецкие колониальные круги уже мечтали о создании в Юго-Восточной Африке колонии, равнозначной Британской Индии. Но английская буржуазия и не думала отступать без боя. В результате нескольких английских экспедиций по «подниманию флагов» владения Имперской британской восточноафриканской компании в ряде мест вклинились в территории, захваченные Петерсом.

Но в целом англо-германские отношения в 1886—1888 годах характеризовались сближением в области колониальной политики и получили в германской историографии название «колониального супружества». Пора «поднимания флагов», т. е. формального закрепления суверенитета на африканских землях, прошла. Своим главным врагом в Африке Англия еще считала Францию и часто в колониальных вопросах выступала совместно с Германией. 1 ноября 1886 года обе стороны заключили соглашение о разграничении сфер влияния на территории, принадлежащей на материке занзибарскому султану. Южную часть этих обширных областей (Танганьика) получила Германия, а северную (Кения) — Англия, но захваченный Германией султанат Виту клино вдавался в британскую территорию. Владения султана Занзибара были теперь ограничены четырьмя островами (Занзибар, Пемба, Мафия и Ламу), а также десятимильной полосой побережья от устья Мниньянги до города Кипини и несколькими городами к северу от этой линии. Однако уже 30 июля 1887 года по договору, подписанному представителями Германии и Занзибара, султан передал управление десятимильной береговой полосой Германскому восточноафриканскому обществу на 50 лет.

Новый султан Занзибара — Сейид Халиф (1888—1890) под давлением английских агентов согласился передать вновь созданной Имперской компании Британской Восточной Африки (одним из директоров ее стал Кирк) береговую полосу между реками Умба и Тана. Компания получила право устанавливать на территории «концессии» налоги, назначать и смешать чиновников и т. д.

Между тем период англо-германского «колониального супружества» подходил к концу. В 1889 году обе стороны направили с восточного побережья Африки экспедиции в глубь материка, к верховьям Нила. К весне 1890 года немецкие отряды продвинулись далеко на территорию Уганды, и Петерсу удалось добиться от короля этой страны признания протектората Германии. Это был серьезный удар по планам английских империалистов.

Ареной интриг и соперничества германских и английских консу-

лов и купцов был и занзибарский султанат. Дипломаты и торговцы не стеснялись в средствах. От борьбы европейских цивилизаторов больше всего страдало местное население. Генеральные консулы немец Рольфс и англичанин Кирк изощрялись в изобретении различных диверсий друг против друга, а также натравливали местных вождей и старейшин на колониальных чиновников соперничающих сторон. Нередко эта деятельность консулов расходилась с планами их правительства. Тогда консулов дезавуировали, и они в свою очередь бросали на произвол судьбы своих местных протеже; дело кончалось карательной экспедицией против мирного населения.

Иногда европейские резиденты прибегали и к более радикальным средствам для упрочения своего влияния. В феврале 1890 года внезапно умер тесно связанный с немцами султан Занзибара Сейид Халиф Бен Саид. Предполагали, что он был отравлен. За месяц до смерти султан заключил соглашение с Германским восточноафриканским обществом о передаче последнему всей территории, «принадлежавшей ему на материке».

К 1890 году английские империалисты владели широкой полосой африканской земли — от Кейптауна на юге до южной оконечности озера Танганьика на севере. Эта территория включала Капскую колонию, Бечуаналенд и области, названные позднее Южной Родезией. Северной Родезией и Ньясалендом. Дальше к северу, между тремя большими озерами, лежала «ничья» земля и контролируемая немцами Уганда, которые отделяли южноафриканские владения Англии от Британской Восточной Африки и Судана. Приобретение «ничьей» земли, находившейся фактически в сфере влияния немцев, и соединение южных и северных владений Англии в единый территориальный комплекс от Кейптауна до Каира было заветной мечтой британской буржуазии. Немцам принадлежали две области — султанат Виту и Германская Восточная Африка, разделенные территорией Британской Восточной Африки, выходившей к морю. Десятимильная береговая полоса, остававшаяся в руках султана Занзибара, отделяла Германскую Восточную Африку от моря.

Английская сторона предложила урегулировать колониальные разногласия и провести разграничение в Южной Африке, прежде всего поделить спорные земли северо-западнее озера Ньеса и между озерами Виктория — Ньеса — Танганьика. За усуги в ^{указании} районах Германия должна была передать Англии протекторат над султанатом Виту, включая острова Манда и Патта. Но больше всего англичан интересовал Занзибар. На восточном берегу Африки британский флот не имел своей базы. Занзибар наряду с Гибралтаром, Мальтой, Кипром и Аденом был одним из пунктов, которыми Англия хотела овладеть ради сохранения господства над Индией.

Германское правительство и адмиралтейство решили воспользоваться благоприятной обстановкой и овладеть островом Гельголанд в Северном море, принадлежавшим Англии.

Обе стороны думали, что обманывают друг друга. Англичане считали, что отдают бесполезную скалу в Северном море за три королевства в Африке. Немцы старались оставить англичан в этом заблуждении, хотя сами уже готовились к превращению Гельголанда в морскую крепость.

1 июля 1890 года в Берлине четыре европейца, никогда не ступавшие на берега Восточной Африки, — два англичанина и два немца — подписали договор, который надолго определил судьбу нескольких миллионов негров, арабов и индийцев, населявших султанаты Занзибар и Виту, королевство Уганда, остров Пемба, обширные территории Восточной Африки от Дар-эс-Салама до озера Танганьика. Четыре Англии могли бы разместиться на этих землях. Их естественные ресурсы были огромны. Договор состоял из 12 статей. Первые 11 статей касались разграничения сфер влияния в Африке, а последняя — передачи острова Гельголанд Германии.

Все условия англо-германского договора были претворены в жизнь еще до конца 1890 года. 17 октября немцы вступили во владение побережьем, принадлежавшим султану Занзибара. В ноябре англичане установили протекторат над Занзибаром, Виту, Патта и Манда.

Англия получила не только обширные и богатые области на материке, из которых одна Уганда занимала территорию, превышавшую площадь метрополии (285 тысяч квадратных километров), и остров Занзибар, но и опорные пункты на западном побережье Индийского океана. Это было большим успехом английской дипломатии. Германские земли в Африке со всех сторон теперь оказались окружеными территориями других стран. Создание барьера на пути расширения германских владений было вторым успехом английской дипломатии.

Германская буржуазия, отдавая часть колоний в 1890 году, вовсе не предполагала отказаться от своей доли добычи в Африке и в любой другой части света. Приобретение Гельголанда — важнейшего опорного пункта на Северном море — сыграло большую роль в развитии германской империалистической экспансии. Заключая этот договор и отступая в Африке, правящие круги Германии надеялись создать флот и впоследствии сторицей вернуть утраченное.

Договор, подписанный 1 июля 1890 года, не привел и не мог привести к длительному сближению между Англией и Германией. Наоборот, он способствовал обострению противоречий между ними. Соглашение закрепило изоляцию северо-африканских владений Англии — долины Нила от ее южных территорий — Капской колонии

и других и помешало проведению в жизнь плана английских империалистов, выраженного в формуле Кейптаун — Каир.

Трения в колониях продолжались и принимали порой очень резкий характер. В сентябре 1890 года в Виту были убиты восемь немцев. Англичане создали в Виту такую невыносимую обстановку для немцев, что к октябрю все они вынуждены были покинуть эту страну. Только что был заключен договор, преподнесенный общественности как доказательство доброго согласия между Англией и Германией, а в феврале 1891 года в германском рейхстаге уже раздавались призывы к борьбе с английской конкуренцией в Южной Африке.

Одним из внешнеполитических следствий договора было признание обеими странами протектората Франции над Мадагаскаром.

Так судили и рядали европейские правительства, нимало не заботясь о судьбах и воле миллионов африканцев. Никого из жителей огромных территорий, ставших объектами раздела, не спросили, согласен ли он отдать свою страну чужеземцам и на многие десятилетия стать их подданным и рабом. Ничтожными пешками на шахматной доске международной политики были народы Африки.

Как мы видели, договор 1890 года закрепил колониальное положение стран Восточной Африки. С тех пор эти страны прошли тяжелый и вместе с тем славный путь.

Коренное население Восточной Африки подвергалось жесточайшей эксплуатации. На плодородные земли глубинных районов и в приморские города направился поток белых поселенцев. Под натиском властей и военных отрядов африканские племена были оттеснены на худшие земли. Результатом такой политики было полное обнищание местного населения, голод и массовые болезни. Цивилизаторы из Англии и Германии ничего не делали и для того, чтобы африканские дети и молодежь могли учиться. Не в каждом селении Танганьики и Занзибара можно было в начале XX века найти грамотного человека, но и через несколько лет после второй мировой войны на тысячу молодых людей Танганьики лишь четверо имели среднее образование.

С момента своего появления в Восточной Африке в 80-х годах прошлого века европейские чиновники, офицеры и солдаты грабили и унижали местное население. В захваченных областях царил произвол; фактически никаких законов не существовало. Гнев и возмущение накапливались с каждым днем. Первый крупный взрыв произошел в августе 1888 года. В районах, захваченных немцами, началось всеобщее восстание. Немецкие чиновники, торговые агенты и воинские отряды были изгнаны со всей территории, кроме двух портовых городов (Дар-эс-Салам и Багамойо) *.

---

* Вскоре город Багамойо был также захвачен повстанцами.

Во глазе восставших стоял араб Бушири бен Слим. Бисмарк назначил капитана Г. Висмана командиром карательных отрядов в султанате Занзибар. Англичане, боявшиеся распространения восстания на их сферу влияния, приняли участие в его подавлении. Объединенный флот обеих стран блокировал берега султаната.

При поддержке десантов с немецких кораблей хорошо вооруженные отряды Висмана начали борьбу против повстанцев; возле прибрежных городов разыгрывались кровопролитные бои. Немецкие солдаты сжигали живыми воинов-африканцев, защищавших свои дома, женщин и детей. Мужественно сражалось против карателей племя вахехе, дважды разгромившее наступавшие европейские части. Население сопротивлялось до конца года, но к декабрю основные очаги восстания были подавлены. 15 декабря 1888 года немецкие каратели повесили мужественного руководителя повстанцев Бушири в городе Багамойо. Король вахехе Мтва Мкава был казнен; череп его выставлен в качестве экспоната в Берлинском музее. Волнения, однако, продолжались. Тысячи солдат и полицейских патрулировали ночью в городах, охраняя колонизаторов от народного гнева. На островах и на побережье все европейцы не расставались с оружием. В январе 1889 года германское правительство запросило у рейхстага дополнительные ассигнования в 12 миллионов марок для усмирения патрода султаната, а в ноябре 1889 года — еще около 2 миллионов.

Второе крупное восстание местного населения произошло в 1905 году. Руководители восстания, вошедшего в историю под названием «маджи-маджи», сумели увлечь за собой почти все племена Танганьики и освободить от немецких колонизаторов две трети ее территории. Но, сохранив за собой портовые города, немецкое командование в следующем году стянуло к побережью крупные военные силы, поддержаные артиллерией, и двинуло их в глубь страны. Командование немецких войск разжигало расистские страсти у своих солдат, призывало их не щадить никого. В результате «усмирения» были истреблены около 120 тысяч человек.

После подавления восстания жестокость и алчность колонизаторов проявились с удвоенной силой. К 1913 году немецкие колонисты захватили у местных жителей 840 тысяч гектаров земли. Они разделили страну на округа, поставив во главе каждого из них немецкого комиссара. Десятки тысяч жителей сгоняли на строительство железной дороги, которая должна была соединить основные районы плантаций с побережьем Индийского океана.

После 1918 года немцы были изгнаны из Африки. Их колонии разделили между собой страны — победительницы в первой мировой войне. Танганьика в 1922 году была передана под английское управление в качестве подмандатной территории Лиги Наций.

В отличие от Германии, посыпавшей многочисленных чиновников для управления каждым районом своих колоний, Англия использовала систему косвенного управления. Высшая власть в Танганьике принадлежала английскому губернатору; в помощь ему был создан Исполнительный совет из высших чиновников колонии. Однако на местах англичане предпочитали проводить свою политику через вождей племен и старейшин-африканцев. Феодальные порядки охранялись и поддерживались колонизаторами; местные царьки и вожди были их надежной опорой.

В 20-е годы при губернаторе был создан также Законодательный совет из колонистов и представителей монополий, захвативших всю экономику страны. Плантационное хозяйство росло быстрыми темпами. К 1928 году производство сизала в Танганьике увеличилось в два раза (по сравнению с 1914 годом), а производство кофе — в восемь раз. Колонизаторы беззастенчиво применяли принудительный труд, напоминавший феодальную систему отработок. Самовольный уход рабочих с плантаций карался полугодовым тюремным заключением. Каждый мужчина — житель Танганьики — был обязан отработать определенное количество дней в году на общественных работах.

Вместе с тем развитие отраслей хозяйства, связанных с экспортом, неизбежно вело к разложению натурального хозяйства и зарождению денежных отношений. Появились зажиточные крестьяне, которые начали применять наемный труд.

В 1938—1939 годах в Танганьике насчитывались уже сотни тысяч работавших по найму, главным образом крестьян-отходников. В это время, вплоть до окончания второй мировой войны, в Африке происходило сплочение освободительных сил. Значительную роль в этом процессе играла молодая африканская интеллигенция. Те немногие африканцы, которым удавалось получить образование, по книгам или во время пребывания в других странах знакомились с революционными идеями и становились в ряды борцов за свободу.

В соседней Кении с 1921 года существовали политические организации местного населения, ставившие своей целью добиться участия африканцев в законодательном органе и предоставления местным жителям политических и гражданских прав и свобод. В Танганьике не было создано сколько-нибудь крупных политических организаций; но и здесь зарождалось освободительное движение, которому суждено было с большой силой проявиться позднее. В 1929 году возникла организация местной интеллигенции — Ассоциация африканцев Танганьики. Крестьяне организовали сбытовые кооперативы. В конце 20-х — начале 30-х годов усилилось профессиональное движение в Танганьике и произошли первые крупные забастовки.

Разгром германского и итальянского фашизма Советским Союзом и другими участниками антигитлеровской коалиции дал новый толчок борьбе народов Восточной Африки. Танганьика стала в 1946 году английской подопечной территорией. Англия обязалась «содействовать развитию свободных политических институтов в Танганьике, защищать интересы туземного населения».

Однако английская администрация стремилась совсем к другому — она рассчитывала сохранить в стране колониальный режим. Высшая исполнительная власть по-прежнему принадлежала английскому губернатору. Созданный при нем Исполнительный совет состоял из девяти «официальных» и семи «неофициальных» советников. Только трое из них были африканцами. В 1955 году была проведена «демократическая» реформа администрации. В результате 9 миллионов африканцев получили 10 мест в новом Законодательном совете — столько же, сколько получили 100 тысяч выходцев из Азии и 22 тысячи европейцев. На деле и этот «прогресс» был фикцией, ибо все решающие рычаги управления остались в руках колонизаторов.

Им принадлежали и все богатства Танганьики. Английские компании «Гейта голд майнз», «Танганьика коттон компани», «Танганьика шугар компани» и другие захватили производство и сбыт почти всего, что добывают и делают руки африканских рабочих и крестьян. Примерно 20 тысяч европейцев владели почти 3 миллионами акров земли, а 9 миллионов африканцев — 11 миллионами акров. Сельскохозяйственные рабочие получали на плантациях 1 шиллинг в день. В середине 50-х годов на долю африканца приходилось около 3 фунтов стерлингов годового дохода, на долю одного европейца — 400 фунтов стерлингов. Заработная плата устанавливалась в прямой зависимости от расовой принадлежности рабочего. Никакого социального обеспечения не было. Рабочий, искалеченный на фабрике, больной или ослабевший в результате изнурительного труда, изгоялся с предприятия и оставался буквально без всякой помощи.

Но еще более бедственным было положение крестьян. В деревне сохранялось общинное землевладение. Вождь племени был полновластным хозяином в деревне — от него зависел размер земельного надела, на него каждый крестьянин должен был работать часть года или приносить ему значительную долю урожая, мясо, яйца, щерсть. Вождь был и судьей и тюремщиком для непокорных. Рядом с вождем стоял колдун, в чудодейственную силу которого всрил темный, забитый крестьянин. Голод и болезни косили население. Сто тысяч прокаженных, чаще всего остававшихся без медицинской помощи, населяли города и деревни страны. Танганьика была одной из самых нищих стран в мире.

Все это и застал В. Корабевич во время своего путешествия в Дар-эс-Салам и глубинные районы страны. Прошло лишь несколько лет после путешествия польского этнографа, и Танганьика стала одним из центров антиимпериалистической борьбы в Африке. Национальная буржуазия, появившаяся после второй мировой войны, вместе с национальной интеллигенцией возглавила борьбу танганьикского народа за независимость. В 1954 году на базе Ассоциации африканцев была создана массовая организация — Национальный союз африканцев Танганьики (ТАНУ).

ТАНУ выдвинул требование предоставить стране независимость. Опорой движения стал растущий пролетариат. В 1960 году численность работающих по найму достигла 400 тысяч. Еще в середине 50-х годов профсоюзы объединились в Федерацию труда Танганьики. В городах и на плантациях страны происходили крупные забастовки (в 1960 году бастовало около 90 тысяч человек). Руководители ТАНУ были сторонниками мирных, легальных форм борьбы, но они не всегда могли контролировать ход событий. Несколько вооруженных столкновений африканцев с колониальной полицией, сборщиками налогов и другими представителями властей наряду с массовым пассивным сопротивлением населения заставили английское правительство шаг за шагом отступать.

1 октября 1960 года Танганьике было предоставлено ограниченное самоуправление. В Совет министров были включены несколько африканцев, но возглавил его английский генерал-губернатор. Это не могло удовлетворить народные массы. Борьба продолжалась.

1 мая 1961 года правительство возглавил руководитель ТАНУ Джулиус Ньерере, а 9 декабря была провозглашена независимость Танганьики. Ровно год спустя три альпиниста-африканца водрузили флаг своей родины на горе Килиманджаро. В этот день, 9 декабря 1962 года, Танганьика стала республикой. Генерал-губернатор английской королевы покинул страну. Правительство Танганьики выдвинуло задачу искоренить бедность, отсталость и невежество в стране. «Население Танганьики, — сказал президент Д. Ньерере, — унаследовало положение, при котором еще осталась несправедливость колониальных времен, имеется еще расовая дискриминация и нужно устраниить ту деградацию и те бедствия, которые возникли в результате колониализма.

Поэтому наша первая обязанность — осознать тот факт, что Танганьика, которую мы унаследовали, весьма отличается от той, которую мы намерены построить и завещать нашим детям».

Народ с энтузиазмом трудится на благо своей освобожденной страны. Путешественник, который сегодня прочитает книгу В. Корабевича и вслед за тем посетит Танганьику, многое не узнает в ней.

Новое правительство решительно проводит африканизацию государственного аппарата, и вместо чиновников англичан путешественника почти повсюду встретят молодые африканские деятели — комиссары областей и районов. Правительство лишило вождей племен всех административных функций, нанеся тем самым сильный удар по родоплеменному строю. Повсеместно возникают сбытовые и производственные кооперативы, общества по совместной обработке земли.

Разработан и воплощается в жизнь пятилетний план экономического развития страны, создана единая школьная система. Весной 1964 года Танганьика объединилась с Занзибаром в единое государство (с октября 1964 года — Танзания).

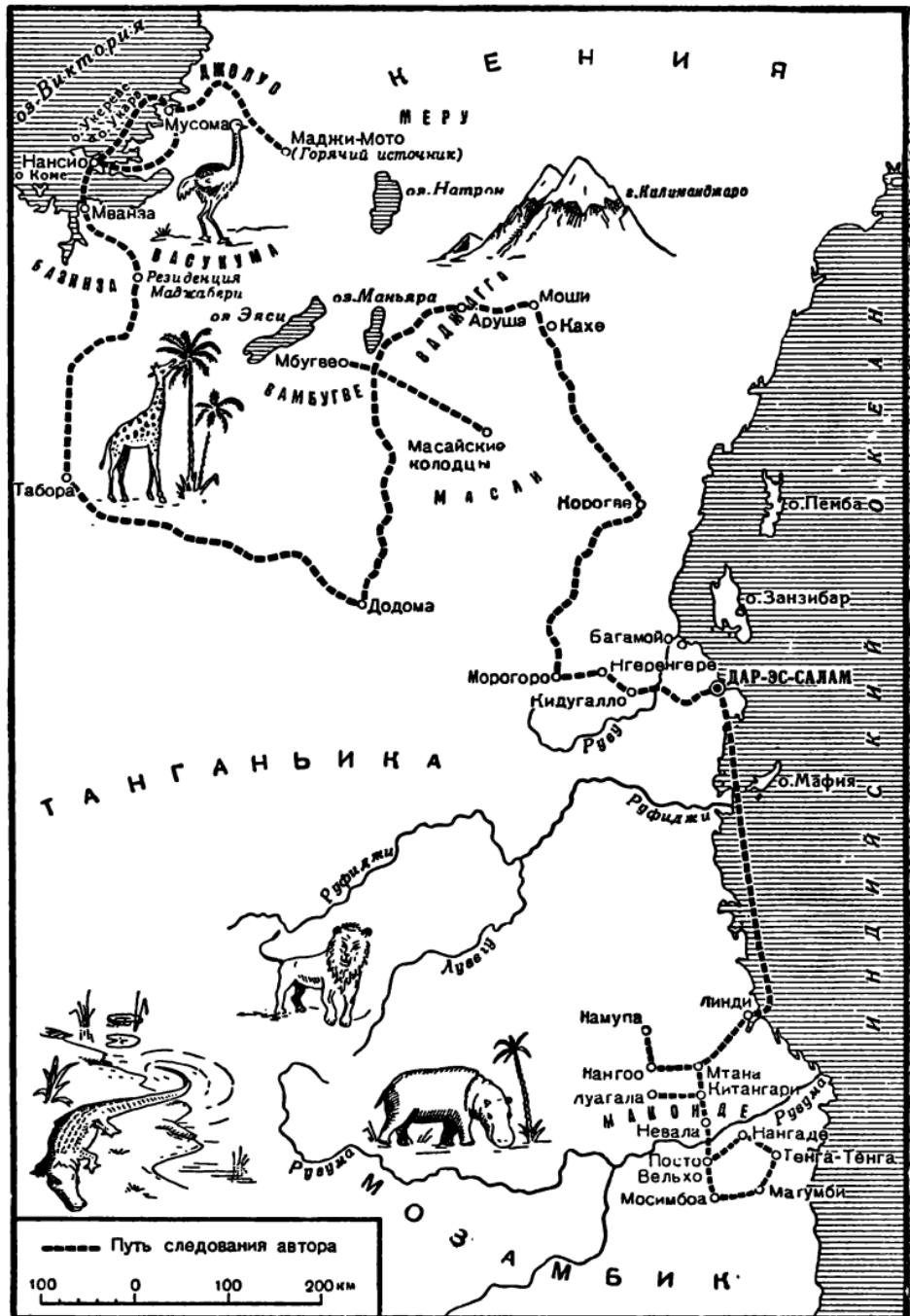
Перед народом Танзании стоят труднейшие задачи. Страна еще остается в экономических тисках империализма. Не решен пока и вопрос о выборе основного пути развития республики. Провозглашенный руководителями ТАНУ социализм весьма отличается от научного социализма, ибо предусматривает сохранение частной собственности на орудия и средства производства.

Вопрос о дальнейших путях развития решит сам народ Танзании. Его упорная борьба за независимость против колониализма завоевала ему симпатии народов всех стран. Советский Союз, установивший в 1961 году дипломатические отношения с Танганьикой, в 1963 году заключил с ней соглашение о торговле и культурном сотрудничестве. Дружеские отношения Советский Союз сохраняет и с Объединенной Республикой Танзанией.

* * *

На континенте, где в год путешествия В. Корабевича независимые государства были лишь островками в колониальном мире, теперь островками стали последние колониальные территории европейских держав. Но в то же время нельзя забывать, что легче добиться политической независимости, чем коренным образом преобразовать социально-экономическую структуру страны. Поэтому книга В. Корабевича с ее чисто «этнографической» направленностью сохраняет свое значение и сегодня. Следует, правда, иметь в виду, что автор не всегда точен в своих определениях и терминологии. Мы можем встретить в книге вождей, которых автор именует «королями», народы, названные племенами, и т. п. Однако детали быта и обычай народов Восточной Африки, о которых рассказывает путешественник, представляют интерес для тех, кто изучает историю и современную жизнь огромного и многообразного «черного континента».

И. Ходош

ДАР-ЭС-САЛАМ

Уже два месяца я являюсь так называемым этнографическим коллекционером, или экспертом по африканскому искусству, образцы которого собираю официально для музея в Танганьике, а неофициально — для Музея национальных культур в Млочинах под Варшавой. Итак, я исследую Восточную Африку вдоль и поперек, заглядывая в самые дикие ее уголки.

К сожалению, музей в Танганьике не располагает автомобилем, и я вынужден пугешествовать как придется — то пешком, то на велосипеде, иногда на попутной машине, кое-где даже поездом.

Работа захватывающе интересна: снимаю серьги с местных жителей, подкупаю факиров, чтобы добыть их талисманы, пробираюсь сквозь заросли джунглей по следам тайных ритуальных танцев.

Весь сегодняшний день я провел в подготовке к очередной вылазке. Изучал карту, наметил путь, рассчитанный на несколько месяцев. Основная цель моих скитаний — выяснить историю происхождения таинственной маски, которая находится в нашем музее. Никто ничего не может о ней рассказать. Несколько лет назад пришла по почте анонимная посылка. Кто ее прислал и откуда? Эту загадку я и должен разгадать.

Вечером, устав от работы, я вышел из здания музея и не торопясь направился к берегу моря.

Солнце только что зашло. Со стороны океана подул легкий ветерок. Несколько пароходов застыло в ожидании разрешения на въезд в залив. Зажглись огни. Све-

тящиеся зигзагообразные полосы легли на светлую зелень воды и сразу же погрузились в прибрежную муть.

Здесь мне делать нечего. По инерции поворачиваю в сторону города. Полная луна льет свой свет сквозь плюмажи пальм, их разлапистые тени лежатся на асфальтированный тротуар. Приятная прохлада океана сюда не доходит. Сразу становится душно и жарко. У местных жителей я научился ходить не спеша. Я бесцельно бреду, медленно переставляя ноги. Строительство этой стороны Дар-эс-Салама еще не закончено, повсюду возвышаются несимметричные стены рождающегося города. Я направляюсь к виднеющимся вдали пятнам зелени. Там ютится беднота, там нет ни магазинных витрин, ни света фонарей. Постепенно дома утрачивают свой столичный вид, все чаще перемежаясь с полуразрушенными хижинами. Во дворах разведены очаги. На них готовится пища, а вокруг движутся пурпурные тени.

Неожиданно я услышал приглушенный, но хорошо знакомый, басовитый звук барабанов. Я остановился, прислушался. Звук доносился из боковой улочки. Это не был ночной телеграф, барабан выбивал обычный ритм танца. «Пойду посмотрю», — решил я.

По мере того как я приближался, подходили все новые и новые прохожие, собираясь в шумные, активно жестикулирующие группки. В этой толпе я оказался единственным европейцем.

Вот и огражденная площадка, в центре которой на высоком шесте колышется керосиновая лампа. Пламя некогда белых, по-арабски наброшенных плащей танцующие поднимают клубы пыли. Их подвижная змейка извивается, перемещается, то оказываясь в тени, то вновь выходя на освещенное пространство.

Две профессиональные проститутки, стройные и ловкие, раскрашенные как чучела, украсив головы султанами из перьев, вызывающие размахивают юбками хулахула. Чувственной пластикой плеч и бедер они искусно привлекают клиентов. Сквозь толстый слой пудры, скорее даже помады, пробивается фиолетовый оттенок щек. Губы алеют старопольским амарантом. Однако хорошей клиентуры не много.

Музыканты уже сильно пьяны. Ударяя пальцами по натянутой коже барабанов, они время от времени под-

скакивают в такт музыке и издают пронзительные крики. Бармен обходит всех по кругу, доливая из огромного жбана помбе (местное пиво) тем, кто еще в состоянии платить. По сторонам у края площадки возятся пьяные, они поддерживают друг друга и бессвязно болтают. Никаких ссор, никакой ругани. Они потчуют друг друга до тех пор, пока в кармане не останется ни гроша.

Гей! — все более лихо и зазывающе звучат барабаны. Своим ритмом они гипнотизируют, увлекают, вводят в состояние экстаза. Танцоры изгибаются, искусственно вытягивают шеи, делаясь похожими на хищных птиц, и начинают механически двигать ими, как одурманенные. Веки полуприкрыты, как у лунатиков. Танцуют кто как умеет. Здесь нет обязательных па. Всех объединяет увлекающий, безраздельно господствующий над душой и телом ритм. Такой ритм могут отбивать лишь умелые руки, приученные к этому с детства. И они отбивают его самозабвенно, ударяя попеременно то подушечкой большого пальца, то кончиками пальцев, то кулаком и даже ладонью. Предварительно барабаны настраивают. Их прогревают над огнем, чтобы натянутая на них кожа стала податливой, скользкой и упругой. Если тональность звучания не удовлетворяет исполнителя, он извлекает откуда-то кусочки воска и раскладывает их маленькими порциями на поверхности кожи. На барабанах в Африке исполняют все. Барабаны образуют трио, квартеты и целые оркестры, но всегда — это только одни барабаны: маленькие и большие, бочкообразные, длинные, похожие на орудийные дула, и короткие, на подставках и без подставок, с выпуклыми поверхностями, двусторонние и односторонние...

Парни с силой отбивают ритм, подрагивая плечами и дергаясь всем телом. Время от времени они вскакивают, переворачиваются в воздухе и снова возвращаются к прерванному занятию. Положение играющих зависит от формы инструмента. На барабанах вытянутой формы сидят верхом, некоторые барабаны вешают на грудь или держат под мышкой.

Вдруг ритм танца ослабевает, вместо резких ударов раздается легкое постукивание. Это музыканты для большего разнообразия отбивают такт на собственных коленях. Но неистовая пляска продолжается. То один, то другой выскакивает на середину, отделяясь от изви-

вающегося ряда танцующих, и начинает поднимать колени, выпячивать грудь, вертеть головой. Каждый старается прежде всего обратить внимание на себя.

Неожиданно шум прекращается. Тишина кажется удивительной. Танцоры усаживаются группами, потягивая помбе. Музыканты собираются вокруг огня, настраивают барабаны. Видимо, через мгновение начнется новая программа. Иной танец — иной ритм. Это только нам, европейцам, кажется, что африканская барабанная музыка однообразна и монотонна. Нужно повнимательнее прислушаться, побывать среди различных племен, и ваше ухо научится улавливать тонкие оттенки мелодии.

Но вот раздается резкое, стремительное, навязчивое грохотанье, и на сцену кокетливым аллюром снова выбегают две проститутки в юбочках хула-хула. Они изгибаются, играют бедрами. Это васуахили — жительницы морского побережья. Язык жителей побережья — суахили — эксперанто Восточной Африки.

Женщины семенят ногами, притопывая босыми ступнями, задорно покрикивают, вертятся волчком.

Такого испытания мужчины не выдерживают. Они входят в освещенный круг и начинают танцевать под самой лампой, заигрывая и кокетничая с женщинами. Но вот все сразу кладут руки на бедра и образуют ряды. Танцующие взмахивают локтями, бой барабанов становится все более неистовыем. Они захлебываются, им как будто не хватает дыхания.

Эти сумасшедшие танцы, видимо, будут продолжаться до самого утра. Ничего нового я уже не увижу. Я удаляюсь от раскачивающейся в воздухе лампы, погружаясь во все более молчаливую и темную пустоту другой части уже давно уснувшего города.

Завтра ранним утром меня будет ждать поезд. Я начинаю свое путешествие, или скитание, которое продлится несколько месяцев.

КАЯК ИЗ КОРЫ

Два паровоза, тяжело пыхтя, с трудом втаскивают непомерно длинный состав на Африканское плато, поднимая его от уровня моря на высоту пяти тысяч футов.

В начале состава помещены багажные вагоны, готовые принять на себя основной удар в случае крушения. За ними движутся вагоны третьего класса, до отказа набитые людьми в пестрых, ярких одеждах. И лишь в самом конце состава мягко плывут пульмановские вагоны с вазунгу — «привилегированной кастой» обладателей белой кожи.

На внешней стороне вагонов первого класса под каждым окном прикреплена табличка с фамилией владельца забронированного места.

Вазунгу не теснятся в вагонах и даже не стоят в проходах, как это часто бывает в их родной Улае (Европе). Здесь, в Африке, они ездят с удобствами и комфортом. Докучают лишь резкие толчки паровоза, управляемого машинистом-индийцем.

Каждый белый пассажир получает в свое распоряжение мягкое плацкартное место, постель и сетку от москитов. В связи с предоставляемым комфортом, количество вагонов непомерно возрастает, и паровозы выбираются из сил, поднимая в гору тяжелый состав.

По мере подъема поезда пышная зелень кокосовых пальм сменяется колючками агав. Из-за недостатка влаги растительность делается уродливой, низкорослой, причудливо переплетается в немой отчаянной борьбе за тень и воду.

Местность становится все более неровной. То там, то здесь возвышаются фиолетовые вершины массивных и грозных гор. Где-то вдали, на самом горизонте, они образуют недоступные горные цепи, преграждая дорогу поезду.

Время от времени колеса отстукивают по пролетам мостов, но напрасно искать под ними следы рек. Реки давно пересохли. И на желтом песчаном русле видны лишь причудливой формы косяки пепельных камешков и зеленоватых водорослей.

Вокруг перронов стереотипные, окруженные расползающимися верандами строения с красными крышами. Поезда встречают начальники станций — бородатые индийцы в тюрбанах.

Толпа везде одинакова. Полуголые, прикрытые лохмотьями люди медленно слоняются из конца в конец перрона. Они никогда не спешат. Иногда местные жители выносят к поезду в плоских корзинах бананы, апель-

сины или вареные яйца. Ксё-где потчуют пончиками из пресной кукурузной муки. Все это предназначается лишь для бедного люда. В распоряжении «азунгу» — специальный вагон-ресторан.

Но вот пронзительный гудок паровоза выводит пассажиров из дремотного состояния. Это машинист предупреждает пастухов о приближении поезда. Впрочем, катастроф опасаться не приходится: управление танганьикских железнодорожных линий запретило быструю езду. Да и зачем спешить? Размеренно, неторопливо течет жизнь Африки, и так же, не спеша, тянется по ней гусеница поезда.

Вагоны вздрагивают на стыках рельсов. По обе стороны простираются плантации сизаля. Высокие стрельчатые стебли цветущих агав ровными рядами спускаются к красным заводским крышам.

Здесь, на станции Нгеренгере, я должен сойти и отыскать своего приятеля — управляющего плантацией. Он-то и поможет мне сориентироваться.

Гаррис живет один в огромном, комфортабельном доме с большим количеством комнат. Как управляющий, он пользуется всевозможными привилегиями. Слуги в долгополых накидках молча подают папиросы и охлажденный лимонад. Передвигаются они беззвучно, ступая босыми ногами по коврам.

Из окон дома открывается вид на роскошные клумбы, оторченные фиолетовой каймой искусно выложенных камней и мха.

Поначалу Гаррис без энтузиазма воспринял весть о предпринятой мною экспедиции. Он утверждал, что исконное население уже давно покинуло окрестности. Селения же, которые видны вокруг, — это всего лишь лагери для рабочих. Они приходят сюда из разных уголков Танганьики, не захватывая, однако, с собой ничего из предметов домашнего обихода своего племени.

— Ты только зря набегаешься, а пользы от этого никакой не будет, — говорил он во время завтрака. — Не упрямься, возьми грузовую машину. Она доставит тебя вместе с проводником до ближайшего пункта по течению реки. Дальше пойдете пешком. Вечером шофер будет ждать вас на том же месте, чтобы отвезти обратно. Может быть, где-нибудь у реки и сохранились еще деревеньки первобытного типа.

— Не стоит попусту тратить время. Дай мне ловкого парня, и я отправлюсь.

— Не спеши, дорогой! Прежде всего нужно запастись провизией и водой. По дороге ты не достанешь ничего. В Африке ты еще новичок, поэтому слушай добрые советы и не горячись. Каждому уважающему себя африканцу свойственно чувство меры. Мы не мечемся как сумасшедшие. Так нам велит солнце.

Вопреки ожиданиям Гаррис справился со всем быстро и ловко. Не прошло и часа, как перед домом стояла грузовая машина, а из нее во весь рот улыбался мне молодой проводник.

Я усаживаюсь в кабине рядом с шофером. Мы едем по узкой дороге, проложенной по мелкоструктурному грунту, и вскоре клубы поднявшейся пыли обволакивают нас желтой пеленой. Задыхаясь и кашляя, я высовываю голову в разбитое окно. Снаружи такой же туман. Не понимаю, каким чудом шоферу удается угадывать направление, да еще развивать бешеную скорость.

Этот короткий отрезок пути — всего лишь несколько десятков миль — я, наверное, буду помнить всю жизнь. Я никогда не отдалюсь от ощущений, овладевших мною в тот момент.

К счастью, мои мучения продолжались недолго. Мы остановились в настоящей девственной пуще, карликовом лесу, таком типичном для Африки, и поспешно углубились в чащу, скрываясь от клубов пыли. Здесь, за зеленым заслоном, несмотря на палящее солнце, воздух был чист и казался нам освежающим бальзамом.

Никакой определенной тропинки в лесу не было. Все они переплетались, как в запутанном ребусе, разгадать который было невозможно, но проводник Дикомено без тени колебаний выбирал ту или иную, и я, полностью доверившись ему, слепо шел за ним.

Время от времени навстречу нам попадались девушки с кувшинами на головах. Обнаженные до пояса, они величественно проплывали мимо. Под круглое дно кувшинов или выдолбленных тыкв африканки подкладывают для устойчивости плетенные из травы кольца. У многих женщин груди висят, как опустошенные мешочки. Девушек рано выдают замуж. С первого же года замужества они начинают кормить детей, и так беспре-

рывно год за годом. Трудности с продовольствием порою заставляют матерей кормить детей грудью до пятилетнего возраста. Нередко ребенок разделяет эту пищу со своими старшими братьями и сестрами.

— Какое племя живет здесь? — спрашиваю я проводника.

— Валугуру.

— Ты тоже принадлежишь к этому племени?

— Да, господин.

— Так слушай, дружище: ты получишь хорошее вознаграждение за каждый раздобытый для меня предмет. Я разыскиваю старинные вещи, такие, которыми пользовались твои деды и прадеды, понимаешь?

— Ндио, бвана (Да, господин).

Мы долго идем молча. Под ногами шмыгают ящерицы и ползают омерзительные, стоногие черные гусеницы. Воздух становится влажным, растительность приобретает все более сочную окраску.

— Должно быть, скоро река?

— Близко очень большая река Руву.

— Веди к ней самой короткой дорогой.

— Но там нет людей и интересных вещей.

— Ну хорошо. Веди куда хочешь, лишь бы что-нибудь отыскать. Валугуру курят табак?

— А как же, и даже очень много.

— Значит, у них есть специальные трубки для табака?

— А бвана мкубва курит?

— Нет.

— Так зачем же тебе трубки?

— Хочу показать белым людям в Улайя, какие чудесные вещи могут делать валугуру. Понимаешь?

— Ндио, бвана.

— А гитары у вас есть?

— Что это такое?

Как ему объяснить? Я беру блокнот и делаю набросок. Дикомено смотрит из-за моего плеча. Видимо, больше всего ему импонируют мои способности художника, которыми я абсолютно не обладаю.

— Бвана мкубва большой мастер! Я бы никогда не сумел нарисовать такую маримбу*. Нет, здесь таких

---

* Музыкальный инструмент. — Прим. пер

нет. Но я видел их у людей из племени вахехе. Иногда они приносят их с собой.

Опять под ногой отвратительная гусеница толщиной по меньшей мере с палец и длиной сантиметров двадцать. Я едва ее не раздавил. Изгибаясь и перебирая своими многочисленными ножками, она преграждает мне дорогу. Нигде до сих пор я не встречал такой массы гусениц.

Мы все еще идем по лесу. Пейзаж почти не меняется, и поэтому каждая, даже самая несущественная деталь, привлекающая внимание своей новизной, радует глаз, вливает новые силы, нарушая томительное однообразие окружающего мира. Вот и сейчас сухая желтизна сменяется вдруг сочной пушистой зеленью травы. Мы находимся уже поблизости от реки.

— Как пойдем? Через деревню или прямо к переправе?

— А здесь есть переправа? Может быть, даже лодка?

— Ндюо, бвана, есть и лодка.

Сердце мое забилось сильнее. Я прибавил шагу и уже почти бегу. Радостное предчувствие гонит меня вперед. Вытирая пот со лба, я останавливаюсь у обрывистого берега. Оглядываюсь по сторонам. Где же лодка? Какая она? Обычная, выдолбленная из дерева, а может быть, каяк из коры или звериных шкур? И та и другая представляют теперь музейную редкость.

Но я не вижу ничего.

На песчаной дюне присел на корточки тощий старик и моет горшок. Кусок выделанной под замшу черной от грязи кожи составляет его единственное одеяние. Он делает вид, что не замечает нас.

Знойная тишина замерла среди неподвижной листвы, и лишь серебристые струйки воды, наталкиваясь на камыши, издают едва уловимый, но отчетливо слышимый в эту минуту шелест. Несколько фиолетовых стрекоз кружат над коровьим навозом, значит, этим бродом ходит обычно местный скот.

— Где же лодка? — спрашиваю я Дикомено.

Мой проводник в свою очередь обращается к старику:

— Машуа ико вапи? (Где лодка?)

Старик как будто нарочно замедляет движения. У не-

го нет причин выслуживаться. Он — вольный рыбак! Не поднимая даже головы, небрежным поворотом плеча он указывает на ближайшие камыши.

— Наверное, спрятал в траве, — говорит Дикомено-шепотом.

Тишина в природе обладает той необъяснимой прелестью, что заставляет каждого как бы прикладывать палец к губам. Дикомено, как истинное дитя природы, первый подчиняется ее приказам.

— Обещай ему хорошую награду, и пусть он немедленно доставит сюда эту лодку.

Вместо того чтобы быстро договориться, они пускаются в длительную беседу. Мне ничего не остается, как запастись терпением. Наконец, после многочисленных красноречивых жестов и прерываемых зевотой вопросов старик встал, потянулся, убедился в моей платежеспособности и поплелся к камышам. Через минуту оттуда донеслись его тяжелые вздохи, всплеск воды, и из зарослей показался острый нос лодки.

Я онемел от восторга. Стою как вкопанный и не могу сделать ни шагу. Я не верю своим глазам.

Едва касаясь поверхности воды, ко мне приближается превосходный каяк из коры. Именно такой был описан недавно в одном антропологическом журнале исследователем навигационных средств Джоном Хорнеллом. Хорнелл обнаружил свой каяк на реке Пунгве в Южной Родезии и был необыкновенно горд этим. И вот сейчас перед моими глазами такое же чудо. Как же мне не радоваться? Лихорадочно подсчитываю в уме, сколько у меня с собой денег. Хватит ли на покупку каяка?

— Спроси, сколько он хочет за свою лодку. Я ее куплю у него.

И вновь начинается непонятный для меня разговор. Выразительная жестикуляция. Богатейшая мимика. Это длится несколько минут. Я начинаю беспокоиться, что назначенная сумма превысит мои возможности.

— Старик просит десять шиллингов.

— Согласен! — радостно восклицаю я. — Дам ему десять шиллингов и еще столько же, только пусть вытащит лодку на берег и выльет из нее воду. Но как мы понесем ее дальше?

— Об этом не беспокойся. Здесь недалеко деревня. Там можно нанять носильщиков.

Итак, начало блестящее. Печитель музея будет поражен. Ведь это мои первые шаги на территории Африки, мой первый научный трофей.

Настроение мое сразу улучшилось. Я иду, посвистывая, как Дикомено. Даже натергая на пятке мозоль вдруг перестала болеть. Мы подходим к чудесной поляне, затененной листвой огромного баобаба. Сквозь просветы в чаще леса неподалеку видна деревушка.

— Слушай, Дикомено! Беги в деревню и договорись с людьми относительно лодки, а я немножко отдохну под этим деревом.

Я оперся спиной о ствол дерева, а ноги вытянул перед собой. Как здесь прохладно! Стручки с семенами баобаба свисают там и тут над головой, как огромные елочные игрушки. Масса мелких птичек нашла в листве приют от солнца, и оттуда доносится их неустанное щебетание. Как хорошо лежать в полном бездействии под защитой такого великана и не думать решительно ни о чем! Лучшей и более надежной охраны, пожалуй, не найти... Но что это?

Одна из свисающих надо мною ветвей неожиданно вздрогнула и пришла в движение. Не может быть!..

Я поднимаю голову и всматриваюсь. У меня плохое зрение, поэтому я надеваю очки. На сером фоне ветви выделяются красивые треугольные пятна, и по ним время от времени как бы проходят судороги. Сомнений нет — это питон. Но где же голова? Я пробегаю глазами вдоль его туловища, образующего многочисленные кольца. Вот она! Он даже смотрит на меня своими маленькими блестящими глазками-пуговками. Язык питона нервно движется. Он явно неспокоен. Лучше его не пугать. Осторожно ложусь на прежнее место. Питон не такой большой, чтобы осмелиться на меня напасть.

Наконец возвращается Дикомено. Он подлезает под развесистую ветку баобаба и садится рядом со мной.

Подняв палец вверх, я указываю на змею и говорю как можно спокойнее:

— Нёка (змея).

Африканцы панически боятся змей и всех считают ядовитыми. Нёка внушает неимоверный ужас. Дикомено срывается с места. Он выползает на четвереньках из-под дерева на самую середину полянки и только здесь отваживается встать на ноги.

— Эта змея неопасна, у нее нет яда. Она может задушить кролика или газель, но не тебя — такого огромного парня. Иди сюда, не бойся, рассказывай, что тебе удалось выяснить.

— О нет, бвана мкубва. Нёка, может быть, не тронет вазунгу, но меня она обязательно съест. Я очень боюсь нёки.

— Тогда забирай свой завтрак из рюкзака и иди под другое дерево. Только смотри, чтобы там не было чего-нибудь похуже.

Видимо, не в добрый час я его предостерег. Не прошло и пяти минут, как Дикомено со страшным воплем выскочил из своего нового убежища.

— Бвана мкубва! — кричит он. — Сатана! Сатана!

— Где?

— Там. Прямо у меня над головой и смотрит на меня.

Заинтригованный, я иду в указанном направлении. Но напрасно я напрягаю зрение, напрасно раздвигаю ветви — ничего не видно.

Дикомено тем временем сломал длинную палку и осторожно тычет ею в сдно и то же место на дереве. Наконец-то я увидел «сатану». Это был обыкновенный, самый обыкновенный, никому не причиняющий зла хамелеон. Цвет своего тела он подогнал, насколько мог, под цвет окружающей листвы. Покрыл коричневыми крапинками зеленую спинку, в тон ветвям придал красноватый оттенок брюшку и застыл, уверенный в том, что его никто не видит.

Я люблю хамелеонов. Не раздумывая, я хватаю зверька под брюшко и пытаюсь снять с ветки. Но не тут-то было. Пальцы у хамелеона длинные и достаточно сильные. К тому же он отчаянно шипит и широко разевает пасть, как будто хочет проглотить меня.

Африканцы считают хамелеона воплощением дьявола и всякой нечистой силы. Поэтому ничто не может заставить их дотронуться до хамелеона или хотя бы приблизиться к нему. Хамелеона никто не преследует, не дразнит, не бросает в него камнями... боже упаси! Существует поверье, согласно которому следует избегать даже встречи с ним, чтобы не вызвать его гнева. Иное дело змеи — их можно и нужно уничтожать. Вот и сейчас Дикомено отошел от меня и наблюдает за происход-

дящим на почтительном расстоянии. Малейшее мое движение — и он побежит.

— Оставь, бвана, этого сатану. Идем лучше в деревню. Они там не верят, что ты хочешь забрать с собой эту старую лодку. Они смеются.

Что же мне остается делать? Кладу хамелеона себе на плечо и иду.

У входа в хижину широким кругом на низеньких круглых скамееках сидят мзе (старейшие). При виде меня они встают в знак уважения. Один из них, по-видимому хозяин, берет скамееку, вытирает ее рукой и ставит передо мной.

— Карибу (пожалуйста), бвана мкубва.

— Может быть, бвана мкубва выпьёт с нами помбе?

Помбе делается из кукурузы, проса, бананов и даже бамбука. До сих пор я избегал пробовать это пиво, но на сей раз не смог отказаться. Из рук джумбе (местного вождя) я принимаю выдолбленную из тыквы чару и смачиваю губы в мутной, густой, кисловатой на вкус жидкости. Все присутствующие пытливо заглядывают мне в глаза, стараясь угадать, нравится ли мне напиток. Я вынужден притворяться, что получаю огромное удовольствие. В доказательство я поглаживаю себя по животу. Каждый терпеливо ждет своей очереди. Как почетный гость я начинаю первым.

— Превосходно! Отлично! Асанте сана (большое спасибо), — рассыпаюсь я в похвалах, в то время как мои собеседники уже подхватили чару и она медленно пошла по кругу, переходя от уст к устам, как трубка мира у индейцев Северной Америки.

Чару ко рту подносят не спеша, после чего таким же размеренным жестом вытирают подбородки. Попспешность в еде расценивается как бес tactность по отношению к хозяину дома.

— А это бвана видел? — спрашивает меня джумбе племени валугуру, вынимая из-за спины длинный переливающийся на свету черный хвост антилопы-gnu, предназначенный для того, чтобы отгонять мух.

Ручка, в которой он закреплен, украшена разноцветными, со вкусом подобранными бусинками. Это немножко напоминает старинные гуцульские изделия. Через мои руки прошло много подобных предметов, но этот принадлежит к лучшим экземплярам. Мы бьем по рукам, и

за двадцать пять шиллингов экспонат переходит в мою собственность.

Следует заметить, что многие ученые больны довольно опасной болезнью, которую можно определить как «болезнь влияний». По их мнению, каждая вещь непременно должна откуда-то «происходить» и ни в коем случае не может явиться результатом самостоятельного открытия, результатом творческой инициативы. На почве этой «болезни» нередко возникают нелепые истории.

Как-то раз при виде проволочной серьги, привезенной мною из очередного путешествия, попечитель музея в Дар-эс-Саламе пришел в неописуемый восторг.

— Именно такие спиралеобразные серьги есть в Индонезии! — воскликнул он. — Вот вам лучшее доказательство влияний Индонезии на Восточную Африку.

— Но, профессор, я бы хотел знать, сумеете ли вы свернуть проволоку иначе? Любой человек свернет ее только спиралью. Это диктуется самим материалом, и здесь нет необходимости во влияниях. Такие же спиралеобразные серьги я видел среди предметов, найденных в Мохенджо-Даро и в Уре.

— Вот, вот! Индонезия поддерживала постоянные контакты с Месопотамией и Индией.

Я был зол. Движимый каким-то инстинктом, бегу в библиотеку, хватаю первый попавшийся отчет об археологических изысканиях в странах Европы, лихорадочно перелистываю страницы с иллюстрациями. По счастливой случайности наталкиваюсь на изображение похожих серег. Под ними надпись: «Найдено при раскопках в Силезии. Польша».

Так на противоположных концах света два неизвестных друг другу мастера одинаково свернули два кусочка проволоки. Я абсолютно убежден в том, что подобные явления могут повторяться всюду.

Эти мысли проносились в моем мозгу на обратном пути в Нгеренгере.

Гаррис уже ждал меня с ужином. Я с воодушевлением рассказываю ему о своих трофеях, но он лишь снисходительно улыбается. У него другие интересы — он меня не понимает.

Завтра какая отправится поездом в Дар-эс-Салам, а я двинусь дальше. Такая удача — прекрасный стимул. Я полон энтузиазма и энергии.

Интересные истории можно рассказать об африканских шейных украшениях. Еще задолго до того как пришли сюда первые арабы, здесь делали примитивные бусы. Корни или стебли лиан свертывали в виде шнура и на эти шнуры нанизывали кусочки звериной шкуры, округлой формы камешки, разноцветные косточки от плодов, семена и прочую мелочь. Каждый камешек и кусочек имел свое, особое назначение: они играли роль целебных средств от различных болезней. А колдуны изобретали все более причудливые формы для амулетов, которые одновременно служили украшениями.

Вскоре большую ценность приобрели маленькие морские раковины овальной формы, доставляемые откуда-то со стороны сказочного Занзибара. Со временем они стали выполнять функции разменной монеты. Предприимчивые арабы привозили их сюда мешками и меняли на невольников или слоновую кость. Чем богаче была девушка, тем больше раковинок нашивала она на свою кожаную юбку. Некоторые носили широкие пояса, сплошь покрытые этими раковинками.

Однако больше всего ценились раковины иной формы — треугольные. Их получали путем рассечения оснований огромных конических раковин, добываемых в Индийском океане. Одна сторона этого треугольного медальона была совершенно гладкой, как слоновая кость, на другой выделялись отчетливые следы, напоминавшие улиточки ходы.

Стоимость такой раковины колебалась от одной до трех коз. В более отдаленных провинциях за нее иногда давали даже корову. Теперь местные африканские базары засыпаны подобными треугольными раковинами фабричной работы, изготовленными из какой-то низкопробной европейской глины.

Первые настоящие бусы были завезены сюда из Египта и Маската. Разноцветные, с прожилками, они отливались из стекла ручным способом. Позже появились кольцевидные, неумело сделанные португальские бусы трех цветов: фиолетовые, желтые и зеленые.

Первые путешественники, отправляясь в Африку, брали с собой огромное количество всевозможных бус, чтобы менять их на продовольствие и товары. Но это бы-

ло очень давно. Теперь даже в самых диких уголках предпочитают деньги, разумеется, те, которые поблескивают и звенят. Бумажные деньги не имеют здесь никакой цены. Спрятанные в глиняный горшок или завернутые в лист банана и брошенные в угол, прямо на землю, бумажные банкноты будут немедленно истреблены, особенно если они придутся по вкусу крысам.

С течением времени у каждого племени выработался специфический «национальный» вкус. Одни племена одеваются пестро и ярко, другие — только в черное, в одежде одних сочетаются самые разные цвета, в одежде других — лишь строго определенные. Так, например, масай предпочитают сочетание черного с золотом, а родственное им племя кахе — фиолетового с серебром. Поэтому, направляясь в Африку с чемоданом разнообразных бус, можно попасть в затруднительное положение: ни одна из женщин не захочет и смотреть в сторону твоих сокровищ, если цвет их не будет соответствовать местным вкусам.

Огромную ценность имеют в Африке большие круглые медальоны с отверстием в центре. С одной стороны медальона отчетливо видны спиралевидные углубления. Он представляет собой основание все той же конической раковины, о которой уже упоминалось. Драгоценность эта считается настолько изысканной, что нередко является символом власти.

И вот опять я еду поездом. Каждое мое путешествие по Африке начинается одинаково. Прежде всего необходимо подняться со стороны океана на Африканское плато, а это легче всего сделать на поезде. В Британской Восточной Африке всего две железнодорожные линии, расположенные параллельно друг другу. Соединяет их автобусная трасса. Поэтому утомительная и невероятно пыльная езда занимает целый день. Автобусы идут длинным караваном. Во главе каравана начальник — старший проводник. Замыкает шествие старший механик. Водители автобусов отличаются чувством солидарности. На стоянках они терпеливо ждут, пока подъедет последний. Следует помнить, что путевые происшествия в Африке — явление вполне обычное. Там, где еще совсем недавно была великолепная переправа через реку, сегодня все может быть затоплено водой, а сухая еще час назад дорога — размыта потоками тропического лив-

ия и завалена выкорчеванными деревьями. Еще недавно автобус был совсем новенький, прямо из гаража, и вот у него уже помят капот и продырявлена шина. Возможно, неожиданно в пути его атаковал носорог, а может быть, лягнул жираф... Кто знает?

Итак, после томительного дня переезда я оказался в вагоне поезда на другой железнодорожной линии. Первая соединяла Дар-эс-Салам с Мванзой, эта — Тангу с Арушей.

Я был уже в пижаме и укладывался спать, когда паровоз тяжело засопел и поезд, постепенно замедлив ход, остановился.

В открытое окно влетали ритмичные мальчишеские выкрики и столь же ритмичное грохотанье. На станции происходило что-то необычное. Как не посмотреть? Я высовываю голову в окно. На перроне надрываются что есть сил босоногая команда сорванцов. В руках у каждого из них плоские плетенные из тонких бамбуковых стеблей корзиночки, наполненные камешками. Они размахивают ими в такт пения. Это и создает отчаянно громкий аккомпанемент.

Я знаком со многими примитивными инструментами, но такого еще не встречал. Поспешно выскакиваю на перрон. В конце концов я покупаю всего лишь две такие погремушки, хоть мне и трудно удержаться от того, чтобы не приобрести их по меньшей мере два десятка. Каждый из юных музыкантов сует мне под нос погремушку, просительно выкрикивая: «Бвана мкубва! Ну-нуа... нунуа! (купи, купи!)»

Я тщательно подсовываю края москитной сетки под матрац, чтобы ни одно ядовитое насекомое не проникло внутрь. Ведь поезд идет вдоль протекающей во впадине реки Пангани и лишь к утру выйдет к горам Паре. Вагон приятно покачивает.

Я вскочил чуть свет, боясь проспать маленькую станцию Кахе — этот дивный оазис, не тронутый цивилизацией. Каким чудом он сохранился вблизи одного из крупнейших центров Танганьики — пожалуй, никто не сможет объяснить. Может быть, уберегли его непроходимые леса, населенные носорогами и слонами.

В этих краях я не первый раз и поэтому чувствую себя, как дома. Вождь племени кахе, еще относительно молодой человек с далеко отставленной губой, отличает-

ся необыкновенной слабостью к фотографированию. Несколько сделанных мною снимков вождя и членов его семьи (группой и по отдельности) расположили его ко мне раз и навсегда.

В живописном подобии парка с множеством ручейков и видом на снега Килиманджаро размещается центр цивилизации племени кахе. Здесь находится новое здание школы, неплохая больница, в которой орудует санитар, гостиница на случай маловероятного визита какого-либо официального лица; тут же живет сам великий вождь со своей многочисленной семьей.

В этом естественном парке как будто условились о свидании все самые диковинные пернатые обитатели Африки: рядом с длинноногой птицей-секретарем, выслеживающей змей, можно встретить королевскую цаплю в короне пепельного цвета, на вершинах огромных, могущественных деревьев надрывается пискливым голосом какая-то удивительная разновидность не то фазана, не то глухаря с пурпурно-красным зобом. Время от времени прошмыгнет ящерица метровой длины или танцовщик-скунс с пушистым, изогнутым в виде лиры хвостом.

Но стоит отойти на несколько шагов в сторону от посыпанных песком аллеек и кирпичных построек, как начинается тропический лес, в котором тропинки исчезают бесследно и где невозможно без проводника вернуться к тому месту, откуда недавно ушел. Истинный лабиринт. Того и гляди окажешься в тесном тоннеле, замкнутом сводами развесистых древесных крон, и упрещься в густой частокол, через узкую щель в котором можно попасть только внутрь бомы — обнесенного оградой двора.

Как правило, африканские бомы окружены естественной изгородью — валом из низкорослого, перевившегося колючего кустарника. Этого вполне достаточно, чтобы остановить льва или леопарда, но здесь в значительно большей степени следует опасаться носорогов и слонов. А их не устрашат никакие колючки, в крайнем случае лишь приятно пощекочут.

Сразу же за этой изгородью располагается чисто выметенный дворик. В центре его — соломенная хижина, похожая на стог сена. В ней нет ни окон, ни дымохода. Дверное отверстие закрывается на ночь доской, выте-

санной из дерева вручную. Во дворике полно коз и кур. Иногда появляется тощая сука с целым выводком чуть более упитанных щенят.

Убранство женщин племени кахе выдержано в определенном стиле. Преобладают три цвета: фиолетовый, серебряный и черный. Кольца из цинковой проволоки покрывают ноги от лодыжек до колен, а также руки от кисти до локтя и от локтя до подмышек. Шею украшают обручи из лиан, скрепленных широкими металлическими кольцами. Нижняя часть тела замотана в выделанную под замшу козлиную шкуру, первоначальный желтый цвет которой давно уже стал темным и неопределенным.

Заграждения против носорогов скрыты в чаще высоких деревьев. Узкие, извилистые тропы в зеленых тоннелях, полумрак влажных тропических джунглей, контрастно оттеняющих блестящую лазурь неба, робинзоновские частоколы — все это в совокупности создает впечатление небывалой экзотики. Именно поэтому я так люблю кахе.

Молодой вождь племени приветствует меня искренней, дружелюбной, широкой улыбкой. Мы, европейцы, не способны так выразительно улыбаться.

Не теряя дорогого времени, мы отправляемся гуськом на осмотр окрестностей. Мой новый приятель прекрасно понимает, что мне надо. Мне не приходится ничего объяснять. Он останавливает проходящих мимо женщин, показывает мне самые красивые шейные украшения, вынимает у них из ушей серьги. Он знает, что я не англичанин. Это придает ему смелости, делает немного фамильярным и одновременно сентиментальным. Мы разговариваем, как равные, а это уже очень много в условиях колониальной системы.

Мы входим в самую гущу банановых зарослей. Мягкие, шелестящие, шелковистые листья касаются наших щек. Кое-где свисают огромные гроздья недозрелых плодов.

Банановый лес полон истинно тропической прелести. Его светло-зеленый колорит, влажная прохлада, играющие на земле солнечные блики и целый лабиринт узких тропинок, извивающихся между стволов, — все это создает какой-то особый, исполненный очарования мир. Я люблю бархатистые банановые листья, мягкие, как уши

слонов, и такие отличные от прочей окружающей растительности, цепляющей своими колючками и ранящей до крови.

Из холодного полумрака мы опятьходим на ослепительное солнце.

— Здесь пахнет рекой! — радостно восклицаю я, вдыхая полной грудью запах камыша, самый упоительный запах из всех мне известных, который нельзя сравнить ни с одними духами фирмы Коти или Убиган.

— Да, рядом протекает большой ручей. Мы как раз идем в рыбакскую деревню, — отвечает мой приятель-джумбе.

И вот опять перед нами несколько круглых хижин, расположенных в палисадниках. Прежде чем войти, мы кричим: «Ходи!». Этот клич, распространенный по всей Африке, — своего рода сигнал для спуска разводного моста. Хозяин отвечает нам: «Карибу», что означает: «Пожалуйста, входите!».

Завязывается типичный в таких случаях разговор на тему о том, зачем пожаловали. Нужно терпеливо объяснять все до мельчайших подробностей. Слово «музей» африканцам ничего не говорит. Точно так же они неспособны уловить разницу между понятием «древний» и «старый», то есть просто негодный к употреблению. В конце концов они складывают к моим ногам сломанные мотыги, разбитые горшки и проржавевшие куски железного лома.

На сей раз среди всего этого хлама я обнаруживаю довольно редкую вещь. Старик — глава семьи — кладет передо мною дрожащей рукой рыболовный крючок. Еще недавно я бы пренебрежительно отвернулся. Сколько таких крючков я выбросил в своей жизни? Но теперь я знаю ему цену. Через мои руки прошло достаточное количество фотографий в этнографических альбомах. Я стал настоящим экспертом африканских поделок. Я вижу все; даже сквозь дверную щель я стараюсь рассмотреть скрытые за ней предметы. Опытным глазом исследователя я сразу замечаю, что этот неприметный крючок — ценный музейный экспонат, за который господин Линдблум без колебаний отдал бы несколько сотен золотых. Линдблум — швед, такой же исследователь, как и я, но в отличие от меня большой знаток рыболовных принадлежностей.

Крючок, лежащий у меня на ладони, изготовлен вручную, по всей вероятности из железа, выплавленного непосредственно из руды. Шнур, на котором он подвешен, сплетен из древесных корешков. Я глубоко убежден, что доктор, миссионер и открыватель новых земель Дэвид Ливингстон еще не достиг Африки тогда, когда на этот крючок уже ловили рыбу.

Но что я вижу! Старая, сморщенная, как печеное яблоко, женщина, сидя на низенькой деревянной скамеечке, забавляется своим собственным ухом, как если бы это была нитка жемчуга. Ее ухо спускается в виде сдвоенного шнурка, соединенного в нескольких местах металлическими скрепками. Обнаружить нечто подобное — все равно что открыть в двадцатом веке еще не освоенный материк.

До сих пор в моем музее были представлены две разновидности серег: висячие и вставляемые внутрь проделанного в ухе отверстия. Сегодня мною обнаружена новая разновидность: ухо, которое одновременно является серьгой.

Недавно я сфотографировал африканца с рулоном банкнот, продетым в отверстие для серег. В другой раз мне пришлось встретить санитара с пузырьком йода в ухе. Он вынимал пузырек каждый раз, когда ему приходилось смазывать кому-либо рану, а затем аккуратно водворял его на прежнее место. Я не говорю уже о таких широко распространенных украшениях, как коробочки из-под крема и тюбики из-под зубной пасты. Их можно часто видеть во время различных празднеств.

— Разойдитесь! Идет бвана мкубва! — выкрикивает мой приятель, бесцеремонно расталкивая мужчин и женщин, столпившихся у входа в одну из бом.

— Что тут за сборище? Кто-нибудь умер?

— Нет, это пациенты мганга-мчави (лекарь-колдун), к которому мы идем. Он очень интересный человек.

Все колдуны независимо от своего возраста преисполнены чувства собственного достоинства. Их горделивая осанка, видимо, необходима для поддержания авторитета.

Коготь льва, оправленный в змеиную кожу и висящий на грязной шее колдуна, представляет собой эмблему его зонарской силы. Опытным глазом я сразу

же определил музейную ценность этого амулета и решил заполучить его любой ценой. Мой почтенный приятель и провожатый проявлял чудеса дипломатии, обещая горы золота от моего имени, но все его старания были тщетны. Колдун был неумолим. И вдруг мне в голову пришла счастливая мысль. Я сел на глиняный пол тут же под носом знахаря, подвернув под себя ноги, и заговорил:

— Мы с тобой друзья и коллеги. Ты — мчави для черных, я — мганга для белых. Поэтому я хочу поделиться с тобой сведениями из области медицины. Известны ли тебе, например, чудодейственные свойства коричневых волокон кукурузного початка?

Удивленный вопросом, хозяин дома широко раскрыл рот. Он стыдился признаться в своем неведении. Я решил вывести его из замешательства:

— Волокна эти, заваренные в виде чая, превосходно очищают мочу грудным детям. Разумеется, ты можешь давать этот настой и взрослым, только в большей дозе. А ты знаешь лекарство от зубной боли?

— Конечно, знаю! — с восторгом выкрикивает на сей раз мой собеседник, гордо выпячивая грудь. — Нужно завернуть три крысиных хвоста в банановый лист и сжечь ночью на медленном огне, а пепел высыпать в дупло зуба.

Я стараюсь отвечать ему как можно серьезнее:

— Видимо, твое средство лучше, чем мое, однако попробуй при случае купить в лавочке несколько душистых занзибарских гвоздик, выжми из них масло и положи на зуб.

Восхищение в глазах великого мчави свидетельствовало о ценности данных мною советов. Он слушал меня с огромным вниманием.

— При укусе змеи, — продолжал я, — дай больному отвар корней дерева рокобе. В крайнем случае он может жевать даже листья этого дерева. А если кобра плюнет кому-нибудь в глаз, немедленно промой его отваром корней мусека.

Колдун был на седьмом небе. Лицо его светилось от радости, а когда я кончил говорить, он спросил меня голосом, исполненным уважения и благодарности:

— Что бвана мкубва хочет за свои советы?

— Ничего не хочу, ведь мы с тобой коллеги.

Мы попрощались троекратным рукопожатием, как положено по правилам: попеременно направляя большой палец то вниз, то вверх. В состоянии какого-то странного смятения знахарь остался стоять посреди дворика. Он боролся сам с собой. Видимо, хотел что-то спросить или сказать.

Мы прошли уже солидный отрезок пути, когда за спиной у нас раздался топот босых ног. А через минуту передо мной стоял мой коллега и, лихорадочно глотая воздух, с трудом произносил какие-то несвязные, но мягко и приятно звучавшие слова. Резким, решительным движением он сорвал с шеи свой волшебный амулет и вложил его мне в руку.

— Возьми это на память, бвана мкубва. Ты — великий мчави.

Я демонстративно повесил себе на шею этот львиный коготь и с тех пор никогда с ним не расставался.

ВАМБУГВЕ

Почти каждое африканское племя сооружает различные, характерные только для него типы строений. Особенности архитектуры зависят прежде всего от местных условий. Племя вапаре, например, обитающее в горах того же названия, использует для расселения лишь незначительные равнинные пространства и живет в маленьких, тесных деревеньках. Совершенно иначе выглядят районы поселений племени кахе, где постоянно выпадают осадки. В зарослях густого леса на большом расстоянии друг от друга стоят остроконечные хижины с покатыми, стогообразными крышами.

Меньше считаются с природными условиями кочевые племена. Им не страшен дождь, ибо солнце моментально высушит открытые равнины. Здесь не сгниют никакие посевы, зато большую опасность представляют ветры. Поэтому хижины пастухов из племени вагого, вамбуэла или масай — приземистые, с плоскими крышами, трудно различимые издалека, так как полностью сливаются с окружающей глинистой почвой.

Но лучше всего замаскированы жилища племени вайрак. Как бы врезанные в естественный гористый ландшафт, они напоминают бомбоубежища. К подобно-

го рода поселениям относится и деревня Мбугве. Тут на площади тридцати квадратных миль расселилось целое племя.

Трудно встретить где-либо пейзаж более неприглядный, чем эта выжженная солнцем, красная, буквально без единой травинки пустыня, по которой разбросаны плоские четырехугольные коробки, покрытые толстым слоем глины, смешанной с коровьим навозом.

Мбугве — одно из самых жарких мест Восточной Африки, несмотря на то что расположено оно достаточно высоко над уровнем моря.

Вамбугве — потомственные пастухи. Они необыкновенно смелые охотники на крупного зверя. Каждый мужчина племени считает делом чести охотиться одновременно с двумя копьями, а нередко к ним прибавляется еще и лук со стрелами. Женщины племени не любят ярких одежд и шейных украшений. Единственная роскошь, которую они себе позволяют, — это шитье бисером на праздничных юбках, всегда по одному трафарету, напоминающему по рисунку хризантемы. Мужчины не курят, но зато со страстью жуют табак. Все носят с собой рожки. Они то и дело присаживаются, флегматично открывают пробку и высыпают на руку измельченные в порошок листья. Ближайшие соседи их с нетерпением ждут этого момента, чтобы присесть тут же рядом. Скупость расценивается как самый большой позор. Угощают щедро и каждого.

Однако больше всего поражает то, что для скота — основы существования скотоводческого племени — нет корма в этой выжженной солнцем долине. Пастбища племени вамбугве удалены от мест его поселения по крайней мере на пятнадцать миль. Изо дня в день скотоводы перегоняют коров туда и обратно. Оставить скот на ночь в обществе леопардов они не решаются. Но ничто не может убедить их в бессмыслиности таких перегонов и в том, что это отрицательно влияет на удойность коров. Не лучше разве всему племени переселиться с высущенной зноем земли на зеленые заливные луга у кристально чистой реки? Казалось бы, что проблема решается предельно просто, и тем не менее они предпочитают оставаться на том же месте. Здесь более здоровый воздух, как утверждают жители деревни, и, что самое главное, здесь жили предки.

В большинстве своем вамбугве — католики *. Но сколько бы раз мне ни приходилось сталкиваться с африканцами-нехристианами, я никогда не уставал удивляться высокому уровню их представлений об этике, а также строгости и обязательности их моральных норм. Во время своих путешествий по Африке безопаснее всего я чувствовал себя в далеких заброшенных уголках, которых не достигло еще влияние нашей «цивилизации». Порядочность этих людей, их непосредственность в общении, сердечность и предупредительность трогают до глубины души. Рвачество, расчетливость, алчность зарождаются лишь вблизи городов. Худшими в этом смысле являются, безусловно, воспитанники католических миссий.

С незапамятных времен на этой территории функционирует миссия. Дом приходского священника приютился возле одинокой, как будто умышленно сброшенной для этой цели с небес, скалы. Зной из раскаленной солнцем долины смешивается с жарким дыханием нагретого камня, и в доме буквально нечем дышать.

При виде убожества жилища приходского священника у меня не появилось ни малейшего желания воспользоваться гостеприимством его хозяина. Впереди еще целый день, и где я найду ночлег — пока не имеет никакого значения. Я благодарю священника за проводника. Это один из учеников миссии.

Мы идем рядом, широко размахивая руками. Кругом равнина и обожженная солнцем глинистая почва. В сезон дождей здесь клейкое болото, теперь же — рассохшееся, зияющее трещинами, алчущее влаги поле. Солнечные лучи отражаются от этой ровной поверхности как-то особенно ярко, так что глазам больно. Как нарочно, я не захватил с собой темные очки и питьевую воду.

Долина Мбугве издалека кажется совсем маленькой. Поэтому я рассчитываю на скорое возвращение в индийскую лавочку и теплую бурду, которая называется тут лимонадом. Как маяк в море, свет которого виден

* Католицизм местного населения, навязанный колонизаторами, носит весьма поверхностный характер; нередки случаи, когда освободившиеся от иностранного господства африканские народы вместе с чужеземным гнетом сбрасывали и пути чужой религии. — При.и.ред.

вот уже в течение двух ночей, но который по-прежнему недосыпаем, стоят хижины Мбугве, и мы ни на шаг не можем к ним приблизиться. А тем временем жажда становится все сильнее, пересыхает горло, режет глаза и в довершение всего нестерпимо трет башмак.

Я не совсем понимаю, почему проводник ведет меня так далеко. Хижины почти не отличаются друг от друга.

Многие из них уже остались позади, но ни в одну мы не зашли. Видимо, он руководствуется какими-то особыми соображениями, и я следую за ним, не протестуя. Наконец мы подходим к хижине, несколько большей по размерам, с двумя страусовыми яйцами на плоской крыше. Впрочем, крыша почти каждой хижины имеет какой-то опознавательный знак. Ее венчает или разбитый горшок, или несколько перьев, или, наконец, страусовые яйца, уложенные по-разному. Если бы не существовали эти отличительные знаки, никто не был бы уверен в том, что это его дом.

Хижины, перед которой мы остановились, окружена узкой верандой. Крышу веранды поддерживают деревянные стойки. Они-то и делают строение похожим на клетку. Перед единственным входом в хижину на маленькой скамеечке сидит старый, седой, сморщеный дед. Седых африканцев здесь можно встретить довольно редко. Ведь жизнь их, как правило, очень непродолжительна.

В хижину вамбугве нужно входить в полусогнутом состоянии и сразу же садиться на ближайшие нары. Даже пигмей не смог бы тут выпрямиться. Хижины разделены на четыре части: «салон», спальня, кладовая для продуктов и скотный двор. Здесь отсутствуют какая бы то ни было вентиляция и дымоход. В «салоне» разведен очаг, на нем готовится пища. По стенам размещены предметы повседневного обихода: луки, колчаны, мотыги, деревянные ложки, горшки, плетеные корзинки, лекарственные травы, пучки перьев и охотничьи щиты.

— А это что такое? — спрашиваю я мальчика-подростка, показывая на какую-то странную палку.

— Палка для рукопашной схватки.

— Покажи мне ее поближе.

И вот у меня в руках не то рапира, не то палка двухметровой длины. Приблизительно посередине круглая, из толстой кожи гарда, предохраняющая руку.

— Неужели мужчины дерутся вот этим?

— Теперь нет, а когда-то, очень давно, дрались. Если бвана мкубва хочет, я могу позвать кого-нибудь из наших мзе, и они покажут, как это делается.

Упрашивать не пришлось. Достаточно было лишь закинуться о своем желании, и старики просияли от удовольствия. Еще бы! Такая редкая возможность показать себя! Сейчас они продемонстрируют молокососам, как жили прежде. Стариков собралось довольно много. Они образовали широкий круг. Двое более молодых и энергичных вышли на середину. В левой руке они держат палку, в правой — длинный, эластичный бамбук. И вот начинается поединок. Поначалу мне казалось, что все это затеяно в шутку, но чем дальше, тем более грозной выглядит битва. Старики дерутся одержимо, вслепую, ударяя друг друга куда попало. Один такой удар в голень — и может быть сломана нога. К счастью, сражающиеся неплохие мастера. Они вовремя заслоняются, вовремя отскакивают, и лишь сухой треск палок свидетельствует о том, что борьба продолжается с неослабевающим упорством и азартом.

Наконец старики устали. Они чаще останавливаются, чтобы перевести дух, но тут же делают новый прыжок.

Зрители приплясывают от восторга, свистят и выкрикивают наперебой:

— Мзури!.. Кабииса мзури! (Хорошо!.. Очень хорошо!)

Время от времени то один, то другой отделяется от толпы, бежит к своей хижине и вскоре возвращается с такой же палкой, грязной, покрытой плесенью и паутиной. На некоторых даже болтаются коконы еще не вылупившихся мотыльков. Почти все собравшиеся старцы уже запаслись оружием на случай, если и им придется блеснуть отвагой. Ведь не только те двое в центре умеют сражаться. Они тоже покажут свое мастерство. Вооруженные палками с заостренными наконечниками, они напоминают отряд, готовый к выступлению.

А те двое, что дерутся, постепенно ослабевают. Ноги уже не подчиняются им, и они все чаще падают на руки стоящих по кругу товарищей. Но в глазах у них прежний азарт.

— Надо их развести, а то будет плохо! — бормочет джумбе, и сразу же десятки рук хватают бойцов за по-

лы одежды. Но отдать приказ легче, чем его выполнить. Ни один не хочет оставить поле битвы первым. Как это будет выглядеть? Противники выкрикивают угрозы, размахивают кулаками и продолжают гневно наскакивать друг на друга.

— Довольно, хватит!.. — кричат все вокруг.

Я покупаю две такие палки и тут же делаю запись в блокноте: «Палки племени вамбугве для рукопашной битвы. Гарды из кожи бегемота или носорога».

Моя каждодневная охота за экспонатами для музея начинается по уже установившейся традиции. Я говорю проводнику:

— Попроси джумбе — пусть принесут шитые бисером юбки. Я хотел бы купить несколько штук. Скажи также, чтобы захватили рожки для табака, я выберу лучшие. Обещай, что за все хорошо заплачу.

Тут-то и начинается представление. Вождь племени, выступая в роли мудреца и поверенного вазунгу, объясняет окружающим то, чего не понял сам. Он, разумеется, хитрит, выдумывает, но присутствующие слушают его с раскрытыми ртами.

— Сам бвана мкубва, как видите, таких юбок не носит. Его жена и другие женщины в Улай таких юбок тоже не носят, но зато там есть большие обезьяны, а они только в таких юбках и ходят. Так вот для этих обезьян бвана мкубва все и покупает.

Слушатели важно кивают головами.

А тем временем мальчики-посыльные уже возвращаются с охапками разного старья. У моих ног вырастает куча хлама, который при всей нищете местные жители уже не в состоянии использовать. Среди этой свалки — даже современные резиновые туфли.

— Вазунгу скупает старые вещи! — летит по деревне радостная весть, и каждый спешит с тем только может, что успел схватить в темном углу своей хижины.

Я не охлаждаю их энтузиазма: из груды рухляди часто можно выбрать реликвии древности. Неожиданно обнаруживается то деревянная ножка от скамейки с искусственной резьбой, то кусочек какого-нибудь бронзового украшения, то фрагмент фигурки, высеченной из эбенового дерева. А это всегда наталкивает на мысль о том, что если найдена часть, то следует искать и целое.

Вот и теперь я вытаскиваю из кучи старья потрепан-

ный широкий кожаный пояс с рядами нашитых на нем раковинок, тех самых, которые выполняли некогда функцию африканской разменной монеты.

— Может быть, у кого-нибудь сохранился такой же целый пояс?

Ребята мигом вскочили, и через несколько минут передо мной лежали три одинаковых пояса.

Я слоняюсь всюду, заглядываю под каждую крышу, добродушно улыбаюсь каждой старухе, стараясь расположить к себе их сердца. Постепенно жители деревни привыкают ко мне. Они видят, что я не пытаюсь их обмануть, плачу честно, даже слишком щедро, и начинают вынимать из своих закромов все самое лучшее. Я уже приобрел две хорошенъкие корзинки и несколько декоративных тарелок. От хижины к хижине увеличивается число моих юных помощников, добровольных носильщиков. Каждый стремится заработать и принять участие в развлечении. Купленные мною вещи они делят между собой: один несет лук, другой — стрелы, третий — горшок, а четвертый — крышку от него. С болью в сердце я вынужден иногда отказываться от ценного экспоната, потому что его невозможно увезти. Так, например, вамбугве хранят просо в огромных глиняных сосудах шарообразной формы, диаметром три метра и более. Такую «вазу» сооружают внутри хижины, так как иначе она не вошла бы в дверь, но зато и вынести ее из хижины невозможно.

Домой возвращаемся далеко за полдень. Домой! Я понятия не имею, где мне придется ночевать, где мой «дом». Кажется, неподалеку отсюда, у самых скал находится нечто вроде пансионата. Но можно ли там жить? Чаще всего в таких пансионатах обитают лишь змеи и летучие мыши. А, будь что будет! Мы идем по направлению к скалам.

Долина Мбугве уже изменила свои краски. Она больше не ослепляет отражением раскаленного солнца. На землю легли темно-оранжевые тени. Расплывчатые фиолетовые следы еще недавно существовавших болот вырисовываются теперь отчетливо, как фантастические материки на другой планете. Передо мной — две широкие с изрытым грунтом дороги. Во время дождя, когда земля была сырой, ее взрыхлил своими копытами проходя-

щий скот. Теперь оставленные им вмятины застыли острыми, торчащими выступами. Время от времени на горизонте появляется облачко, но оно не предвещает дождя. Это всего лишь пыль, поднимаемая проезжающими вдалеке машинами.

Лениво пережевывая траву, возвращается с пастбища скот. Напевными окриками его подгоняют аскетичные старцы. Каждый из них вооружен двумя пиками, ибо в этих местах нередко встречаются леопарды.

Несмотря на вечернюю пору, жара не ослабевает. Стокилограммовой тяжестью духота ложится на грудь и медленно сдавливает горло. Жадным взором я всматриваюсь в каждого встречного: нет ли у него с собой какого-либо питья. Сейчас я выпил бы любую дрянь из самой грязной посудины. В такие моменты трудно бывает держать себя в руках. Я сетую в глубине души, ругаюсь на чем свет стоит, хотя прекрасно отдаю себе отчет в том, что когда-нибудь, сидя в удобном кресле у камина, буду с удовольствием вспоминать эти мгновения.

Вдали видны жестяные крыши лавочек. Они отчетливо выделяются на фоне глинистой почвы и манят сладостной перспективой теплого, мутного лимонада. Кто не испытал жажды во время тропических переходов, тот мне не посочувствует. Без еды еще можно существовать несколько дней, но без воды — абсолютно невозможно.

Перед глазами у меня уже ходили темные круги, когда я наконец добрался до заветного напитка. Я выпил три бутылки одним залпом. Хозяин лавки, видя, насколько я измучен, предложил мне... автомобиль. Я был поражен: неужели можно заработать на автомобиль в этой маленькой, жалкой лавочонке?

— Ничего удивительного. Мбугве — это очень выгодное место. Благодаря здешним доходам я имею не только автомобиль, но и большой магазин в городе.

— Но здешние жители выглядят нищими! — говорю я, окончательно приведенный в замешательство.

— О-хо-хо! — смеется хозяин, и его жирный живот колышется из стороны в сторону, — уж будто они такие бедные! Не один из них мог бы купить автомобиль, но они предпочитают проводить время, сидя на пороге своих хижин. Зачем им автомобили?

— Но где же они держат деньги?!

Новобрачная

Кожа металл и... коралловые бусы

— В глиняных горшках, в земле. Поэтому-то они и просят у нас металлические монеты. Если бы вы приехали сюда во время какого-нибудь праздника, вы бы собственными глазами увидели, какие тут устраиваются приемы. Как пьют, как едят, а как одеваются... о-х-х-о!

— На чем же вы больше всего зарабатываете?

— На мыле. Один кусок я делю на пятьдесят частей. Здесь не могут сообразить, что выгоднее. Главное за один раз истратить поменьше денег. Так они выплачивают в десять раз больше, но зато не сразу.

Машина с комфортом доставляет меня прямо к небольшому домику, приютившемуся у подножия скал. Еще в дороге я узнаю от шофера, что дом занят. Уже с полгода в нем живет доктор — мганга. Но доктор этот не лечит, а лишь изучает жизнь здешних людей и собирает различные вещи для какого-то музея.

— Ты говоришь, что он уже давно здесь. А откуда он приехал?

— Кажется, из Америки, точно не знаю.

Навстречу нам выходит угрюмый растрепанный блондин интеллигентного вида. Он приветствует меня крепким рукопожатием, как бы в доказательство того, что он не англичанин. Англичане, как правило, приветствуют лишь кивком головы. Тоном, не располагающим к откровению, он спрашивает, что я разыскиваю. Названная мною профессия, кажется, прозвучала для него не очень убедительно. Тем не менее он пригласил меня войти и выпить с ним стакан виски жестом, который остался для меня лишь жестом, не затронув струн моего сердца.

Из обрывков рассказанного им я пытался воссоздать образ этого странного человека. Выяснилось, что во время войны он был хирургом на африканском фронте. Возненавидев войну, он охладел к медицине, но горячо полюбил Африку. И вот в качестве сотрудника какого-то американского учреждения он был направлен сюда для изучения быта и нравов племени вамбуугве.

Мы распрощались без каких бы то ни было признаков сентиментальности. Правда, мне было предложено воспользоваться запасной кроватью, но компании подобного рода тяготят меня. Во взаимоотношениях с людьми я истинный славянин: меня привлекает атмосфера взаимопонимания и доброжелательства, а ее-то

как раз и не было. Поэтому я отказался, сославшись на то, что уже договорился провести ночь в соседней школе.

С ночлегом хлопот не было. Директор школы мобилизовал учителей, их соседей и соседей этих соседей, и вся эта радушная, приветливо улыбающаяся компания предоставила в мое распоряжение все самое лучшее, что только имелось. И вот на столе в актовом зале лежит чистый матрац, рядом стоит шкафчик с тазом и кувшином для воды, чуть подальше — столик, накрытый салфеткой, а на нем — молоко, яйца, чайник с горячим чаем. Одним словом, полный комфорт, и, что самое главное, среди этих людей я чувствую себя во столько непринужденнее, чем в обществе мрачного хирурга.

Несколько человек усаживаются вокруг меня. Разговор идет на чистейшем английском языке:

— Ваша школа выглядит совершенно новой, — замечаю я.

— Только год назад состоялось ее торжественное открытие.

— И много в ней занимается учеников?

— Не очень. Большинство предпочитает школу при миссии.

— Обязательного обучения у вас нет?

— Какого обязательного? — не понимают мои собеседники.

Я подробно рассказываю им о европейских обычаях, об обязательном бесплатном обучении. Они ничего об этом не слышали. Здесь может себе позволить такую роскошь лишь тот, кто богат. За обучение надо платить.

— А в школе при миссии обучают бесплатно?

— Там существует система отработки. Когда наступает пора сбора урожая, ученики больше заняты в поле, чем на уроках.

«Как хорошо выглядит все на статистических таблицах, — думаю я. — И лишь когда непосредственно сталкиваешься с жизнью, выясняется, как обстоят дела на самом деле».

После чая я обхожу зал с лампой в руках. На стенах его — диаграммы, из которых видно, сколько автомобилей, паровозов, книг, свечей, тетрадей, обуви, одеял

и прочих товаров поставляет Англия в Африку. Разумеется, напрасно искать в этой настенной статистике данные о плантациях кофе, чая или пиретрума. Здесь нет сведений об алмазных и золотых копях, ничего не говорится ни о заводах мясных консервов, ни о благовонной гвоздике, ни о копре кокосовых пальм — словом, ни малейшего упоминания об экспорте. Школьники слушают сказки о благородных, щедрых, бескорыстных бвана мкубва — англичанах и хором по пальцам пересчитывают все «великодушно преподносимые» ими дары...

От директора школы я случайно узнаю о существовании каких-то удивительных накидок из тисненой кожи. Старики племени гороа как будто носят такие накидки и по сей день.

На рассвете я отправляюсь в путь. Вслед за мной гуськом идут юные носильщики. Цель моего путешествия — местечко Бабати (всего одна улица в пять домов).

Необходимо поймать попутную машину. Лучше всего сесть под баобабом и ждать. Уже не раз мне приходилось сидеть в долине Мбугве под этим баобабом, известным своей толщиной. Внутри у него — дупло, в котором могут без труда поместиться, присев на корточки, двадцать взрослых мужчин. Баобаб стоит у самого края шоссейной дороги. Это единственная дорога, соединяющая Кейптаун с Каиром, т. е. мыс Доброй Надежды со Средиземным морем, дорога, пересекающая всю Африку с юга на север.

На неасфальтированном ее отрезке Аруша — Додома протяженностью приблизительно шестьсот километров образовались под влиянием эрозии поперечные рубцы. При скорости девяносто километров в час колеса машин не попадают во впадины. Они пролетают, лишь слегка касаясь выпуклых хребтов. Но стоит чуть снизить скорость, как начинается немилосердная тряска.

Сидя в дупле баобаба, приходится очень внимательно смотреть на дорогу, чтобы не пропустить пролетающие, как молния, машины.

На этот раз мне повезло. Я благополучно доорался до Бабати. Обладателя редкой накидки я нашел сидящим под баобабом, похожим на тот, что растет в долине Мбугве, но несколько меньшим по размерам. На старице действительно была широкая накидка из кожи. Он

распростер полы накидки, подставляя их под солнечные лучи, чтобы я мог лучше ее оценить. Замшевая поверхность накидки была сплошь усеяна дырками, образующими затейливые геометрические рисунки, напоминающие бушменские письмена на стенах пещер. Я едва удержался от того, чтобы не выразить свой восторг, но мысль о том, что цена тут же подскочит, остановила меня. К сожалению, ничто не помогло. Старик потребовал от меня сумму, превосходящую все мои возможности. Теперь я знаю наверное: будь у меня тогда одеяло, я бы смог его обменять. Я уже был близок к тому, чтобы отказаться от покупки, но в этот момент подоспел маленький услужливый африканец и, едва дотянувшись до моего уха, прошептал:

— Я знаю другого старика, который носит такую же накидку. Пойдем, бвана, со мной.

Мы пошли вдоль деревни. В связи с приближающимся торжеством обрезания перед каждой хижиной стояли кувшины с бродящими напитками. Как-то раз в одной из деревень я заметил прелестный кувшин, напоминающий по форме греческую вазу, обтянутый шкурой зебры. Не говоря уже о его музейной ценности, он представлял собой прекрасное, в высшей степени художественное произведение искусства. Не задумываясь, я купил его.

— Подожди здесь, я войду к мчави первым, — сказал мой проводник. — Он изготавливает сейчас яд для стрел.

— Уж не боишься ли ты, что он меня убьет?

— Да нет же, — смеется мой собеседник, — но никто посторонний не должен знать, как приготовляется яд.

— А ты знаешь, из чего он делается?

— Конечно, знаю. Из корней дерева мсунгуги *.

— Если ты знаешь, почему я не должен этого знать?

— Потому что яд теряет свою силу, если чужой человек или женщина посмотрит на котел, в котором он варится.

— Ну ладно, иди, а я подожду тебя здесь.

Я отошел в сторону, но все же услышал их разговор. Видимо, они были где-то неподалеку.

---

* Латинское название *asocanthera*, в этом деревне содержится гликозид убайн, смертельная доза — 0,001.

— С тобой хочет говорить вазунгу, великий бвана мкубва.

— Скажи ему, что меня нет.

«Ничего себе! Методы европейских директоров!» — подумал я.

— Я не могу этого сказать. Он знает, что ты дома.

— Чего же он хочет от меня? Может быть, он лесничий?

— Да нет. Он хорошо платит за то, что покупает.

— Но я ничего не продаю.

— Он хочет купить твою кожаную накидку.

— Врешь. Ни один вазунгу не носит такой накидки.

— Он собирает старинные вещи для Улай.

— Сколько он дает за нее?

— Разреши ему войти.

Не дожидаясь приглашения, я вошел в хижину. Старик от неожиданности чуть не лишился дара речи.

— Ну как, ты приглашаешь меня или мне продолжать стоять на дороге?

— Пожалуйста, бвана... входи!

Показанная мне накидка оказалась чудом орнаментальной техники и превзошла по качеству ту, первую. Я приобрел ее за двадцать пять шиллингов для Музея национальных культур в Млочинах. Я искренне гордился этим редким экземпляром. Итак, моя коллекция пополнилась двумя очень ценными вещами — палками и накидкой. Ни того ни другого мне не приходилось встречать в европейских музеях.

МАСАИ

Уже несколько недель стоит изнурительная жара. Кругом бело от мелкой пыли, которая покрывает буквально все. Даже тропическое, всегда сочное по своей окраске небо и то поблекло. Микроскопические, проникающие всюду частички пыли, поднятой проходящим скотом, туманным облаком нависают над землей. Зной высасывает последние капли влаги, которые еще сохранились кое-где в тесных расселинах или затененных местах лесной чащи.

Но разве найдешь лесную чащу на масайской равнине! Кругом, насколько хватает глаз, — открытое про-

странство, поросшее кактусами, агавой и редким жалким колючим кустарником.

На небе ни облачка. Так было вчера, позавчера, два месяца назад, и можно смело биться об заклад, что и через две недели здесь не появится ни одной тучки. Стоит жестокий, безжалостный, педантично из года в год повторяющийся в одни и те же сроки «сухой сезон» — своеобразное испытание на выносливость. В этой чудовищной борьбе за жизнь выстоят лишь самые крепкие животные, ловкие и умные, которые сумеют разыскать для себя сохранившиеся кое-где остатки травы. Если же период засухи затянется, начнется массовый падеж скота и отовсюду, куда ни кинешь взгляд, будут доноситься жалобные, безнадежно взывающие голоса несчастных животных.

По извилистой тропинке, протоптанной за столетия босыми ногами, от самого горизонта, где в широком русле бывшей реки сохранилась еще тоненькая струйка воды, печально тянутся друг за другом женщины. На головах они несут кувшины или выдолбленные тыквы. Куда девался присущий им темперамент? Пугливо и трепетно смотрят их черные глаза. Женщины измучены до последней степени. Сегодня уже в третий раз они идут за бесценным сокровищем — грязной, мутной водой. Липкий пот тонкими ручейками стекает по их голым животам. Всегда весело щебечущие, сейчас они молчат и отупевшим от усталости взором измеряют пространство, отделяющее их от заветной цели.

По-прежнему веселы одни ящерицы. Они шмыгают то здесь, то там, а потом скрываются в раскаленных скалах, где не может ступить нога человека, и лежат, наслаждаясь приятным для их тела зноем.

На полуразрушенном гнезде термитов переливается зеленым блеском смертоносная, ядовитая змея. Время от времени она конвульсивно вздрагивает от удовольствия, а ее пытливые глаза загораются кровожадным огнем. Змее некого бояться. Ни одно животное не захочет выйти из укрытия в такой нестерпимый зной. Даже длинноногая, изящная птица-секретарь — этот всегдаший враг змей — и та предпочитает прохладную тень прибрежных пальм и бананов. На высуненном солнцем, бело-желтом пространстве только ядовитая мамба поражает своей ярко-зеленой окраской.

Ах, простите! Зеленым пятном выделяется и новая шляпа Мандо, моего проводника и слуги. Она еще не успела выгореть.

С того момента как состоялось наше знакомство, то есть с первых дней службы у меня, Мандо стал изысканно элегантен. Все заработанные деньги он тратит на одежду. У него есть все: и зеленая шляпа, и фиолетовый галстук, и рубашка цвета свеклы, и желтые брюки, и ярко-красные носки, и, наконец, башмаки со скрипом.

Неделю назад он попросил у меня отпуск на пять дней.

— Зачем тебе отпуск? — спросил я. — Ведь семья твоя здесь, совсем рядом, и ты можешь навещать ее почти каждый вечер.

— Мне нужно съездить в Корогве за башмаками.

— Так далеко?! — удивился я.

Рядом с нами в Аруше было много обувных магазинов, которые были значительно больше и лучше, чем лавочки в Корогве.

— Да, бвана мкубва. Только там есть сапожник, который умеет шить такие башмаки.

— Что же в них особенного?

— Ты знаешь, бвана, санитара Сахиди?

— Знаю. Ну и что?

— Так вот, он носит башмаки, привезенные из Корогве. Ты слышал?

— А что я должен был слышать?

— Как что? Ведь они же поют, как маримба. Ни один сапожник в Аруше не умеет шить такие чудесные башмаки.

Вскоре я забыл об этом разговоре, но отвратительный скрип башмаков Мандо напомнил мне их историю.

— Сколько же стоят эти музыкальные башмаки? — спросил я.

— Тридцать пять шиллингов.

— Побойся бога! В Аруше такие же можно купить за двадцать.

— Но они не поют, как маримба!

Мандо продолжает путь. Он идет широким шагом, стараясь извлечь из своих чудесных, поющих на все лады подметок как можно больше разнообразных звуков.

Тем временем последние, еще сохранившие остатки зелени кусты остались далеко позади, и мы вступили в

бесплодную зону ярко-красной глинистой почвы. На ровной до сих пор поверхности начали появляться выступы, которые по мере приближения к синеющим на горизонте высокогорным цепям становились все выше и выше.

По дороге навстречу нам движутся огромные стада откормленного скота. По мордам животных стекают капли воды.

— Мы почти у цели, — говорит Мандо — вон за теми камнями первый колодец.

И вот мы у его края. Перед нашими глазами открывается совершенно неожиданная картина: искусственный, изрезанный ленточками дорог кратер, на дне которого чернеет несколько колодезных отверстий. Вниз отвесно опускаются каменные ступени. Из высеченных в камне желобов пьет скот. Впрочем, скот здесь везде. Погоняемый масайскими пастухами, он сходится сюда и расходится по радиусам, напоминая вереницы крупных муравьев. Голые, будто отлитые из бронзы мужские фигуры выстроились от желобов к колодцам. Из рук в руки ритмично передаются ведра.

Колодцы, расположенные на масайской равнине в Восточной Африке, и по сей день представляют собой неразгаданную загадку. Когда тысячу лет назад сюда пришли из Египта масай, их ждали уже готовые колодцы, столь же таинственные и не менее древние, чем сегодня.

О происхождении этих колодцев ходят самые разные слухи. Некогда именно здесь пролегал главный путь следования финикийских караванов, направлявшихся за золотым руном и слоновой костью. Вероятно, финикийские рабы и выкопали эти колодцы. Даже в настоящее время мало кто из белых жителей Танганьики слышал об их существовании, хотя они представляют собой явление уникальное.

— Солнце уже садится, а мы еще далеко от селений. Где ты думаешь ночевать? — спрашиваю я Мандо.

— Недалеко масайская бома; я знаком с предводителем племени, там можно будет устроиться.

— Хорошо. Проводи меня туда.

— Куда? В бому семейных или моранов (молодых воинов)?

— Тула, где безопаснее и чище.

— К моранам ближе. Я отведу тебя к ним.

И вот мы опять идем по равнине, обходя большие дороги, по которым ходит скот. По небу, как следы от реактивных самолетов, пролегли белые полосы облаков. Это пыль, поднимаемая копытами тысяч животных.

Перед самым заходом солнца, когда этот оранжевый, раскаленный шар уже не слепит глаза, мы останавливаемся наконец у ворот бомы моранов. Нас встречают тучи надоедливых мух. Они покрывают лицо, шею, руки. Бороться с ними бесполезно. Ворота ведут внутрь заграждения, обнесенного толстой стеной из переплетенных сухих тернистых веток. Такую ограду лишь в редких случаях отважится преодолеть лев или леопард. Единственное отверстие для входа на ночь загораживается ветками. С внутренней стороны вдоль ограды расположены глиняные, цилиндрической формы хижины, похожие на пчелиные ульи. Разумеется, в них нет ни дверей, ни печей. Входные отверстия хижин загромождены различного рода преградами от хитрого и нахального льва. Посреди двора высокая жердь, на которой висит цветной лоскут. На жердях меньших размеров — львиные гривы — охотничий трофеи.

У ворот стоят несколько вооруженных мужчин. На остриях их копий черные, мастерски скатанные из страусовых перьев шарообразные наконечники. Эти наконечники называются эль-суль-суль; они свидетельствуют о миролюбивых намерениях моранов.

Моран — особа привилегированная. С ним лучше не сталкиваться. Шутить он не любит. С юных лет моран подвергается испытаниям. Со щитом и копьем его оставляют одного в безлюдном месте, и он должен продемонстрировать свою зрелость.

Противодействовать справедливым требованиям морана нельзя. Уязвленная гордыня не признает другой мести, кроме кровопролития. Масай не бежит от возмездия. Без страха ждет он судебного приговора. Впрочем, смерть для него — это обычный эпизод, случай или предназначение судьбы. И все же лучше его не трогать. В полной безопасности можно чувствовать себя лишь в том случае, если на острие копья масай надет черный шарообразный наконечник. Масай никогда никого не обманут

На руке моран носит браслет из рога с двумя торчащими вверх рогульками. На поясе у него висит прямой меч в красном кожаном чехле, а единственное его убранство составляет замшевый плащ, ниспадающий с плеч мягкими складками. Прикрыть наготу им довольно сложно, все зависит от положения тела: то вдруг оказываются на виду голые ягодицы, то вновь мужество предстает во всей своей пленяющей красоте. Понятия ложной стыдливости не существует.

До шестнадцати лет молодые люди обоего пола выполняют легкие работы и развлекаются. Они пользуются полной свободой общения друг с другом, но при условии соблюдения некоторых правил предосторожности. Наблюдают за этим умудренные жизненным опытом женщины. С шестнадцати лет юноши носят меч и копье. И лишь когда им исполняется семнадцать, они подвергаются особым испытаниям и обряду обрезания. С этого момента они считаются моранами, защитниками первой оборонительной линии. В этом звании они состоят вплоть до тридцати лет, потом женятся или становятся воинами второй оборонительной линии (в охоте на льва) и уже не носят косы.

Процедура обрезания — наиболее значительное событие в жизни масаи. Это большой праздник племени. О начале празднества извещает великий лойбон киток из Маудули или несколько менее важный колдун — кацик лойбон из Килиманджаро.

Все юноши одного года обрезания, или так называемой рики, в течение последующей жизни составляют единый клан под общим названием, например «Львята», «Непокоренные сердца» и т. п.

Как-то я оказался свидетелем такой сцены. С ярмарки возвращалась супружеская чета масаи. Муж шел впереди, жена — на несколько шагов, как и полагалось, отставала от него. На голове у нее была пустая выдолбленная тыква для молока. Неожиданно, как из-под земли, перед ней вырос прекрасно сложенный молодой воин в полном боевом снаряжении. Преградив дорогу молодой женщине, жестом повелителя он воткнул перед ней в землю свое копье. При этом не было сказано ни единого слова. Деспотичного красноречивого жеста было достаточно, чтобы женщина покорно сняла с головы тыкву, поставила ее рядом с копьем и направилась за

мораном. На тропинке осталось воткнутое в землю, еще вздрагивающее от прикосновения руки копье. А муж тем временем присел у края тропинки, скрутил папиросу и принялся терпеливо ждать.

Таковы законы масай. И тем не менее глубоко заблуждается тот, кто думает, что жизнь морана состоит из одних удовольствий. Изжила себя межплеменная вражда, но дикие звери остались. Львы и леопарды, как и прежде, оглашают ревом предсумеречную тишину. А ведь скот — это единственная опора жизни масай. На защиту его без малейших колебаний встают мораны. В бой моран идет совершенно нагой, вооруженный лишь копьем и щитом. Приемы схватки со зверем установлены издавна: воин приближается мелкими шагами к зверю до тех пор, пока тот не бросится в атаку. Тогда моран занимает исходную выжидательную позицию. Тупой конец копья он упирает в землю, а острие должен направить очень точно, чтобы при последнем прыжке зверь сам наткнулся на него. Вполне понятно, что сотрясению от такого толчка не может противостоять ни один воин. Он падает навзничь и, прикрываясь щитом, принимает зверя на себя. Щит достаточно велик, но и его не хватает для того, чтобы защититься от ударов мощных когтей. Счастье тому, кто хорошо нацелил копье и убил зверя наповал. Раненый же лев или леопард продолжает еще долго и остервенело набрасываться на одержавшего победу охотника, раздирая его когтями. Иногда схватка заканчивается тем, что из-под мертвого зверя воины извлекают тело убитого товарища. Редко можно встретить пожилого масай, на теле которого не было бы шрама. Шрам — это предмет их гордости.

Мораны ведут поистине спартанский образ жизни. Они не имеют права спать на кровати, сидеть на стуле, курить табак и пить пиво. Одним словом, они лишены элементарного комфорта, чтобы не изнежить, чего доброго, свое тело.

Основным продуктом питания масай является говядина. Ее запивают свежей, еще теплой кровью. У живой коровы стрелой пробивают шейную артерию и собирают кровь в чаши.

— Спроси этих воинов, что стоят у ворот, когда начнется период праздников, — обращаюсь я к Мандо.

Мой вопрос, как всегда, становится поводом для продолжительной дискуссии.

— Они говорят, что сейчас в соседней боме есть как раз один юноша, над которым завтра утром должен быть совершен обряд, но бвана не должен этого видеть. Разве только если разрешит джумбе.

— Ты ведь знаешь джумбе. Попробуй получить у него разрешение.

— Я его позову, а попросит лучше бвана сам.

— Делай, как хочешь, лишь бы был результат. А теперь проводи меня к той боме.

И опять беседа с воинами, сопровождающаяся жестикуляцией.

— Сегодня нечего смотреть, — говорят они. — Юноша сидит дома, а мать бреет ему голову. Готовятся к завтрашнему дню. На рассвете он должен омыться специальной водой, которая стоит в горшке за бомой.

Вождь племени оказался очень любезным и, я бы сказал, по-своему культурным и современным человеком. Он разрешил мне все, о чем я его просил, и даже пригласил переночевать в своей хижине. Но я предпочел чистый воздух и небо с Южным Крестом над головой.

Меня разбудили несметные полчища мух. Тело мое было буквально покрыто ими. Мухи — это постоянный бич всех кочевых поселений. С подобным явлением я столкнулся некогда в пустынях Сирии и Ирака. Впрочем, ни бедуины, ни масаи не делают из этого трагедии.

Утром из родительского дома выводят героя дня. Он идет голый, каким его создала природа. Его держат под руки двое друзей. За пределами бомы, недалеко от изгороди, прямо на земле расстелена шкура только что убитого вола. На нее сажают юношу. Мне прекрасно все видно. По милости джумбе около самой шкуры для меня поставили европейский шезлонг. Рядом со мной сидят несколько старых женщин.

Трое стариков следят за тем, чтобы жертва не шевелилась. Один стоит за спиной юноши, двое других держат его за ноги. Через минуту появляется фунди — хирург. В руках он держит прямоугольный кусочек заостренной жести, напоминающий скальпель. Я уверен, что нет нужды держать юношу, он и так не осмелится

пошевельнуться. Если бы он закричал, его оставили бы на весь поселок: «Масай, кандидат в мораны, а плачет, как женщина!» Операция проходит быстро, и мать уводит юношу, оставляющего за собой капли крови. Теперь он неделю просидит дома, а затем присоединится к группе таких же, как и он, разрисованных мелом юнцов, головы которых украсят птичьи перья. Они будут обходить соседей и просить милостыню. Это тяжелый период в жизни масай, им даже мыться запрещено.

В награду за пережитое юношей ждут соблазны жизни морана. Но прежде каждый из них должен испытать свою силу и мужество: вместе с двумя товарищами убить льва.

Бой быков известен не только в Испании. Масай тоже развлекаются подобным образом, с той только разницей, что они быков не убивают. Эти животные здесь очень высоко ценятся. Выбранный среди прочих парень — ол-ополос-ол-китенг — должен схватить быка за правый рог и удержать его на месте. Таким тореадором может быть лишь сын масай, не имеющих никаких пороков. На счету у его отца не должно быть ни одного убитого соплеменника, а у матери — ни одной беременности, предшествующей началу периода обрезания*. Эм-болосат, или испанская коррида, происходит в круглом дворе бомы.

Если кому-нибудь из моранов надоест положение холостяка, ему достаточно набросить пояс на шею выбранной девушки и сказать: «Ты будешь моей женой». Добыть таким образом себе жену совсем нелегко. Куда проще договориться с пожилой, ловкой женщиной, которая и набросит пояс на шею избраннице. Пойманная девушка плачет для приличия, хотя ей вовсе не всегда хочется плакать.

Женщины здесь не имеют права голоса при выборе мужа. Обычно об этом заботятся их родители. Они могут откупиться телкой от неугодного им претендента. Если же выкупа не последует, жених немедленно преподносит подарок: мед, табак и соду. Родители невесты устраивают пир. По существующим обычаям, жених должен терпеливо ждать, пока его невеста подвергнется

* Обрезание девушек (девиргинация) — распространенный у некоторых племен Африки обычай искусственного нарушения девственности. — Прим. ред.

ритуалу обрезания. Лишь через три месяца после этого она дает знать своему избраннику, что готова приступить к исполнению обязанностей жены. Жених приносит ей в дар четыре бараньи шкуры на свадебный наряд, так называемый ол-огосан, и железный браслет, который надевает на щиколотку правой ноги молодой женщины.

В день свадьбы жених приводит за рога еще двух баранов, причем непременно таких же по расцветке, как подаренные ранее шкуры, в крайнем случае бараны могут быть белыми с коричневыми головами.

Любая незначительная на первый взгляд деталь здесь имеет особое значение и носит определенное наименование. Каждая бусинка в ожерелье, каждая отмечинка на палке, каждый изгиб меча — все является символом, все играет первостепенную роль. И беда тому, кто не соблюдает обычая. Даже самый большой невежда знает, что свадебный подарок называется ингеруа насия, баран — ол-ол-сулет, а овца — субени. Предназначенная для свадебного дара овца должна быть обязательно девственницей, иначе брак окажется бесплодным. Трудно себе представить, какие серьезные последствия может повлечь за собой пренебрежительное отношение к символическим, ритуальным условностям. Об этом известно лишь богу солнца Нгай и его представителям на земле — лойбонам.

Избородив Африку вдоль и поперек, можно увидеть разных людей, но масай нельзя сравнить ни с кем. Это народ в высшей степени оригинальный. Они прекрасны в своем горделивом достоинстве, пластичны в движении, упруги в ходьбе. Незабываемы их красивые медно-бронзовые тела. Неожиданное появление одного из этих достойных воинов перед глазами неподготовленного туриста производит впечатление ошеломляющее, незабываемое.

ВАСУКУМА

У Маджабери — короля племени васукума — семьдесят две жены. Своих жен он предусмотрительно разместил в разных уголках владений, так, чтобы в одном месте жили не более четырех.

Коров у могущественного Маджабери около пяти тысяч, и они также содержатся в разных местах.

У васкума нет недвижимой собственности. Земля принадлежит всему племени или номинально... королю. В случае если кто-нибудь захочет построить себе хижину либо возделать участок земли, он должен получить разрешение вождя, который в свою очередь обращается к совету старейшин, и, если не возникает неожиданных препятствий, истец получает положительный ответ. Впоследствии уже никто не имеет права отобрать у него землю, разве только если ее «владелец» будет осужден за грубое нарушение бытовых норм.

Король Маджабери никогда не видел своих пяти тысяч коров. Они существуют лишь в списках, свидетельствующих о том, что кто-то получает от них молоко. Этот кто-то должен быть благодарен королю за его доброду, а это самое главное. Чем больше коров, тем больше благодарных подданных.

Сегодня я — гость при дворе короля Маджабери. Двор этот состоит из четырех смежных, крытых банановыми листьями помещений, два из которых предоставлены в мое распоряжение. Двери из моих комнат ведут прямо в гарем четырех жен короля. Со всеми четырьмя я имел удовольствие познакомиться: по повелению своего супруга они пришли приветствовать вазунгу. Робко приблизившись ко мне, они грациозно опустились на колени и, кокетливо наклонив головы, начали хлопать в ладоши, воздавая надлежащие почести. В первый момент я чуть было не сделал то же самое. Европейцу трудно привыкнуть к тому, что в Африке представления обо всем совершенно иные. В благодарность за оказанный мне прием я одарил всех женщин бусами, чем глубоко тронул сердце короля Маджабери.

Итак, я намерен пробыть в этом великолепном дворце до тех пор, пока не выну из ушей окрестных женщин все наиболее необычные серьги и не выкуплю у колдунов их таинственные бубенцы.

Неожиданно выясняется, что Маджабери — мой коллега. По собственной инициативе он основал местный этнографический музей. Какие экспонаты он там поместил, мне еще неизвестно. Скоро увидим. В сопровождении всего двора король торжественно провожает меня в расположенный особняком сарай. Я догадываюсь, что это

и есть здание созданной недавно обители науки. Ржавые двери ее, по всей вероятности, уже давно не открывались и поддаются с трудом. Паутина затянула все вокруг. Но вот наконец мы попадаем внутрь. По стенам развешаны запыленные, покрытые червями клочья звериных шкур, сломанные бубенцы, всевозможные кости и палки, осколки глиняных горшков и прочий хлам неопределенного цвета и формы.

Да, надо обладать недюжинным опытом, чтобы суметь разглядеть здесь что-либо достойное внимания.

Вот висит толстый, тяжелый, двухметровый шест, заканчивающийся тоненькой заостренной стрелой. Я пытаюсь дотронуться до нее пальцем.

— Осторожно, бвана мкубва, она отравлена! — вскрикивает Маджабери, хватая меня за рукав. — Это — для охоты на льва. Такой шест подвешивается на дереве острием вниз у самой дороги. Проходя внизу, лев срывает шнур, и шест всей своей тяжестью обрушивается ему на спину.

— А что означают эти бубенцы, висящие на палке?

— Они уже давно вышли из употребления. Прежде, когда отдельные племена враждовали между собой, воин, убивший врага, обходил с такой палкой в руках все окрестные хижины и звоном бубенцов возвещал о своем триумфе, а затем вешал ее при входе в свое жилище.

Я невольно оглядываюсь назад. Вероятно, не один из идущих вслед за мной стариков, тех, что сейчас любезно улыбаются, некогда уведомлял подобным звоном о своей кровавой победе. Постепенно замедляя шаги, я продолжаю осмотр развешанных по стенам «экспонатов».

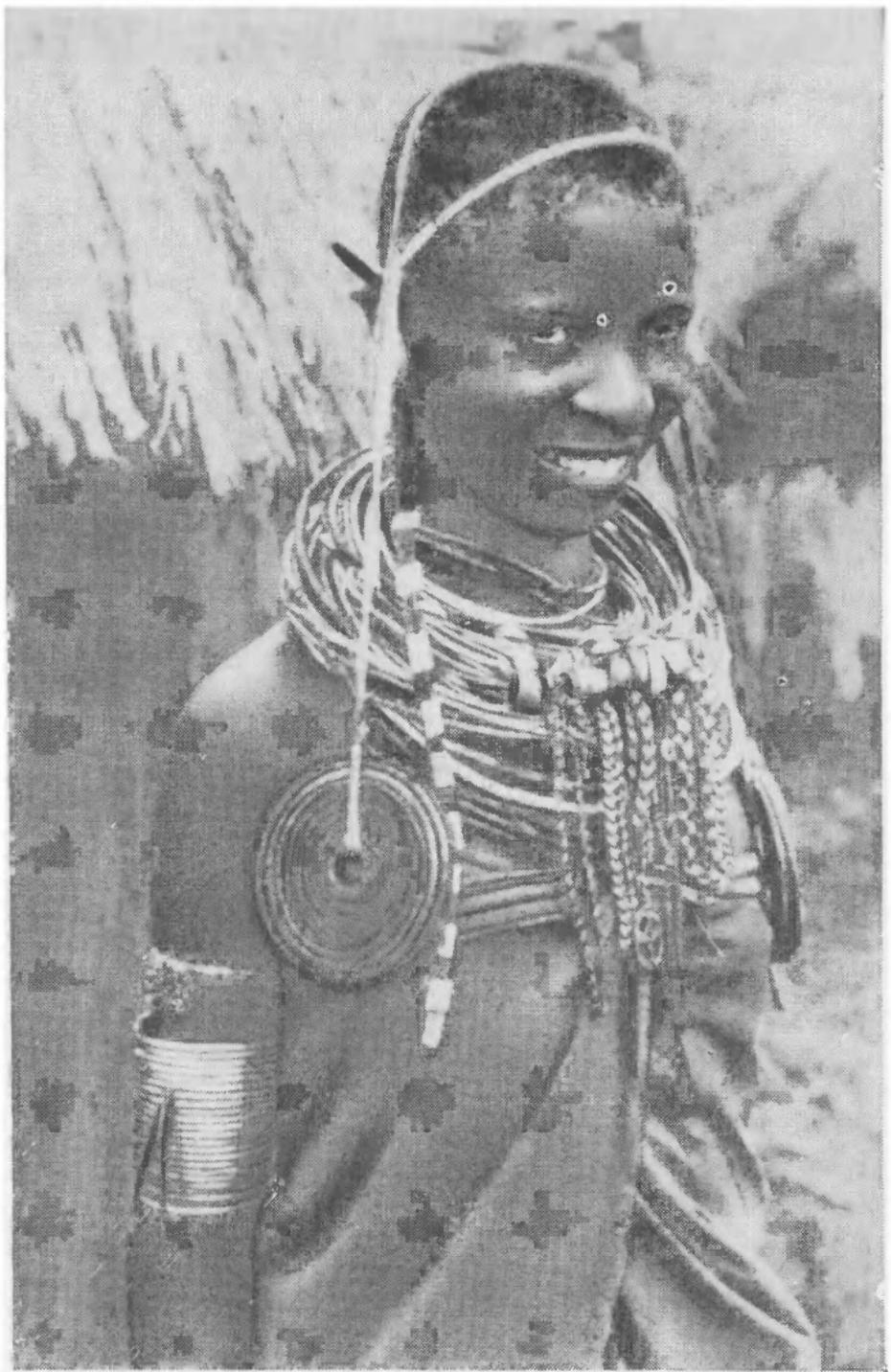
— А эта метелка из грязных шнурков тоже что-нибудь означает?

— Конечно, это своего рода девичий передничек. Вот тог соседний, еще чистый, плетенный из белого шнура, принадлежал бедной девушке...

— Все не так, как у нас: новые вещи носят бедные, а старые и грязные — богачи? Почему так?

— Этот передничек загрязнился потому, что его часто погружали в масло, бедная же девушка не могла позволить себе такой роскоши, и ее метелка была сухой.

Племя васукума славится своими прекрасно организованными певческими братствами, которые отличаются

Колдуны изобретали новые формы для амулетов, и они служили в качестве украшений

Женщина племени масаи любит украшения

друг от друга одеждой и татуировкой. Так, например, двойная линия, идущая наискось через всю грудь от правого плеча до левого бедра, означает принадлежность к братству багика; представители же братства багулу обводят татуировкой левый глаз и делают несколько постепенно увеличивающихся кругов на левой груди. Представители братств басаи и бадамо танцуют с бубенцами на щиколотках под аккомпанемент однострунных гитар, а банкугули и багоянги — под стук барабанов. Багоянги славятся также своим умением лечить от укуса змеи, байейе же — самые лучшие охотники, особенно на слонов. Именно поэтому они и исполняют танец слонов. Каждый член племени васукума должен принадлежать к одной из этих группировок.

Программу выступлений намечает предводитель, он же режиссер, своего рода маэстро-конферансье. В танцах принимают участие только молодые девушки, а замужние женщины с завистью посматривают на них, стоя в стороне. Время от времени то одна, то другая неторопливой величественной поступью подходит к танцующим и одаряет кого-нибудь орехами или медными монетами. Дары эти неизменно встречаются дружными аплодисментами всех присутствующих. Получивший подарок, безразлично юноша или девушка, грациозно опускается на колени. Я высыпаю на ладонь все имеющиеся у меня в наличии медные монеты и бусы и, поколебавшись с минуту, тоже выступаю вперед. Вокруг воцаряется мертвая тишина. Все смотрят на меня. Предельно смущенный, не зная куда деть руки, я останавливаюсь перед самой красивой девушкой, а она, не дожидаясь пока я поднесу свой дар, уже низко приседает. Все выглядит необыкновенно церемониально. Я краснею, как перед экзаменатором. Довольные зрители устраивают мне шумные овации. Они неистово хлопают в ладоши и подпрыгивают от удовольствия.

Вечер. Луна освещает двор гарема. Посреди двора танцуют и поют две группы африканцев. Маэстро с гитарой в руке и погремушкой на пальце бегает вдоль рядов танцующих, выкрикивая какие-то куплеты. Иногда он останавливается и прислушивается, проверяя таким образом дисциплину в подчиненной ему группе. Время от времени какой-нибудь солист выскакивает вперед и выкрикивает остроты. Ему вторит хоровой смех.

Танцы вакуума несложны. Юноши подрагивают плечами таким образом, чтобы находящиеся в свободном положении руки производили впечатление безвольно повисших плетей. В противоположность этим очень быстрым, но мало эстетичным движениям танцующих девушки, которые шеренгой стоят перед юношами, выполняют незамысловатые, но в высшей степени пластичные движения кистями рук с одновременным полу-приседанием. Самое неприятное в этих танцах — пронзительный свист обычных европейских свистков, заглушающих в общем приятную напевную мелодию танца. Каждый из танцующих считает делом своей чести свистнуть как можно сильнее. По всей вероятности, те же самые танцы раньше, когда их не портил свист, были гораздо эстетичнее.

Ночь я провел в палатке, так как несметные полчища клопов и блох вынудили меня покинуть дворец короля. Это было что-то невообразимое! В первый момент я решил, что подвергся нападению муравьев, и только потом, как следует протерев глаза, сообразил, в чем дело.

Меня разбудили чьи-то голоса. Скорились несколько мужчин. Я прислушался, пытаясь что-либо понять, но это оказалось невозможным. Язык сукума отличается от суахили. Я высунулся из палатки. Разговор тотчас же прекратился. Маджабери склонился передо мной, а его приближенные захлопали в ладоши. Я понял, что король изливал свой гнев на подчиненных за то, что я провел ночь в палатке. Он не в состоянии понять причину, которая вынудила меня покинуть его гостеприимный дом, и чувствует себя оскорбленным.

Но вот из-за кактусовой изгороди неожиданно появляется процессия. Впереди мальчик-подросток несет огромный рог буйвола — символ священной магии колдуна. Рог этот доверху наполнен целебными средствами от всех болезней. Здесь и кусочек тела злой колдуньи, и щепка дерева, растущего на могиле самоубийцы, и клочок уха щенка, издохшего до момента прозрения, и волос из гривы живого льва (хотел бы я увидеть смельчака, который сумел его вырвать!), и горсть земли из гнезда термитов, над которыми повисла радуга после дождя.

Вслед за подростком идет второй, чуть постарше. На плече у него покоится раструб трехметровой деревянной трубы. Последним шествует сам колдун, обве-

шанный с ног до головы амулетами и разнокалиберными перьями. Щеки его раздуты, а лицо приобрело фиолетовый оттенок от усилий, с которыми он дует в свою иерихонскую трубу. За почтенной процессией тягнется обычная толпа зевак, ничуть не отличающаяся от той, которая сопровождает оркестр, шествующий по улицам Варшавы.

— Сколько колдунов ты пригласил сегодня ко мне? — спрашиваю я Маджабери.

— Четверо придут наверняка. Если бы у меня было больше времени, я бы позвал и остальных. К сожалению, они рассеяны по всему лесу. Останься, бвана, у меня на пару недель, и мы организуем все наилучшим образом. А вот и второй подоспел...

Действительно, в воротах показался тощий седой старик с лицом аскета. Кусок полосатой шкуры зебры опоясывал его бедра. В руках он нес два железных шеста, а на груди у него была подвешена большая, круглая, некогда белая, но теперь почерневшая от грязи раковина.

— Это очень мудрый мчави, он лечит меня и моих жен, — говорит Маджабери. Затем он наклоняется к моему уху и добавляет: — Он даже может заставить женщину полюбить тебя.

— Сколько тот старик хочет за свою трубу? — спрашиваю я в ответ.

— Он хочет двадцать шиллингов, но не надо обращать на это внимания. Что ты пожелаешь, бвана, то и будет твоим. Смотри, записывай и говори мне. Я все устрою.

Радущие Маджабери поистине безгранично, но он хитер и увертлив, как лиса. Стارаясь ублажить меня как почетного гостя, он в то же время боится вызвать недовольство своих подданных. Маджабери — один из четырех представителей Восточной Африки, которые во время второй мировой войны побывали за счет Великобритании на всех фронтах Северной Африки и выступали с речами перед африканцами — участниками войны.

Теперь через каждые два слова Маджабери возвращается к воспоминаниям о своем грандиозном путешествии и спрашивает меня, бывал ли я в Абиссинии и видел ли Аддис-Абебу — это очень красивый и большой город.

— Я хочу купить еще те две палки, которые колдун держит в руках, — заявляю я категорически.

— Э, нет. Их ты не получишь ни за какие сокровища. Напрасная трата сил и времени. Это — регалии, передающиеся по наследству. Кто знает, сколько поколений они пережили. Если он отдаст их, то утратит свою магическую силу, а может быть, сразу умрет, повергенный молнией. Но из всякого положения можно найти выход. У меня есть знакомый, он окончил приходскую школу и даже собирается ехать в Дар-эс-Салам. Он не колдун, но по наследству от отца ему достались такие же палки. Попытаем счастья.

— Эй! — обратился Маджабери к кому-то из приближенных. — Беги скорей и приведи сюда санитара.

Санитары, выбравшие эту специальность по собственному желанию, наиболее образованная прослойка среди местных жителей. Все они превосходно говорят по-английски. В их распоряжении находится микроскоп и микстура от... сифилиса, кроме того, они всем делают внутривенные вливания. Себя они не позволяют величать иначе, как «бвана мганга», что означает «господин доктор».

Не прошло и получаса, как на низенькую скамеечку передо мной опустился изящный, опрятно одетый молодой человек. Склонив голову в знак уважения, он застыл в ожидании вопросов, ибо здесь считается, что начинать разговор первым невежливо.

— У тебя остались после отца колдовские палки? — спрашивает Маджабери.

— Да, господин.

— Бвана мкубва хочет их купить, он дает по три шиллинга за палку.

— Я не могу их продать. Я должен перед смертью вручить их сыну. Так завещал отец, умирая.

— До смерти еще далеко, палки нужны для музея сейчас. Ты же умный, образованный человек. Неужели ты веришь во всякую чепуху?

— В чепуху я не верю, но у меня есть брат. Может ли бвана мкубва поручиться, что мой брат не умрет, если я продам палки вопреки воле отца?

Разумеется, поручиться в этом трудно. А вдруг что-нибудь произойдет и все племя васукума потребует меня к ответу?

— Этот бвана мкубва — сам доктор и колдун. Он знает, что делает, — объясняет Маджабери. — Твои палки попадут в руки мганги. Сам ты ведь не занимаешься практикой, тебе они не нужны, а бвана мганга они пригодятся.

Этот последний аргумент окончательно сломил сопротивление санитара, и я купил обе палки за десять шиллингов.

Тем временем у шалаша появился еще один колдун. Под мышкой у него — рог антилопы, оправленный в дерево, на шее — огромный кристалл кварца.

— Это мчави, он вызывает дождь, — шепнул мне Маджабери. — С ним лучше не портить отношений.

В памяти моей всплыла любопытная история, рассказанная мне несколько дней назад старостой в Додоме. Это произошло в его провинции. Некий знахарь, повелитель дождей, зарабатывал огромные деньги. О нем ходила слава как о человеке очень богатом, но платить подушного налога он не желал. Староста послал к нему чиновника напомнить о платеже. Колдун отчитал чиновника и предупредил, что, если тот явится еще раз, он сожжет молнией его жену и детей. Несчастный был вне себя от страха, но, когда староста приказал ему опять идти к колдуну, ослушаться не посмел. Через несколько дней после этого второго визита к дому старосты принесли останки женщины и двух детей, пораженных молнией. Это были члены семьи чиновника. Положение старосты было поистине трудным. Что ему было делать? Покарать колдуна — значило официально признать его власть над силами природы, не карать — еще хуже. В конечном счете решено было его арестовать и привлечь к ответственности за неуплату налога.

В день суда стояла превосходная погода, как это бывает обычно в сухой сезон. Колдун предстал перед судом в своем полном официальном облачении: обвязанный амулетами, в шапке из перьев. Все обвинения он выслушал с невозмутимым спокойствием. Но вдруг среди ясного неба появилась черная грозовая туча. Началась паника. Дождь в эту пору — вещь абсолютно неслыханная! Все со страхом поглядывали на двери. Судья, чтобы как-то восстановить порядок, со злобой обратился к знахарю:

— Может быть, этот дождь — твоих рук дело? Хоро-

шо, если ты действительно обладаешь такой властью убей меня молнией.

Колдун посмотрел исподлобья на старосту и ответил совершенно спокойно:

— Бвана мкубва я не трону, но их, — тут он резко повернулся и указал на толпу свидетелей, — я убью!

В этот момент раздались страшнейшие раскаты грома и потоки тропического ливня обрушились на крышу дома. В одно мгновение зал опустел, и заседание суда пришлось прервать.

Подобную же историю я слышал из уст настоятеля католической миссии того же округа Додомы: «Был невероятно засушливый год. Скот вымирал из-за отсутствия корма. Голод угрожал жителям деревни. Нашу церковь наполняли толпы молящихся о дожде. Ежедневно вокруг здания миссии я устраивал процесии, призывающие дождь. Должен же был я что-то делать, чтобы успокоить эти разгоряченные головы. Но наши молитвы не возымели никакого действия. И вот однажды, идя во главе процесии, я заметил колдуна, скромно стоящего у забора. Я сразу узнал его по амулетам, бубенцам и прочим регалиям. Одновременно я почувствовал крайнее возбуждение толпы верующих. Когда шествие закончилось, ко мне подошли несколько почтенных старцев и, упав на колени, начали умолять меня позволить великому мчави тоже помолиться о дожде по-своему.

Я согласился без долгих колебаний, объяснив им, что если бог захочет послать нам дождь, то он может сделать это даже через колдуна. Пусть себе молится по-своему, я ничего не имею против.

Колдун разложил свои атрибуты в церковном дворе и начал читать заклинания. Мы стояли поодаль, с любопытством взирая на него. Не прошло и пятнадцати минут, как появилась огромная туча и пошел первый в этом году дождь. Что вы на это скажете? Может быть, этот человек чувствовал приближение дождя, может быть, он располагал какими-то, только ему известными сведениями, но факт остается фактом. Дождь пошел».

Теперь я отчетливо вспомнил обе эти истории.

— Я бы хотел посмотреть, как колдун вызывает дождь, — сказал я. — Мог бы он сделать это сейчас?

Маджабери весело усмехается. Его хитренькие глазки щурятся, исчезая в складках жира. По всей вероят-

ности, ему хочется выставить конкурента на посмешище, но он предпочитает не рисковать. Вот он долго объясняет что-то, сопровождая свою речь красноречивыми жестами. Толпа зевак кивает головами. Колдун же, по мере того как говорит Маджабери, все больше нервничает, оглядывается, как будто высматривая кого-то или что-то, поднимает голову, раздувает ноздри. Наконец, расчистив вокруг себя место, он садится на круглую скамеечку, устанавливает перед собой рог на деревянной подставке, а на другую, такую же маленькую скамеечку кладет три круглых камешка.

Шум в толпе смолкает. Зрители присаживаются на корточки. Какой-то парень подходит к колдуну и опускается перед ним на колени. Затем оба они наклоняются над рогом.

— Ничего не получится, — шепчет колдун Маджабери. — Я не принес масла, а без масла нельзя.

— И правда, — соглашается Маджабери, — без масла нельзя. Пусть кто-нибудь сбегает в мой дворец за маслом.

Через минуту кусок так называемого масла появляется на ладони старого колдуна. Неторопливыми, размеренными движениями он смазывает им рог антилопы и три камешка. Грязный жир стекает по его пальцам и капает на землю. При этом колдун что-то шепчет, неожиданно громко выкрикивая заклинания и время от времени поглядывая на небо.

— Что он там говорит? — с любопытством спрашиваю я Маджабери.

— Я не понимаю, он говорит на своем, только ему понятном языке. Верно, разговаривает с самим дьяволом. Просит, чтобы у этого парня перестала болеть голова.

— Но ведь я хочу, чтобы он вызвал дождь. Головная боль этого парня меня нисколько не занимает. Головы он может лечить завтра, а сегодня пусть вызовет дождь.

Маджабери смущенно краснеет.

— Бвана мкубва не понимает. Он специалист по дождям и головной боли и, пока не вылечит голову, не может вызывать дождь. Всему свой черед, надо запастись терпением.

— Ну, коли так. я подожду.

А великий колдун тем временем извлек из кармана полоску львиной шкуры с нашитыми на нее раковинами, свернул ее в виде браслета и надел на руку своего пациента. Затем он сделал несколько жестов, не то прощальных, не то благословляющих, снял с себя кристалл кварца и повесил его на шею больного. Тот поднялся на ноги и неуверенно, точно лунатик, пошел вперед, раздвигая толпу, как будто ему необходимо было идти в одном, строго определенном направлении.

— Куда он идет?

— Навстречу дождю, — говорит Маджабери и весело смеется.

Вокруг поднимается шум и суматоха. Целый лес рук протягивается в направлении ближайшей пальмовой рощи. Поднявшийся ветер рванул палатку и унес у меня с колен исписанные листки.

Уж не обманывает ли меня зрение? Небо с противоположной стороны затягивается тучами. Туча, самая настоящая, серая, тяжелая, дождевая туча движется вместе с ветром прямо на нас. Вот первые крупные, сочные, как клубника, капли упали мне на руку, и дождь мерно забарабанил по натянутому брезенту палатки. Что это? Стечение обстоятельств или галлюцинация?

Маджабери смотрит мне в глаза и хитро улыбается:

— Теперь пора малой масики. В таком дожде нет ничего удивительного. Может быть, кто-нибудь и верит в магию колдуна, но только не я. Два года назад у нас был голод и засуха, люди умирали. Тогда мудрый вакишка не смог нам помочь. С тех пор я перестал в него верить.

— Кто такой вакишка?

— Тот колдун, которого ты по ошибке назвал мчави. Мчави — это доктор, который травами лечит разные болезни. Он ходит с трубой, рогом и такими палками, какие ты купил сегодня. Вакишка же не лечит травами. Его атрибуты — оправленный в дерево рог антилопы, три камешка, браслет и кристалл кварца, подвешенный на шее. Он властен только над головной болью и дождями. Есть еще колдун, который зовется буфуму. Он предсказывает будущее по расположению кишок убитого петуха и может указать вора, когда в деревне что-нибудь пропадет. Это страшный человек, си знает решительно все! Ему известны даже танцы предков.

— Минуту назад ты восхищался вакишва, а теперь восхваляешь другого колдуна. Кто же из них могущественнее?

— Это разные вещи: одно дело — предсказывать намерения мунгу (бога), другое — направлять волю божью. В период засухи вакишва бессилен. Поэтому я верю в буфуму и не верю в вакишва.

Я вынужден признать справедливость его доводов. Недаром меня предупреждал областной комиссар, когда я ехал сюда: «Маджабери — самый мудрый из всех вождей племени. С ним можно разговаривать, как с образованным человеком, хотя он не может написать даже своего имени».

— Пора обедать, бвана мкубва, наверное, голоден? Эй, там!.. Поспешите с обедом!

Мальчик-слуга с подобием фартука на голом животе выбежал из соседнего дома, откуда с раннего утра доносились ароматы, свидетельствующие о самом высоком уровне кулинарного искусства. Я с любопытством ждал, чем меня будет потчевать здешний монарх, и намеренно не заказывал никаких европейских блюд. Хочу до конца познать местные обычаи.

Мальчик с фартуком на животе и второй — уже без всякого фартука — устанавливают передо мной европейский стол и плетенное из тростника кресло. Рядом они ставят две низенькие круглые скамеечки и одну чуть повыше.

Повар подносит мне прекрасно поджаренную курицу в растительном соусе, печеные бананы, сладкий картофель и еще какие-то неизвестные мне деликатесы. Король Маджабери усаживается на одной из низких скамеек. В качестве переводчика на обеде присутствует санитар, тот самый, который продал мне палки колдуна. Они едят обычное пошо — пишу, которую с незапамятных времен потребляют тысячи их братьев на всей африканской земле.

И здесь не играет никакой роли тот факт, что Маджабери получает ежемесячно пятьдесят фунтов стерлингов, то есть столько же, сколько и средний английский служащий. Деньги эти, видимо, идут на покупку коров или на... пиво. За европейское пиво Маджабери отдал бы и душу. Помимо этого, великий монарх не меняет своей привычной диеты: пошо или маниоковый хлеб без

всяких приправ и соли. Изготовленный в форме шара хлеб подается к столу, и от него отщипывают кусочки прямо пальцами. Каждый из присутствующих кладет на свою ладонь отломленный кусок пошо и скатывает из него шарик, который затем грациозно и без спешки, ибо спешка во время еды свидетельствует о невоспитанности, отправляет с помощью трех пальцев в рот. Более богатые смачивают этот шарик в жире земляных орехов.

Маниок делает чудеса, ибо африканцы, несмотря на свою в высшей степени однообразную и малокалорийную пищу, выглядят совсем неплохо. Как правило, они отличаются атлетическим телосложением и могут поднимать и переносить большие тяжести.

Маджабери глубоко засовывает указательный палец себе в рот и со смаком выковыривает из зубов остатки пошо, после чего бесцеремонно хватается за мой чайник.

— Чай?

— Чай.

— Я очень люблю чай. Эй, бой! Принеси чай для бвана мкубва.

— Послушай, смогу ли я увидеть буфуму? Ты пригласил его?

— О нет. Буфуму не придет. Мы должны поехать к нему сами, и то с большими предосторожностями. Если он узнает об этом, то непременно спрячется. Поедем завтра утром. Сегодня мы должны дождаться симба.

Маджабери доверительно улыбается, но я отвечаю ему молчанием, так как не совсем понимаю, что он имеет в виду и о каком симба идет речь. Я рад, что он уходит.

Я забираюсь в свою палатку. Десятисантиметровой высоты походная кровать прогибается под тяжестью моего, пожалуй, слишком длинного тела. Какое счастье оказаться в полном одиночестве, когда тебя не сковывают обязательства по отношению к окружающим людям!

Но что это? До меня отчетливо доносится рев льва. Сажусь на кровати, прислушиваюсь... И вновь слух мой улавливает тяжелый вздох и грозное рычание. Сомнений нет, лев где-то рядом. Я смотрю на часы — пятый час. Мне известно, что, начиная с четырех часов, львы

выходят на прогулку, но появление льва поблизости от деревни кажется неправдоподобным. Я зову мальчика-слугу.

— Где-то рядом лев? — спрашиваю я его.

— Да нет, это симба с кибую.

Кибую, или тыква, — наиболее распространенный здесь вид овощей. Сердцевина ее идет на корм скоту, оставшаяся же оболочка используется для самых разных целей: это кувшин, черпак для молока, пиала для воды, ложка для каши, кружка для пива и даже трубка, но мне еще не приходилось сталкиваться с тем, чтобы с ее помощью можно было имитировать рев льва. Я недавно приобрел длинную трубу, но звук, который она издает, совсем не похож на тот, что раздается сейчас.

А тем временем рев, напоминающий рычание льва, приближается, смешиваясь с человеческими голосами, криками, писком и звоном. Ясно, что сюда идет целая толпа. Мой отых не был продолжительным.

Я торжественно усаживаюсь на стуле перед входом в палатку. Через минуту ко мне присоединяется неутомимый Маджабери.

Процессию возглавляет невысокий коренастый человек в широких европейских брюках зеленого цвета, в выпущенной поверх них рубашке и соломенной шляпе без дна, из-под которой торчит кудрявая шевелюра. На носу у него очки, вернее, одна лишь оправа, без стекол, прилепленная ко лбу и щекам красной глиной. Он несет в руках пузатую, суженную в средней части тыкву и дует в нее изо всех сил, извлекая ввергшие меня в заблуждение звуки. Вслед за ним идет африканец, размахивающий ярким куском материи на длинном шесте. За ними, подпрыгивая, хлопая в ладоши и свистя в обычные полицейские свистки, движется толпа полу-голых васкума, членов братства бадано. Щиколотки у всех обернуты мешковиной, на которой рядами располагаются довольно крупные и тяжелые, отлитые из железа бубенцы, какие используются у нас для конских упряжек во время катания на санях. Один такой бубенец весит по крайней мере полфунта. На каждой ноге их помещается штук двенадцать. Поэтому претендующие на изящество прыжки обладателей бубенцов напоминают не классические па, а танец молодых носорогов.

Я ни минуты не сомневался в том, что это шутовское представление не имеет ничего общего с местным фольклором. Достаточно было посмотреть на Маджабери, который корчил недовольные гримасы. Но что делать? Вазунгу пожелал во что бы то ни стало увидеть маски, которыми никогда не пользуется ни один уважающий себя представитель племени. А коли так — пусть наслаждается этими очками, лишь бы хорошо заплатил.

Я беру удивительный инструмент и внимательно разглядываю его со всех сторон. Тыквы, которые масаи используют для молока, имеют вытянутую форму и напоминают наши бутылки. Чтобы придать им такую форму, находящиеся на корню тыквы подвешивают особым образом. В процессе роста они постепенно вытягиваются под действием собственной тяжести. Другие тыквы перевязывают шнуром посередине, и они приобретают иную форму. Эта кибуйю, видимо, так и сделана.

Труба грязная и неприятно пахнет, но я все же не могу удержаться от искушения самому извлечь из нее зловещий рев. Я подношу ее к губам и, сделав глубокий вдох, начинаю постепенно наращивать звук. Эффект совершенно необыкновенный. Толпа васкуума вспыхивает от смеха. Они хватаются за животы, восторгу их нет конца. Из уст в уста передается, что бвана мкубва только что изображал льва. Я же тем временем убеждаюсь в том, что эта совсем обычная и даже неказистая по внешнему виду вещь — проявление мастерства самого высокого класса. Кибуйю необходимо за любую цену приобрести для нашего музея в Польше.

— Послушай, Маджабери! — обращаюсь я к хозяину. — Я хочу купить кибуйю.

Маджабери не знает английского языка, но каждый раз, когда чего-нибудь не понимает, таращит глаза и спрашивает:

— Addis Abeba you like? (Нравится ли тебе Аддис-Абеба?).

— Да что мне твоя Аддис-Абеба! Послушай, — обращаюсь я уже к санитару. — Объясни своему господину, что мне нужна кибуйю.

Теперь Маджабери понял, о чем идет речь, и молниеносно отреагировал. Ни на минуту не переставая жевать какие-то корешки, он вытянул вперед руку и, вырвав инструмент у колдуна, вручил его мне.

— На, держи, теперь это твое. А с ним не разговаривай. Завтра я сам все уложу.

Видимо, этот шут пьет молоко не от одной из коров, принадлежащих Маджабери, коли вместо того, чтобы протестовать, он лишь одарил его очаровательной улыбкой и, возвратясь к бренчащей бубенцами компании, провозгласил клич во славу бвана мкубва. О, он прекрасно знает, как растопить сердце вазунгу и выудить у него солидную горсть медных монет!

У великого вождя племени васкума нет собственного лимузина, как, например, у короля Руанды. Маджабери, вероятно, никогда даже не видел хорошей машины, ибо на каких только драндулетах не ездят здесь англичане! В сезон дождей тут не пройдет даже осел, и каждому африканцу известно, что самым надежным другом в этих трудных условиях является маленький грузовой автомобиль, на задние колеса которого надеваются цепи. Лишь в этом случае, имея при себе две запасные шины, несколько прочных канатов, топор, кирку, лопату, палатку, ружье и постель, уважающий себя африканец может пускаться в путешествие. Счастливым обладателем такого грузовчика и был король Маджабери. Кстати, он его водил сам и даже с лихостью.

Мы едем по проложенной среди глины дороге. Здесь нет никаких рвов, а следовательно, не предвидится и опасностей. В Африке принято ездить по пересеченной местности.

Мне уже надоела тряска и клубы едкой пыли.

— Далеко еще до цели? — осторожно спрашиваю я Маджабери.

В Африке мне постоянно приходится куда-то ехать, делать перегоны по несколько сотен миль, направляясь, как всегда, «недалеко».

— Стой!.. Останови, ради бога, — вскрикиваю я, хватая за руку Маджабери. — Я хочу посмотреть, что это за белые украшения на крыше вон той хижины.

— Да смотреть-то не на что, это страусовые яйца. Васкума всегда украшают крыши своих жилищ яичной скорлупой.

— Разве здесь так много страусов?

— Очень много.

— А что вы делаете с их яйцами?

— Как что? Едим.

— Я не это имел в виду. Что вы делаете из скорлупы?

— Бусы, очень красивые белые бусы.

— Я хотел бы посмотреть на них, если можно.

Наконец машина остановилась перед хижиной, ничем не отличающейся от других. Посреди двора стоит огромная корзина без дна, а из нее торчат два скрещенных рога антилопы и разбитый горшок.

— Послушай, баба! — обращается Маджабери к хозяину дома («баба» означает дед или отец). — Бвана мкубва хочет купить бусы из яиц страуса. Они есть у вас?

— У дочери есть, но она куда-то ушла.

— Врешь. Никуда она не ушла, я только что видел, как она спряталась вон в ту хижину. Прикажи ей немедленно выйти оттуда.

Воля короля выполняется беспрекословно, и вот перед нами появляется складная, привлекательная девушка с тремя рядами белых бус на шее.

— Подойди ближе, — приказывает ей Маджабери.

Плотно прилегающие одна к другой белые пластинки, вырезанные ручным способом из скорлупы страусового яйца, напоминают изделия бушменов из Южной Африки.

— Продай мне бусы! — прошу я девушку.

Но она даже и слышать об этом не хочет. Надула губы и смотрит куда-то мимо меня, как будто ищет там поддержки. Я оборачиваюсь. Сзади молча стоит какой-то угрюмый человек. Может быть, это ее муж или жених. Я предлагаю фантастическую по местным представлениям сумму денег. Она отказывается. Торговля и уговоры делятся по крайней мере полчаса. В конце концов, раздосадованный и уже готовый отказаться от своих намерений, я отхожу, но тут меня окликает человек, который до сих пор не проронил ни слова:

— Может быть, бвана мкубва хочет купить точно такие же бусы, только совершенно новые?

— Ну конечно! Главное, чтобы они были сделаны из скорлупы яиц страуса собственноручно кем-нибудь из племени васкума.

— И те и другие бусы делал я сам. Они совершенно одинаковые. Новые я предлагаю бвана мкубва за десять шиллингов.

Когда минуту спустя после состоявшихся торгов мы возвращались к машине, я спросил Маджабери:

— Почему девушка отказалась продать старые бусы, когда у нее были новые?

— Она боялась их продать, ведь это был подарок. Бвана мкубва видел, как она все время смотрела на своего мужа. Уж он бы задал ей жару, если бы она поддалась искушению продать их. Это своеобразный способ испытания верности жены. И лишь когда бвана мкубва отказался от попыток уговорить ее, муж предложил новые бусы. Васкума очень любят подарки. И Маджабери тоже любит... подарки.

На последней фразе было сделано особое и недвусмысленное ударение, и я стал мысленно подсчитывать, сколько украшений и гребешков осталось в моем чемодане. Часть этого балласта надо будет перенести во дворец короля васкума.

— Ну, а теперь вылезаем, — вдруг решительно заявил Маджабери. — Дальше нам придется идти пешком. Я не хочу, чтобы буфуму услышал шум мотора, а то он непременно ускользнет от нас.

Мы вылезли из машины и сразу же оказались среди мягких зарослей цветущего кустарника. В это время года кусты вместо листьев усыпаны бархатистыми пурпурными цветами. Правда, впечатление мягкости, которое они создают, чисто иллюзорно, ибо в Африке почти все цветы ревниво охраняются шипами, а те, которые не колются, ядовиты, как, например, прелестная в своей девственной непорочности белладонна. Я лично предпочитаю укол шипа капельке молочно-белого сока этой искусительницы, точно так же как прыжок ужа предательскому спокойствию свернувшейся кобры. В тропиках надо быть чутким и осторожным, особенно там, где ничего не рычит, не шумит и не колется.

— Смотрите! — вдруг громко вскрикивает Маджабери. — Какая неожиданность! Сам буфуму идет нам на встречу. Значит, кто-то предупредил его о нашем приезде и тем не менее он не скрылся.

Навстречу нам вышел худой старик. В руке он держал колокольчик, которым беспрестанно звонил. Приблизившись к нам, он с достоинством произнес:

— Я жду гостей с раннего утра. Милости прошу!
— Откуда же ты узнал о нашем приезде?

— Каждый мудр своей мудростью: ты мудр как вождь, я — как буфуму.

— Бвана мкубва хочет посмотреть, как ты предсказываешь будущее по расположению внутренностей зарезанного петуха. Ты можешь ему это показать?

— Не смею ослушаться тебя, но ворожу я только для шензи (простых людей). Показать же могу. Это другое дело.

Маджабери подмигнул мне, как бы говоря: ловкач. Делать нечего. Мы вынуждены были довольствоваться тем, что он нам предлагал.

Мы последовали за буфуму и оказались перед типичной для племени васкума хижиной: квадратной со страусовым яйцом на крыше.

— А петуха вы привезли с собой? — довольно не-принужденно спросил колдун своего короля.

Надо сказать, что поведение его было далеко от раболепия.

Маджабери повторил вопрос старика мальчику-слуге, тот в свою очередь — шоферу. Шофер достал из мешка красивого белого петуха. Оказывается, все было предусмотрено заранее. Колдун вынес скамеечку для себя и две точно такие же для нас. Мы уселись против него.

— Каждый клиент должен принести петуха, а клиентка — курицу, — предупредительно объяснил нам буфуму. — А этот маленький ножик, — он вынул нож из футляра, — предназначен для операции.

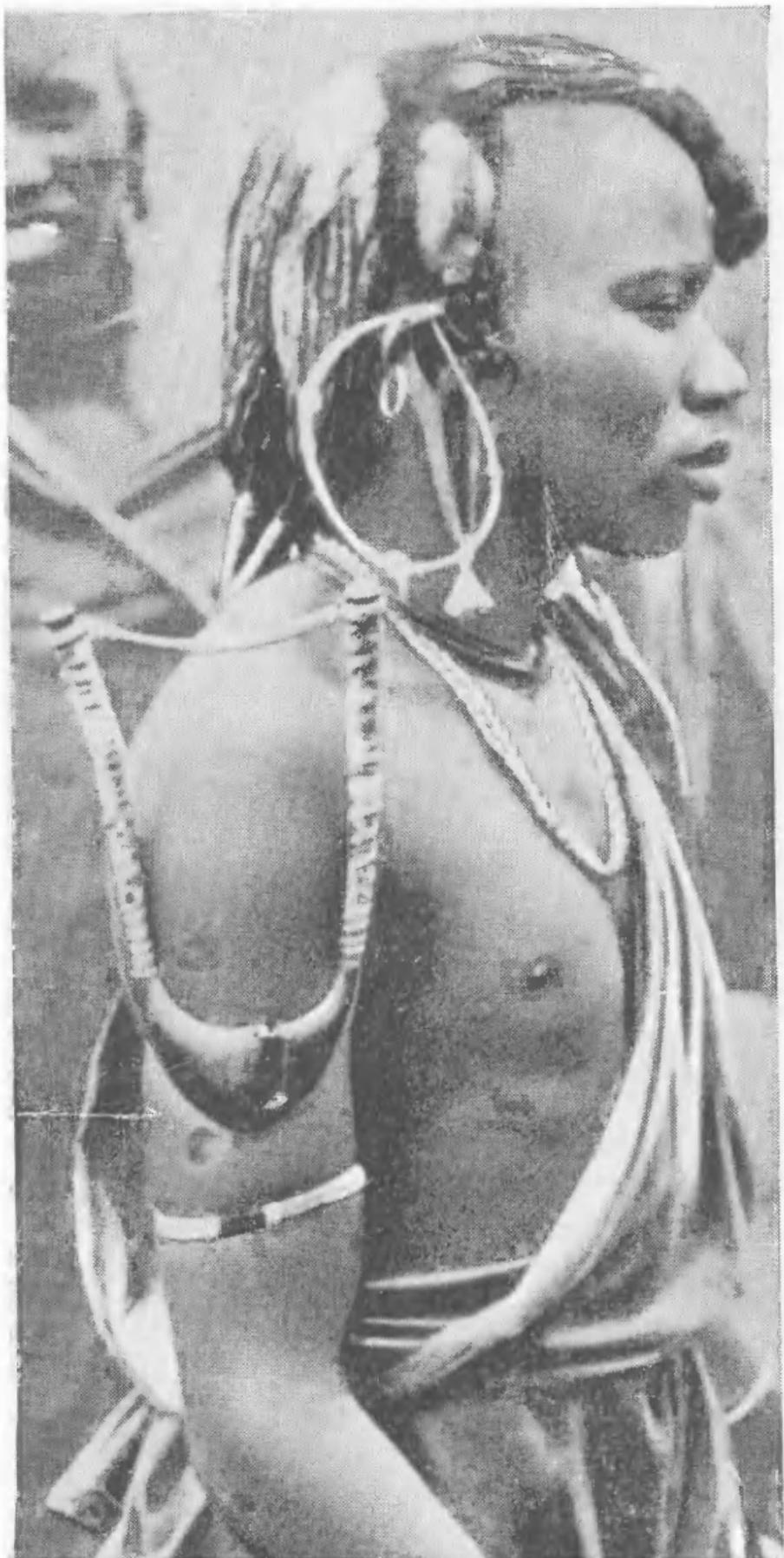
— Вот так провожу ножом вдоль грудной клетки и живота... — наклонившись над петухом, он вонзил в него нож. — Все внутренности я вынимаю вот в эту деревянную чашку с водой. Мои руки не должны быть выпачканы кровью, так как иначе гадание будет и правильным. Внутренности петуха образуют определенного рода кольца и зигзаги, по которым я могу узнать решительно все о людях, находящихся рядом со мной, и даже о тех, которые как-то с ними связаны. Мне известно все... Вот и теперь — я знаю, но не скажу, потому что я никогда не гадаю вазунгу. Бвана мкубва хотел, чтобы я показал, как это делается. Вот я и показал.

— Этот твой буфуму выглядит мудрецом, — шепчу я на ухо Маджабери, совершенно забыв о том, что он не понимает меня, так как я говорю по-английски.

— Аддис-Абеба очень красивый, — звучит в ответ.

Молодой воин масаи с черным шарообразным наконечником на копье настроен миролюбиво

Браслет из рога —
отличительный знак морана

Возвращаемся мы той же дорогой в том же автомобиле, но уже без петуха.

— Что означают эти большие, конусообразные корзины в ваших дворах? Их венчают два рога и разбитый горшок. Они стоят почти в каждом дворе.

— Это памятники предкам. Без них не было бы в доме покоя. Призраки умерших преследовали бы ныне живущих.

— А где же могилы ваших предков? Я нигде не вижу кладбища.

— Раньше мы просто относили трупы в лес и бросали на съедение гиенам, но теперь нам запретили делать это, и мы хороним их где попало, чаще всего поблизости от жилья.

Когда мы остановились перед резиденцией короля, нас уже ожидала толпа танцоров. Все они были одеты в белые, отороченные голубым безрукавки, похожие на безрукавки тореадоров.

— Это уже какие-то другие певческие братства?

— Их очень много. Невозможно пересчитать, — отвечает мне Маджабери. — Я прогоню их, уже поздно.

В этот момент из дверей гарема вышли жены короля, одетые в праздничные, яркие туники. Проходя «бочком» мимо меня, они приседали и кокетливо ударяли в ладони. Тут я вспомнил недавний намек Маджабери и бросился за своим чемоданом. Выбрав самые лучшие украшения, я подарил их женщинам. Великий Маджабери расплылся в довольной улыбке, сверкнув широкими белыми зубами. Мои дары произвели на него ошеломляющее впечатление. Теперь мне гарантированы новые почести. Пора обедать. Мне, конечно, подают еще одну курицу. За три дня пребывания при дворе Маджабери я съел их уже девять. В общем это не так плохо. И тем не менее сегодня я покидаю края племени васкума.

УКЕРЕВЕ

Каждый раз, когда мне приходится произносить название местности, которую собираюсь посетить, я затрудняюсь определить, что это: город, местечко или деревня? Ведь двойной кружок на картах Африки со знаком аэродрома или радиостанции далеко не всегда

соответствует тому, что мы привыкли называть городом.

Мванза — портовый «город» на озере Виктория. Здесь помещается резиденция местных колониальных чиновников, а также медицинская школа, которая каждые два года выпускает квалифицированных санитаров. Если кто-нибудь спросит меня, чем замечательна Мванза, я без колебания отвечу: скалами.

Два парохода беспрерывно курсируют по озеру: один отправляется направо, другой — налево, встречаются они лишь раз в неделю. Таким образом, выехав из любого пункта, можно вернуться туда же, независимо от выбранного вами направления. Многие служащие из Найроби или Кампалы проводят таким образом свои так называемые местные, двухнедельные отпуска.

На этих пароходах комфортабельные каюты и хорошее питание, а экипаж ни в чем не уступает экипажу океанских пароходов. Ведь условия плавания в местных водах, пожалуй, не легче и требуют высокой квалификации.

Местные власти были предупреждены музеем о моем прибытии и о необходимости зарезервировать для меня место в доме для отдыхающих или для приезжих государственных служащих. Обычно подобного рода телеграммы не производят ни малейшего впечатления, поэтому я был немало удивлен, когда на станционном перроне меня встретил элегантный джентльмен с трубкой в зубах.

— Господин профессор, разрешите представиться, моя фамилия Смит. Я — заместитель здешнего комиссара.

— Но я не профессор, — запротестовал я.

Пропустив мое замечание мимо ушей, он сразу перешел к делу.

— Здесь недалеко моя машина. В ней мы разместим ручной багаж, об остальном побеспокоится наш сотрудник. Где ваша прислуга?

— Я один, у меня нет никакой прислуги.

Мой собеседник остановился и бросил на меня испытующий взгляд. Как? Европеец и без прислуги?

— А где ваши чемоданы?

— У меня только рюкзак и походная кровать.

— Хм... вы все сдали в багаж?

— Да нет же, я еду вот так, без всякого багажа. Рюкзак и походная кровать — это все, что у меня есть.

Мой ответ вызвал у него улыбку не то сожаления, не то злорадства.

— Видимо, произошло какое-то недоразумение. Мы решили, что к нам едет кто-то... — здесь он вовремя спохватился, чуть было не сказав «важный», и поспешил закончил: — кто-то с более продолжительным визитом.

Дом для отдыхающих, конечно, не был меблирован, как это часто бывает в британских колониях. Не теряя времени, я принял расставлять свою походную кровать в центре пустой запыленной комнаты.

Мой провожатый, стоя в дверях, некоторое время наблюдал за всеми этими приготовлениями, а потом, видимо, испугавшись, что на него могут лечь какие-то дополнительные хлопоты, поспешил исчез, бросив в пространство несколько обычных в таких случаях и ничего не значащих слов.

Если кто-нибудь из благоразумных и предусмотрительных людей спросит меня, почему я веду скитальческий образ жизни и не пытаюсь обеспечить себе минимальный комфорт, я отвечу латинским изречением: «*De gustibus non est disputandum*»*. То, что я путешествую налегке, весьма положительно сказывается на результатах моей работы. За сравнительно короткое время я сумел собрать столько редких и по-настоящему ценных вещей!

Как только мой спутник исчез, я почувствовал себя намного непринужденнее.

Британская система хозяйствования отличается предельной экономией. Экономии ради за домом для отдыхающих присматривают какие-то обтрепанные старцы. Поднеси такому более щедрые чаевые, и он сделает для тебя все что угодно.

Так было и теперь. Саиди оказался ловким и вполне исправным слугой. Он моментально купил все необходимое, развел огонь и вскипятил воду. Не прошло и получаса, как на столе стоял превосходный ужин. Ужинал я, сидя среди цветущих кустов белладонны, а передо мной простиравлось озеро, в водах которого отражалась

* «О вкусах не спорят». — Прим. пер.

лась луна. Разве можно сравнить прелесть такой уединенной трапезы при свете очага с шумным пиршеством в первом попавшемся ресторане?

После чая, сбросив с себя одежду, я бегу на пляж. О купальном костюме можно не заботиться: все равно меня никто не увидит.

Озеро Виктория кишит крокодилами. Животные эти достигают здесь огромных размеров. Их редко можно увидеть плавающими, большую часть времени они проводят на берегу. Но подойти к ним близко теперь, в период охоты за крокодиловой кожей, совсем нелегко. Во всяком случае сколько бы раз мне ни приходилось оказываться у берегов африканских водоемов, я всегда наслаждался, плавая в их волнах, и остался жив.

Вот и сейчас я ни минуты не колебался. Плавая и ныряя, стараюсь не шуметь, чтобы не спугнуть бегемотов, которые расположились неподалеку. Они не обращают на меня никакого внимания, хотя разделяют нас всего лишь двадцать с небольшим метров. Бегемоты — слева от меня, справа, на значительном расстоянии, мигают огни портовых маяков, прямо — безбрежная синева озера с оранжевым отблеском луны. Над головой — мириады звезд южного неба. Звуки, издаваемые бегемотами, их фырканье удивительно сочетаются с атмосферой бархатной тропической ночи, и лишь я, белый человек, — здесь непрошеный гость.

— Уу... и! Уу... и! — раздался с берега знакомый голос. Это гиена вышла на вечернюю прогулку. Она ежедневно обходит мусорные свалки в надежде найти какой-нибудь завалевшийся кусочек мяса или, может быть, встретить заблудшего щенка. Молниеносный прыжок, молчаливая предательская хватка за горло, отрывистый предсмертный вой жертвы — и вновь воцаряется таинственная, тропическая тишина. За нежным собачьим мясом охотятся все животные джунглей.

На рассвете я отчалю от этих берегов на моторной лодке. Моя цель — посетить самый большой остров на озере Виктория — Укереве.

Мне еще самому неясно, зачем я направляюсь туда. Пускаясь в какое-либо путешествие, я обычно заранее не намечаю маршрута. В пути многое решает случай, полезный совет, неожиданно увиденный предмет или новое знакомство. Вот и теперь мне вдруг пришла в го-

лову мысль о том, что там, на острове, должна была лучше сохраниться первобытная культура. Там меньше туристов, меньше администрации и более трудные условия для подвоза промышленных товаров.

Без содействия католической миссии предпринимать здесь что-либо крайне трудно. Английские власти посыпают сюда своих служащих, которые появляются неожиданно, и их устройство доставляет массу хлопот. Тут-то и приходит на помощь миссия. Вот почему местный чиновник посоветовал мне обратиться к приходскому священнику в Нансио.

Отец Эрик уже в течение нескольких десятков лет не покидает свой приход даже на время отпуска и не пользуется в хозяйстве услугами специально предоставляемых с этой целью в распоряжение каждой миссии сестер. Здесь, в Нансио, остро ощущается отсутствие заботливых женских рук. В миссии всего два человека: отец Эрик и восьмидесятилетний монах. Год назад монах тяжело заболел. Ухаживал за ним только отец Эрик. Он готовил и подавал больному еду, делал уколы и ставил банки...

— Какие болезни распространены на острове? — спрашиваю я отца Эрика.

— В основном проказа.

— Больные живут в специальных лепрозориях?

— Где там! Они организуются самостоятельно. Деревни, где селятся прокаженные, расположены особняком. Каждый знает, где они находятся, и старается по возможности не приближаться к ним. Если вы отъедете на несколько миль от миссии по главной дороге, то увидите вереницы сидящих по обеим ее сторонам нищих. Они протягивают руки при виде каждой машины, и всякий проезжающий мимо шофер бросает им деньги. Сидящие у дороги прокаженные выглядят страшно. Зачастую у них нет глаз, носов, губ и зубы висят в пустой ротовой полости. Вместо ступней — гноящиеся обрубки. Это глубоко несчастные люди!

Вдали послышались заунывные звуки гитары. Я прислушался. Многострунные музыкальные инструменты — большая редкость в Африке.

— Это восьмиструнная гитара Укереве. Завтра я могу позвать мастера, который вырезал ее из дерева. Он сделает для вас несколько гитар.

— Но мне не нужны новые. Я предпочитаю приобретать старые вещи, а не те, которые изготавляются специально для туристов.

— Понимаю... понимаю.., но старые не сохранились. Сейчас можно найти только новую. Та, которую вы слышите, безусловно, сделана тем же мастером. Только он один умеет их вырезать.

— У меня уже довольно большая коллекция восточноафриканских музыкальных инструментов, и я бы с удовольствием ее пополнил.

— Я советую вам посетить соседний остров Укара. Там есть гитары, напоминающие европейские. Вот они, действительно, очень хороши.

— А как проехать на тот остров?

— Только на лодке, на обычной рыбакской парусной лодке. Другого сообщения нет.

Огромный слепень свалился на пол, оказавшись в самом центре освещенного лампой круга. Неловко перебирая лапками, он делал тщетные, нетерпеливые попытки изменить неудобное положение...

— Я полагаю, что на Укара вы найдете много интересного, — продолжает отец Эрик. — Там лучше сохранились быт и обычай племени.

— Но почему острова так сильно отличаются друг от друга?

— Видите ли, остров Укереве раз в шесть больше и значительно богаче. Кроме того, он находится ближе к материку, и поэтому сюда легче проникают различные влияния. Укара расположен за Укереве, и цивилизация не коснулась его.

Не знаю, почему я вспомнил вдруг отца Конрада, — вот уж поистине ничем не объяснимая ассоциация...

— Вы еще застали здесь отца Конрада? — спрашиваю я у своего собеседника.

— Да, он умер уже при мне. А вы его знали?

— Нет, не знал, но случайно мне стала известна его судьба.

— Его судьба?.. Каким образом?

— Это удивительно неприятная история... Он коллекционировал бабочек... — начал я.

— Да, да, отец Конрад был страстным коллекционером. Его больше интересовали бабочки, чем духовная служба. В течение тридцати лет изо дня в день, незави-

сimo от погоды, он отправлялся в сопровождении своих учеников ловить насекомых. Его знали в ученом мире. Мне говорили, что он открыл какие-то неизвестные ранее разновидности бабочек и имя его фигурирует в каталогах...

— Да, я тоже слышал об этом, хотя сам никогда не собирал насекомых. Вся его коллекция, насчитывающая около ста деревянных ящиков, была размещена в нескольких шкафах музея в Дар-эс-Саламе.

...Маленькая дворовая собачонка внимательно наблюдала за конвульсиями слепня, как бы размышляя над причинами его странного поведения. Она осторожно подняла лапку, дотронулась ею до слепня и, поджав хвост, выбежала с веранды...

— А какова же судьба коллекции? — спросил отец Эрик.

— Когда я в прошлом году впервые пришел в музей, все ящики стояли в шкафах. Я узнал, что это коллекция отца Конрада — его предсмертный дар музею. И вот уже десять лет она лежит там, покрываясь пылью.

— Что вы говорите? И за десять лет никто ею не заинтересовался?

— Вот и меня это поразило. Столько лет, в таком климате и без всякого контроля! На все мои вопросы попечитель отвечал, что не было специалиста, который бы мог ею заняться. Я поставил в известность об этом краеведческий музей в Найроби. Оттуда немедленно прибыл зоолог и начал просматривать ящики...

...Слепень благодаря прикосновению лапы пса кое-как перевернулся на ноги и пополз в темный угол...

— Ну и что же? — нетерпеливо спросил меня отец Эрик.

— Вы, наверное, слышали про удодов? Из ста ящиков удалось спасти каких-нибудь три, все остальное пришлось выбросить...

— Боже мой, это же равносильно тому, чтобы перечеркнуть всю жизнь человека.

Мы молчали довольно долго. Священник барабанил кончиком палки по какой-то ржавой жестянке, я наблюдал за летающими термитами.

Давно уже утихло все вокруг. Озеро мерно дышало влажной прохладой. Листья растущих поблизости бананов пробудились от дремоты, и в их ленивом шелесте

чудились чьи-то крадущиеся шаги. Но на Укереве нет диких животных. Здесь можно спокойно спать даже на открытой веранде.

— Да, — вдруг прервал молчание отец Эрик. — Тридцать лет работы. Плод всей жизни ученого съеден маленькими удодами... Спокойной ночи! Вам предстоит трудный день. Необходимо хорошо отдохнуть.

— Кто вождь племени укереве? — был мой первый вопрос, заданный отцу Эрику на следующий день во время завтрака.

— Старый вождь недавно умер, а сын его учится в школе в Таборе. Поэтому племенем временно управляет Совет старейшин. Я советую вам посетить королевский дворец, его стоит осмотреть, — закончил священник со странной усмешкой.

Занятный, я немедленно отправился туда.

Снаружи дом как дом: колониально-европейская вилла в несколько этажей. Может быть, только слишком много колонн и балюстрад. Это производит впечатление претенциозности. Впрочем, таких домов сколько угодно, особенно в итальянских колониях. Я не ошибся, «дворец» был действительно выстроен итальянскими пленными.

Войдя, я очутился в огромном холле, по обе стороны которого размещались широкие двери в королевские покой. Там не было ничего, кроме просторного, пришедшего уже в негодность ложа. Везде кучи пыли и мусора. В одной из комнат, в самом центре, — небольшое возвышение из кирпича, на нем след очага.

Я выхожу на веранду. Пол основательно прогнил, в потолке зияет дыра, через которую видно небо. Прямо под ней стоят три больших барабана. Кожа, натянутая на них, истлела и потрескалась. Такие огромные барабаны я видел только раз в жизни в оркестре короля Руанды.

— Как можно так относиться к этим реликвиям! Ведь сегодня таких барабанов уже не найти. А вы поставили их прямо под дырой в крыше. Вода постоянно попадает на них, и вот теперь они пришли в полную негодность.

— На них давно никто не играет, — равнодушно замечает один из старейшин.

- В таком случае продайте их мне для музея.
- Не можем. Это собственность короля.
- Но ведь вы распоряжаетесь сейчас всем вместо него?
- Нет, он должен решить сам.
- А вы не спрашивали у короля разрешения испортить эти барабаны?

В ответ они дружно рассмеялись.

— Ну, решайте же. Барабаны будут прекрасно сохранены, а если вы захотите получить их обратно, музей возражать не будет. Здесь от них через год ничего не останется.

— Лучше спросите у короля в Таборе.

— Но Табора далеко...

Я был бессилен что-либо им доказать. Они упорно стояли на своем.

С несколькими гитарами и двумя копьями я возвратился в Мванзу. По приезде я прежде всего нанес визит английскому чиновнику, рассказал ему о своем посещении Укереве.

— На веранде королевского дворца укереве я обнаружил старые барабаны редкой ценности. Они стоят под крышей, которая протекает, и портятся. Кожа на них уже почти сгнила, остались только деревянные оставы, но и они долго не продержатся. Мы должны спасти барабаны. Я хочу забрать их в музей. Вы можете помочь мне в этом?

— Никоим образом. Вы завтра уедете, а я останусь. Вам еще неизвестны местные нравы... Лучше уж никого не трогать. Я предпочитаю лишиться барабанов, чем потерять покой.

На следующий день я покинул Мванзу. Мой поезд следует через Табору, и я надеюсь разыскать там молодого короля. Прямо со станции я направляюсь в здание школы. Спрашиваю у директора о короле.

— Как его имя? У меня их тут несколько.

— Его имени я не знаю. Он король племени укереве.

Через некоторое время ко мне подводят мальчика лет двенадцати. Я рассказываю ему о судьбе барабанов, стараясь преподнести все по возможности красочно и трагично. Барабаны совершенно не занимают его. У него на все один ответ: «Старейшины не позволят. Бара-

баны принадлежат племени и должны остаться на Укереве».

На этом моя миссия закончилась. Теперь, по всей вероятности, этих барабанов уже нет и в помине.

БАЗИНЗА

Сегодня двадцать четвертое декабря. Декабрь — а пот ручьями стекает со лба и нечем дышать. Даже предсказанные на это время года дожди и те не желают выпадать. В стеблях растений высохли последние капли живительного сока, скот вымирает от жажды.

— Иди туда, где обитает племя базинза, — кто-то шепнул мне недавно. — Если не маски, то во всяком случае другие интересные вещи ты там непременно найдешь.

До племени базинза надо добираться на пароме через большой залив озера Виктория. Противоположный берег неясно вырисовывается фиолетовой дымкой гор. Это владения короля Александра. Настоящий король — Рубараза из племени вахума, которое испокон веков является правящей кастой в этих краях. Однако Рубараза, игнорировавший власть белых колонизаторов, был свергнут англичанами. Его место занял Александр, ничтожное, двуличное существо, заискивающее перед властями в благодарность за выгодное место.

Я плыву по озеру на моторном пароме поти-поти. Вечер стоит такой же погожий, как вчера и позавчера. Таким он будет и через неделю. Здесь, в тропиках, не наблюдается резких перемен погоды. Сверкая молниями, шумя потоками воды и вздымая гребни волн на озере, стремительно проносится сезон дождей, и вновь яркое голубое небо и нестерпимый зной.

Паром совсем не случайно носит здесь название поти-поти, точно так же как мотоцикл — пики-пики. Африканцы тонко улавливают разницу между резким, отрывистым, металлическим звуком, издаваемым мотоциклом, и мягким, приглушенным водой шумом парома.

Южный берег озера Виктория резко отличается от всех виденных мной побережий. Определение «скалистый» в данном случае ничего не говорит. Скалы есть

в фьордах, в Большом Каньоне и на Капри, но всюду они разные, мало похожие друг на друга. Те, что встречаются на озере Виктория, вообще трудно назвать скалами. Беспорядочно рассыпанные гигантского размера зерна, они образуют фантастические нагромождения, пирамиды, кубы иobelиски, выдаваясь кое-где причудливой формы сводом или опираясь всей тяжестью массивного сооружения на единственный, филигранной работы столбик. Рядом каким-то чудом и вопреки всякой логике огромный валун удерживается на маленьком круглом камне. Кажется, что он вот-вот рухнет вниз, а между тем он стоит так миллионы лет и наверняка простоят еще столько же.

Наш паром движется не спеша. Равномерность передвижения — величайшая мудрость Востока. Не спешит даже крокодил, мимо которого мы сейчас проплываем. Он медленно разворачивает свое раздутое брюхо и долго еще смотрит нам вслед через перископ выпущенных над поверхностью воды глаз. Озеро Виктория изобилует крокодилами, и все они большие лакомки до человеческого мяса.

Рядом со мной на пароме лениво растянулся механик англичанин. Он протяжно зевает. Вот у кого поистине райская жизнь! Получая солидную плату и отработав за пятнадцать лет полный пенсионный стаж, он вернется на родину сорокалетним мужчиной, чтобы заняться бизнесом. Пенсионер в полном расцвете сил и мужского обаяния... А пока он старается не перетруждать себя, совершая двойной рейс на поти-поти почти за три часа; все прочее свободное время тратится им на карты и виски.

В центре парома автобус. Вокруг по самые перила навалены тюки и узлы. На одном из них сижу я.

Рядом со мной, в тени автобуса, примостился мальчик с огромной корзиной кур. Едва паром отчалил, он достал из корзины четырех цыплят и выпустил их на прогулку. Затем рассыпал зерно и принялся кормить всех по очереди. Процедура эта длилась довольно долго: до тех пор, пока кудахтанье обеспокоенной наседки не напомнило хозяину о ее существовании. Тогда он вынул из корзины курицу и петуха, осторожно распутал им ноги, и они тут же отправились прямо под автобус. Этот неосмотрительный поступок существенно осложнил

его жизнь: бедняга вынужден был ползать без пересыпки, собирая своих недисциплинированных и неблагодарных подопечных. Глядя на него, я получаю истинное удовольствие. Я сомневаюсь, чтобы у нас, в Польше, можно было найти хотя бы десяток таких мальчишек, которые предпочли бы обычных домашних птиц рогатке и палке. Африканцы любят животных.

На нашем пароме представлены самые разные племена. Богатейшее поле деятельности для этнографа. Вот эта женщина, например, из племени куриа. Я определил это по характерным металлическим манжетам на ее предплечьях. Проволока сплошным массивом охватывает ее руки, стискивая их так сильно, что по обеим сторонам манжета образовались выпуклости на брякших мышц. Но женщины везде одинаковы: чего только они не вытерпят, чтобы быть красивыми.

Однако в данном случае я не совсем справедлив. Мужчины племени куриа в стремлении всячески украсить себя превзошли женщин. Правда, вместо серег они кладут себе на шею довольно большой кусок дерева, заостренные концы которого просовываются в ушные отверстия. Эти отверстия напоминают по форме американское лассо. Африканцы считают делом чести растянуть мочку уха до предельных размеров, и каждый старается перецеголять другого. Для этой цели используется тоненькая, свернутая спиралью планка из бамбука. Вложенная в ушное отверстие, она молниеносно разворачивается. Иногда при этом ухо разрывается, но, как утверждают знатоки, беда легко поправима — его можно зашить. Удачно сделанное отверстие для серьги переполняет гордостью душу его обладателя.

Посмотрим теперь на того старика, который плюет себе на ладонь, сыплет на нее табак и начинает медленно сворачивать из него шарик. Эта важная процедура настолько продолжительна, что просто трудно сказать, от чего он получает большее удовольствие — от самой понюшки табаку или от предшествующих ей приготовлений. Для того чтобы жидкая табачная масса не вытекала из носа при чиханье, применяются специальные, изогнутые в форме полумесяца зажимы для ноздрей. Они подвешиваются наподобие брелока к браслету из слоновой кости. Рядом с зажимами на браслете висит еще один брелок — плоская, длинная игла, предназна-

ченная для извлечения блох, которые гнездятся в подошвах ног. Это страшный бич всех тропических стран. Мне приходилось встречать множество африканцев, у которых отняты пальцы ног, а иногда и целиком вся стопа. Сначала я думал, что это жертвы крокодила, и лишь позже узнал, что виновницей гангрены, повлекшей за собой ампутацию, является маленькая песочная блоха.

Паром тем временем подходит к берегу. Я не спешу нанести визит королю Александру. Мне заранее известно, что он ничем не может быть мне полезен. Я хорошо знаю, что представляют собой эти подставные фигуры в колониальной игре, но что поделаешь, если конусообразная королевская обитель со страусовым яйцом на крыше стоит на пути моего следования. Племя базинза обитает на побережье и занимается рыболовством. Ранее места его поселений простирались далеко в глубь материка, но из-за эпидемии комы население передвинулось ближе к побережью, леса были вырублены. Оставленные некогда территории заняли их соседи — васкуума.

Итак, хижина короля Александра преграждает мне путь, и я волей-неволей должен туда зайти. Мне заранее известно, что не удастся отвертеться от бокала так называемого чая, который представляет собой бурду из мяты и молока с огромным количеством сахара.

Король Александр развлекает меня беседой. Он указывает на обыкновенную деревянную скамеечку (у стены стоит несколько таких скамеек, на одной из них сижу я) и сообщает, что это его трон.

— На одной из ножек этой скамееки раскаленным железом сделаны три насечки, символизирующие три источника королевской власти...

Его последующих излияний я не слушал. Каждый вождь племени старается окружить себя ореолом превосходства, искусственно создавая предметы культа. Нет ничего проще, чем сделать три насечки и потом рассказывать всем об их символическом значении.

Наконец разговоры закончены. Великий вождь предоставляет в мое распоряжение лодку и четырех гребцов, которые должны везти меня вдоль побережья, от одного селения к другому. Надеюсь, что таким образом я сумею напасть на след каменной трубки племени ба-

зинза, знаменитой треугольной трубки, которую изобразил в своем блокноте Стэнли.

— Тунга-мира... тунга-мира! — тоскливо напевают гребцы. Эту мелодичную песню печальное эхо доносит до острова Коме, за которым в этот момент скрывается солнце.

— Тунга-мира бей! — поет мне каменный лес. Поет сзади, спереди, со всех сторон. Еще момент, и это отовсюду вторящее эхо повергнет меня в состояние полного дурмана. Лодка судорожно подпрыгивает. Гребцы гребут без уключин, беспорядочно, обеими руками. Рулевой, не имеющий ни малейшего представления о высоком классе этого вида спорта, то и дело перекладывает весло из одной руки в другую.

На темнеющем лазурном своде неба появляется первая бледная звезда. До полуночи я не успею доехать даже до ближайшей деревни.

— Тунга-мира... тунга-мира бей!

ДЖОЛУО

И надо же было случиться несчастью. У меня пристрел, или, выражаясь языком профессионалов, ишиас — воспаление седалищного нерва. Тот, кто сам не испытал этого, не сможет ни понять меня, ни посочувствовать мне.

От нестерпимой боли можно дойти до бешенства. Уже который раз я смотрю на часы в тоскливом ожидании рассвета. Сверлящая боль почти парализовала мне ногу, и все-таки я должен встать. Мне предстоит день напряженной работы. Сегодня состоится показ старинных костюмов и танцев племени кавирондо. Такой случай я упустить не могу.

В тот момент, когда я, испытывая нестерпимую боль, пытаюсь приподняться, в голове у меня мелькает мысль: «Местность эта носит название Маджи-Мото, что в словном переводе означает „горячая вода“». Видимо, она названа так не случайно».

— Эй, бабá! — окликаю я своего курьера.

— Слушаю, бвана.

— Скажи, нет ли здесь поблизости какого-нибудь горячего источника, который бьет прямо из-под земли?

- Есть, вода совсем близко и горячая.
— Так проводи же меня туда поскорей! .

В мое сердце закрадывается надежда: а вдруг источник мне поможет. Во всяком случае вреда это не причинит. К счастью, он расположен неподалеку. Тут же за домом по мягкой, покрытой пушистой зеленью лужайке вьется зигзагообразная струйка ржаво-желтой воды. Весьма возможно, что в недалеком будущем здесь будут построены курорты. Сегодня же первый пациент тут я.

Горячая вода оказалась чудодейственной. Через два часа я уже был в состоянии самостоятельно подняться на ноги и отправиться на торжество.

На круглой поляне перед жилищем джумбе, поджав под себя ноги, широким кругом сидели старейшины племени. Каждый постарался одеться как можно более празднично. Их обычно нагие спины покрывали шкуры диких кошек, обезьян и зебр, головы увенчивали огромные мохнатые шапки из гривы льва, а под ними виднелись полукружья клыков гиппопотама и серьги из слоновой кости или олова. На запястьях рук у каждого — тяжелый, широкий, пожелтевший от времени и переживший десятки поколений браслет. Кое-где вместо мохнатых шапок на сверкающем фоне копий и дротиков мелькают султаны из страусовых перьев или чернобелые хвосты обезьян-колубус.

Едва я успел устроиться под зонтом, как начались танцы. Из-за спин старейшин выскочили молоденческие девушки, на ходу поспешно сбрасывая с себя дешевые, ситцевые, европейского производства одежды. Вокруг бедер и талии у них были намотаны нитки блестящих бус.

Девушки и парни выстроились парами, почти как для исполнения полонеза, и по свистку распорядителя танцев медленно поплыли в хороводе. Они плавно передвигаются по мягкой траве, молча, безучастно, без тени улыбки.

Но вот раздается новый сигнал свистка, а вслед за ним резко вступают маленькие барабаны. Танцоры оживляются. Появляется блеск в глазах, на глянцевых щеках выступает румянец. Резким движением они поворачиваются лицом друг к другу и глядя в глаза один другому, начинают подскакивать на месте.

Это подскакивание продолжается около пяти минут, после чего раздается новый свист, и пары опять выстраиваются рядами, чтобы отдохнуть в размеренном движении полонеза. Распорядитель в это время тоже отдыхает. Барабаны начинают выбивать другой ритм. Пот струйками стекает по блестящим, черным телам. Новый свист, новая пляска...

Английский чиновник на пограничной станции Шитрати, брат, кажется, вестминстерского архиепископа или какого-то другого важного духовного лица, происходит из старинного аристократического рода. Оригинал и интеллектуал, с душой, постоянно чем-то обремененной, он резко отличается от прочих представителей власти колониального мира. Он довольно красив, у него большие карие печальные глаза и покалеченный позвоночник. Специально изготовленный ортопедический корсет подходит ему под самую шею.

Возвратившись усталый домой после исполнения служебных обязанностей, он привычным, автоматическим жестом открыл ящик со спиртными напитками и, поставив передо мной стакан, удобно уселся в кресле. Потом он подал знак рукой, и тут же в противоположном конце огромной комнаты невидимый дирижер взмахнул своей палочкой — концерт начался. Из растрюба громкоговорителя полились звуки симфонической музыки. Молодой, специально выученный этому слуга прекрасно знает, когда нужно сменить иглу и как поставить пластинку. У чиновника целый комплект записей классической музыки. В первый вечер нашего знакомства он подвел меня к груде пластинок и спросил:

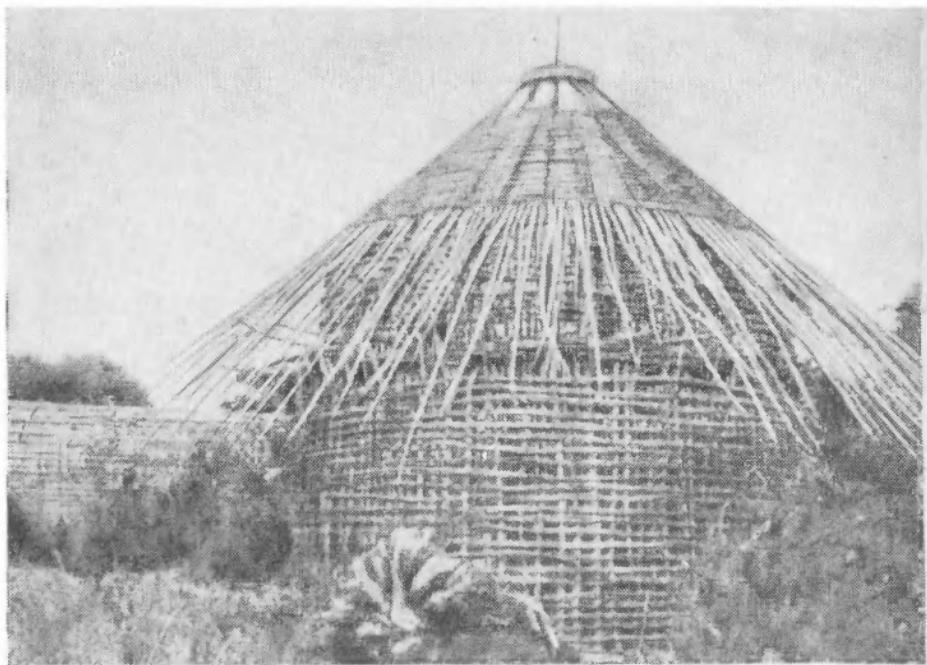
— Кого вы хотите послушать?

— Бетховена, — ответил я.

Он поставил для меня вторую симфонию, а затем Шопена, подчеркивая всем своим видом, что сделал это специально, памятуя о моем польском происхождении. И если бы не моя совершенно нечеловеческая усталость, он заставил бы меня слушать музыку до самого утра. Но веки мои сомкнулись сами собой, и тут не помогла никакая «сила воли». Я, видимо, нечаянно захрапел, ибо эстетствующий хозяин дома неожиданно оказался перед моим креслом. Мне было предложено идти спать. Он проводил меня до отведенной мне комнаты.

Этот масаи уже женат. Он держит плетку из хвоста антилопы-gnu, предназначенную для защиты от комаров

Хижина племени васкума в незаконченном виде

Хижина племени васкума и курятник

— Завтра я вас познакомлю с джумбе племени джолуо. Это в высшей степени любопытное племя нилотского происхождения, а вождь его — превосходный человек.

Следует заметить, что мой новый знакомый отличается редкой в условиях колониального мира деловитостью. Жизнь в его доме начинается очень рано. Раздается топот ног, хриплые гудки автомобилей, деликатно приглушенные голоса — словом, ревностно исполняются служебные обязанности. По-моему, не было еще и девяти, когда мы отправились в путешествие с представленным мне «превосходным человеком». Мы ехали на джипе, и я весьма сомневаюсь, чтобы какой-либо другой автомобиль оказался в местных условиях более удобным. В начале еще была дорога, потом от нее остался лишь жалкий след, но вскоре и он исчез. Мы пробирались сквозь дикие заросли, без зазрения совести ломая кусты и молодые деревца. Несколько местных жителей бежали впереди, указывая направление. Каким образом они ориентировались, до сих пор остается для меня загадкой. Наконец мы добрались до резиденции короля. Король — католик, но это не мешает ему быть обладателем нескольких законных жен.

Брачное законодательство племени джолуо — суровое и беспощадное. Соблюдать его обязан каждый, независимо от положения. Исключением не является даже вождь племени. Все прекрасно знают, что после рождения девочки мать не должна покидать своей хижины три дня, после рождения мальчика — четыре. В течение последующих десяти дней она может гулять свободно, но ни в коем случае не встречаться ни с одним женщиной, будь то даже собственный муж. И лишь по прошествии тридцати-четырнадцати дней женщина может вернуться к исполнению своих супружеских обязанностей. Обычай запрещает мужу общение со всеми прочими женщинами, прежде чем не восстановлены отношения с женой, произведшей на свет ребенка. Справедливость должна торжествовать.

Когда наш джип остановился у резиденции короля, жители близлежащих селений сбежались посмотреть на вазунгу. Вождь племени оказался очень гостеприимным, он просто не знает, куда меня посадить. В мое полное распоряжение предоставлена новая, только что по-

строенная хижина. В хижине довольно удобное тростниковое, кустарной работы ложе, большой стол и две скамейки. Намеренно или просто в силу странного стечения обстоятельств все места за столом заняты молоденькими девушками, буквально как на смотринах.

Невольно обращает на себя внимание та свобода, с которой держатся здесь люди. В мою обитель входят без разрешения и приветствий. Она превращена в место постоянных сборищ. Гости здесь стремятся принять щедро, от всей души.

— Сейчас девушки исполняют для бвана мкубва танец птичьей свадьбы! — шепчет джумбе, фамильярно ударяя меня по плечу, и при этом как-то странно улыбается.

— Почему ты смеешься? Разве этот танец должен что-то означать?

— Хе-хе-хе... конечно. Если девушка танцует этот танец — значит, ты нравишься ей... хе-хе-хе!

Танец начался прямо у порога моей хижины. Танцевали две женщины: одна — худая и высокая, другая — пухлая, с округлыми формами.

Почти весь птичий танец исполняется на согнутых ногах. Обращенные друг к другу головами женщины кружатся, хватают руками песок и одновременно тянут монотонную, но довольно мелодичную песенку.

В эту ночь я спал как убитый. Горячий источник сделал свое дело: ишиас почти прошел. Проснулся я, разбуженный чьим-то плачем. Я сел на постели и прислушался. Плач доносился издалека. Плакала, по-видимому, пожилая женщина. Время от времени плач ее сменялся воплями. Сомнений не было, что-то случилось.

Я поспешил натягивать пижаму и выхожу из хижины. Неожиданно, как из-под земли, передо мной вырастают два верзилы.

— Бвана что-нибудь нужно? — спрашивают они.

— Почему вы не спите? Кто вас тут поставил?

— Джумбе приказал нам сторожить бвану, неровен час — придет лев.

— Кто там плачет?

— Это биби (жена) оплакивает мужа. Он умер сегодня вечером.

— Так, значит, будут похороны. Когда его хоронят?

— Когда солнце будет вот здесь (поднятая рука пар-

ня напомнила мне стрелку гигантских часов) ... и воины вернутся после сражения.

— Какого сражения? Разве вы с кем-нибудь воюете?

— Нет, но если кто-нибудь умирает — значит, его убила чья-то воля. Раньше в таких случаях сразу шли в поход на врага, чтобы отомстить за смерть. Теперь вазунгу запретили войны, поэтому воины просто идут на границу с васкума или вакикуйю, чтобы изобразить войну. Злые духи должны знать, что мы готовы защищать себя.

— И когда же вы отправитесь на сражение?

— На рассвете. Вождь даст сигнал.

Долго ждать мне не пришлось. Едва небо начало розоветь на востоке, раздался высокий, пронзительный звук рожка. Его было слышно на несколько миль вокруг. Не прошло и четверти часа, как появились первые группы воинов. Старейшины шли в огромных меховых шапках с султанами страусовых перьев. У каждого из них был тяжелый, изогнутый, разрисованный зигзагами щит. Вооружены они были копьями и луками. Постепенно их собралось довольно много. Вот выносят труп и кладут его прямо у порога. Присутствующие женщины неистовствуют, закидывают головы, издают всевозможные звуки, драматически заламывают руки. Воины также выражают свое отчаяние всеми возможными средствами. Они бьют кулаками себя в грудь, жалуются друг другу, бегают по двору, потрясают оружием, бреччат браслетами на руках и ногах.

Постепенно неистовство охватывает всех находящихся на площадке перед хижиной, и я начинаю чувствовать здесь себя совершенно лишним. Из почетного гостя я превращаюсь в непрошшеного и всеми забытого. Уже никто не обращает на меня внимания. Вокруг все мелькает, и я просто не знаю, куда деться. Может быть я им мешаю? После тщетных попыток обнаружить какое-нибудь убежище я прислоняюсь к глиняной стене хижины и стою, наблюдая за происходящим. Джумбе замечает меня.

— Бвана мкубва простит нас, смерть настала так скоропостижно. В нашем климате покойник не может лежать долго. Нам приказано хоронить немедленно.

— Я совсем не сержусь и хотел бы присутствовать

при погребении. У нас в Улайд хоронят иначе... Впрочем, знаешь что? Чем мне ждать здесь до завтра, я лучше поеду с тобой на место сражения. Попутно я рассмотрю детали вашего убранства.

— Хорошо. А теперь пойдем в мою хижину, выпьем чаю и поедим.

Граница с «вражеским» племенем проходила неподалеку, в десяти-двадцати милях ходьбы по лесной чаще. Там собралось уже около пятисот вооруженных мужчин. В нашем автомобиле лежали щит и два копья — вооружение самого джумбе. Он тут же принял руководство всем происходящим. Вместо шапки из гривы льва на голове у него поясок из разноцветных бус, к которому прикреплены четыре клыка гиппопотама: по два с каждой стороны лица, на обнаженной груди большой, плоский белый медальон, вырезанный из морской раковины.

Призывный звук рожка возвестил о начале военных действий, и сразу сломались стройные ряды войск. Какая жалость, что у меня не оказалось с собой киноаппарата!

Боевая тактика, передаваемая от поколения к поколению, была продемонстрирована во всем своем великолепии. Мелкой рысцой, защищенные с двух сторон изогнутыми крыльями, щитов, двинулись вперед цепи стрелков. Они перемещались равномерно, плавно, так, что даже не ощущалось движение щитов и лишь ритмично вздрагивали сultаны львиной гривы. Время от времени кто-нибудь приседал, как будто высматривая, куда лучше нанести удар, выжидал удобный момент, а затем вновь срывался и бежал вперед, неистово громыхая украшениями. То вдруг кто-то, выставив вперед грудь, выкрикивал грозные заклинания по адресу вражеского племени, превознося до небес свою собственную доблесть. А чем, собственно, отличается поведение этих африканцев от поступков нашего средневекового рыцарства? Разве не подобным образом они хулили друг друга и вызывали на битву? Разве не так же провоцировали поединки и прозили кулаками с высоты оборонительных валов?

Время от времени кого-нибудь из грозных воинов охватывает желание выделиться чем-то особенным, и тогда атаке подвергается уже непосредственно моя осо-

ба. Воины срываются с места, отступают назад, целятся из лука и наконец выпускают копье, которое врезается в землю едва ли не в двух шагах от меня.

Я уже устал от этого зрелища. К счастью, «битва» длилась недолго. Знак руки джумбе прекратил бескровное сражение. Пружинящим, широким шагом воины возвращаются с поля битвы. Они добились своего: злым духам теперь известно, что с племенем джолуо шутить нельзя.

В селении за это время произошли некоторые изменения. Посреди хижины умершего выкопана яма, и женщины с волнями толпятся вокруг нее. При виде возвращающихся воинов они начинают душераздирающие кричать. Постепенно к ним присоединяются мужчины, и под этот многоголосый крик покойника берут за руки и за ноги и бросают в приготовленную яму. Теперь на арену выступают дети — одни мальчики в возрасте от десяти лет. Они выстраиваются вокруг, спиной к яме, и по знаку, кем-то поданному, начинают засыпать яму, отбрасывая землю назад босыми ногами. Из-за поднявшейся пыли ничего не видно. Лишь звук падающей земли и учащенное дыхание подростков свидетельствуют об интенсивности их работы. Могилу старательно утаптывают, чтобы она не выделялась на поверхности пола. Затем появляется джумбе с живой курицей в руках. Он держит ее за ноги, головой вниз.

Джумбе приближается к могиле и сильным взмахом руки ударяет курицу головой об пол. Тотчас же все стоящие вокруг также вынимают из-за спины по курице и повторяют его движение. Это начало погребальных поминок. Затем приносят жареного козла, и все принимаются за еду. После козла приходит очередь забитых и уже приготовленных кур. Едят жадно, щедро заливая трапезу местным пивом.

На память мне невольно пришла подобного рода церемония, свидетелем которой я оказался на территории Уганды. Перед тем как засыпать покойника землей, вот так же посередине хижины, в рот ему засовывали тростник. И когда могила была уже засыпана, а пол основательно выровнен босыми ногами, брат умершего сильным рывком выдергивал торчащий из земли тростник. Так между ртом погребенного и поверхностью пола образовывался своего рода «тоннель», через который чле-

ны семьи умершего и его друзья могли делиться с ним едой и спиртными напитками.

После поминок мне удалось приобрести немало музыкальных ценностей. В мою коллекцию попали почти все атрибуты старинного убранства воинов племени джолуо и среди них два выгнутых щита.

Утром следующего дня, сердечно простившись с джумбе, я уехал, воспользовавшись все тем же джипом.

— Почему собралась толпа перед той хижиной? — спрашиваю я шофера.

— Не знаю. Наверно, старик Олоу вышел с женой из хижины и знакомые приветствуют их.

— А что в этом необыкновенного?

— У них недавно родились близнецы!

— Но это тоже не такое уж редкое явление.

— По нашим обычаям после рождения близнецов родители не должны выходить из своей хижины в течение двадцати дней. И только по истечении двадцати дней они могут появиться перед людьми и показать своих близнецов. Это происходит очень торжественно.

— Я вижу, что случаи для празднеств подворачиваются здесь довольно часто.

— Да, но самое большое торжество бывает во время свадьбы. Вот уж когда действительно едят власты! Приходи, бвана, к нам на какую-нибудь свадьбу.

Ему легко сказать «приходи». Это за тысячу-то английских миль. А где взять автомобиль, деньги, время?

Сейчас я полон беспокойства о своем багаже. Багажник джипа до отказа набит изделиями кустарной работы. В основном это корзины, плетеные из лозы какого-то кустарника. А в корзинах — разноцветные, шитые бисером пояса, клыки гиппопотама, черно-белые шапки из шкуры зебры, всевозможные рога, рожки, султаны, плумажи и бахрома. И все это богатство держится буквально на честном слове. Ни упаковочной бумаги, ни шпагата в хижине джумбе обнаружить не удалось. Но меня заверили, что все превосходно уложено и ничто не выпадет.

Возвращаюсь я другой дорогой. Мне нужно успеть на пароход. То и дело я посматриваю на часы: пароход вот-вот должен отчалить. Я тороплю шофера. Он мчит, не различая дороги, которая оставляет желать многое лучшего. Озера еще не видно, а ухо мое уже уло-

вило три позывных сигнала. Чем все это кончится? Гони, дружище! Гони что есть сил!

Трап уже поднят, и матросы спускают причальные канаты. Провожающие машут платочками, и в этот момент мой джип въезжает на асфальтированную поверхность мола. Я выскакиваю из автомобиля, поднимаю голову вверх и, сложив рупором ладони, кричу капитану, прося прощения за опоздание. Он добродушно улыбается мне в ответ:

— Скорее, скорее! В вашем распоряжении всего три минуты.

Шофер и двое носильщиков выгружают из машины мои сокровища, выхватывая связки друг у друга из рук. Самый большой тюк, конечно, разваливается, и на асфальтсыпаются рожки, бусы, подвески для губ и ушей, деревянные чаши для пива, музыкальные инструменты, груды стрел и колчанов, всевозможные браслеты и бубенцы, трубки и табакерки — и все это катится в разные стороны, прямо под ноги провожающих. Из фешенебельных кают первого класса на меня смотрят бледные лица английских леди и джентльменов. Африканцы разражаются весельем, громким смехом, а я беспорядочно бегаю по молу, собирая отдельные предметы или принимая их из рук услужливых прохожих.

Сам капитан не может удержаться от смеха. Да, видимо, выгляжу я предельно глупо. В довершение всего мне еще некуда складывать подобранные вещи. Я беспомощно оглядываюсь по сторонам, пока какоето любезный стюард не подает мне с парохода пустой ящик из-под пива.

— Скорее! Скорее!

Все, кто может и как может, помогают мне. Запыхавшийся, вспотевший и окончательно сконфуженный, я вступаю наконец на палубу парохода.

Закончена очередная эпопея сбора экспонатов. Озеро Виктория перебросит меня в иные края.

НА ТРОПЕ

Я ехал в такси на аэродром. Мне удалось добиться бесплатного перелета. Это был один из грузовых самолетов, как правило, не берущих на борт пассажиров.

Итак, я — редкое исключение из правила, ибо являюсь сотрудником танганьикского музея и разыскиваю маски, а все сухопутные дороги отрезаны из-за дождей. Остается одно — лететь.

Пилот уже издалека делает мне знаки, чтобы я поспешил. Вид его рыжей шевелюры и усов, не знаю почему, улучшил мое настроение.

— Скорее, скорее! Садитесь. Мы ждем только вас.

Мне кажется очень забавным, что такой гигант ждет одного-единственного бесплатного пассажира. Впрочем, я нисколько не опоздал, да к тому же эти самолеты летают не по строгому расписанию.

Я поднимаюсь по металлическим ступеням. Огромная внутренность бомбардировщика, напоминающая надутый баллон, абсолютно пуста, и лишь где-то далеко, в противоположном ее конце, стоит несколько деревянных ящиков, наполненных какими-то бутылками.

Перед глазами невольно всплывают кадры диснеевских мультипликационных фильмов, и вот я уже представляю себя маленьким Микки-Маусом в пасти акулы.

Через минуту заревели моторы. В открытых дверях появился все тот же рыжий пилот и крикнул мне:

— Пристегнитесь как следует и не пугайтесь, если нас вдруг тряхнет: мой коллега-механик учится управлять самолетом!

«Ничего себе, хорошенькое начало», — подумал я, стараясь изобразить приветливую улыбку.

И вот мы двинулись по дорожке аэродрома. Карточные строения ангаров заплясали и дали крен вбок вместе с посадочной площадкой, деревьями и наблюдательной башней. Я тут же вспомнил предостережение пилота и, нащупав пальцами спасательный пояс, начал лихорадочно застегивать его на животе.

А тем временем поверхность земли выровнялась. Пышная зелень кокосовых пальм покрыла четырехугольники города, постепенно перешла в пожелтевшие долины, которые сменились лазурной голубизной океана. Казалось, что мы стоим на месте, а океан медленно плывет нам навстречу.

Самолет летит вдоль побережья Танганьики. Широкая, извивающаяся полоса пляжа уходит в воду, переливаясь целой гаммой красок. Отсюда на тебя наступает необъятный простор ярко-голубого тропического неба.

Внизу букет зелени в желтом обрамлении. Это остров Мафия. А справа Руфиджи, владающая в Индийский океан. Кое-где разбросаны белые пятна арабских населенных пунктов.

И вновь покачивающаяся земля заслоняет мне окна сначала с правой, а потом с левой стороны. Дома и деревья в шальном галопе несутся вверх нам навстречу, и вдруг подскок, мягкий, пружинящий, как подскок мяча. Затем второй, третий... и мы останавливаемся.

«Что они возят в этих ящиках?» — промелькнуло у меня в голове. Подхожу к первому: «Виски-содовая», осматриваю второй: «Виски-содовая», третий: «Джин». А что, им весело живется!

— А вот и Линди. Прибыли. Наш автомобиль доставит вас на место, — любезно сообщает мне пилот.

«Где оно, мое место?» — думаю про себя. Приехал, как в пустоту. Никого не знаю. Отсюда должен начаться мой путь. Мне предстоит найти ту нить, которая приведет меня к открытию тайны происхождения негритянской маски.

— Куда прикажете ехать? — спрашивает шофер.

— В католическую миссию, — нерешительно отвечаю я.

Миссия, как и все воздвигнутые в послегерманский период строения, имеет вид оборонительной крепости. Она обнесена высокой каменной стеной. В стене узкая железная дверь с висячей деревянной ручкой. После кратких раздумий я дергаю за ручку. Раздается резкий, пронзительный звонок. Стою. Жду. Звоню еще раз. Снова жду. Так проходит четверть часа.

— Вы хотите попасть в миссию? — спрашивает меня маленький мальчик, высоко задирая голову, чтобы заглянуть мне в глаза, и, не дожидаясь ответа, впрыгивает на камень, затем на выступ в стене, а оттуда на самый ее верх. Через несколько секунд дверь открыта, и мальчик гостеприимным жестом руки приглашает меня войти.

Я вхожу и осторожно оглядываюсь. Кругом тишина, никого нет. Огромный многоэтажный, изогнутый в виде подковы дом окружен верандой. С вещевым мешком в руках я обхожу веранду, заглядывая в кельи.

— Монахи, видимо, молятся; сейчас они придут, — успокаивает меня мой избавитель. — Зайдите вот в эту комнату и подождите.

По стенам стоят кровати, в центре — круглый стол. Иконы с изображением святых, и среди них портрет бородатого сибарита с профессиональной улыбкой.

«Какой-нибудь епископ», — подумал я.

Кто-то приближается. Я слышу шелест сутаны. Дверь тихонько приоткрывается, и в нее просовывается румяное с пышными усами лицо:

— Вы к настоятелю? Подождите минутку, он сейчас придет.

Проходит еще пять минут. Опять шелест сутаны и новое лицо в приоткрытых дверях, на сей раз худое и аскетичное:

— Вы к настоятелю? Подождите минутку, он сейчас придет.

Так по очереди ко мне заглянули четверо, произнося одну и ту же фразу и одаривая меня одинаковой деланно-добродушной улыбкой. Наконец появился пятый: сам отец настоятель, хорошо упитанный, как и подобает высшим сановным служителям.

Как только мы удобно уселись в креслах, я приступил к делу:

— Уже несколько месяцев я путешествую в поисках одной маски...

— Маски?.. Простите, я не совсем вас понимаю.

— Да. Я работник этнографического музея в Танганьике и разыскиваю маску, похожую на ту, что изображена здесь, на фотографии. Вам, достопочтенный отец, не приходилось встречать ничего подобного?

— Нет. Около Линди вы наверняка ничего не найдете, а в окрестностях Нангоо или Китангари — весьма возможно. Признаться, я никогда не интересовался этим...

— Ну разумеется. Я ни в коем случае не хочу отнимать у вас драгоценное время, но как будто именно здесь служил когда-то некий отец Роберт, который как раз и прислал в Дар-эс-Салам такую маску.

— Отец Роберт умер несколько лет назад.

— Может быть, кто-нибудь знает, где он достал эту маску?

— Не думаю. Вам целесообразнее посетить миссию в Нангоо. Там вы наверняка получите более точные сведения, ибо тамошний настоятель интересуется жизнью племен. Завтра утром туда отправляется наша машина.

Так начались мои скитания от миссии к миссии, от хижин к хижине. Я полон решимости продолжать их до тех пор, пока не достигну своей цели.

— Нет, никакой маски я не видел, хотя живу здесь больше тридцати лет, — говорит мне на следующий день настоятель миссии в Нангоо. — Советую вам посетить миссию в Намупа. Это недалеко отсюда. Я подвезу вас на мотоцикле, когда закончу свои дела.

Долго ждать мне не пришлось, ибо все дела моего собеседника заключались в том, что ему предстояло отмерить несколько кусков пестрой ткани и получить за них деньги.

Я с трудом устраиваюсь на небольшом мотоцикле.

— Вот в чем состоит наша миссионерская деятельность! — кричит настоятель, то и дело оборачиваясь ко мне. — Вы даже не представляете себе, сколько сотен миль нам приходится проезжать и по каким ужасным дорогам. Я не шучу: каждый из наших миссионеров может быть цирковым акробатом — ездить на мотоцикле по канату.

На бешеной скорости мы перескакиваем через выступающие из земли корни. Дорожка круто петляет то влево, то вправо. Мотоцикл порою почти ложится набок. Неожиданно резкое торможение на полной скорости — и мы останавливаемся у самого края глубокого оврага. Продолжением дороги, по которой мы едем, служит перекинутое через овраг узкое бревно для пешеходов. Уж не хочет ли святой отец на самом деле вообразить себя канатоходцем?

Берега оврага отвесно спускаются к ручейку, который течет по его каменистому дну.

— Крепче держитесь за сиденье! — старается перекричать настоятель шум мотора. — Я почти ежедневно езжу здесь, авось, и на этот раз пронесет.

Сказав это, он сорвался с места. Я в ужасе зажмурился, у меня перехватило дыхание. На какой-то момент мотоцикл оказался в воздухе и тут же тяжело приземлился. Резкий толчок заставляет меня открыть глаза. Мы стоим как вкопанные.

Настоятель хохочет во весь голос:

— Ха-ха-ха... Теперь вы будете помнить меня всю жизнь!

Далее наш путь проходит по густому, напоенному

жизненными соками лесу, который так редко встречается в безводных районах Африки.

— Намупа — настоящий оазис! — восторженно восклицаю я.

— А что я вам говорил?! Отец Ксаверий — ловкач, — долетают до меня слова моего собеседника через свистящий шум ветра. — Он влюблен в свою Намупу, и его не выжить отсюда никакими средствами. Он поставляет овощи всем окрестным миссиям. Земля тут хорошая, и воды вдоволь.

Вот мы едем по аллее благоухающих эвкалиптов. Живая изгородь из ровно подстриженного кустарника разделяет расположенные в шахматном порядке квадраты, засаженные овощами и фруктами, которые опутывает сеть ирригационных каналов. Большое, в несколько этажей здание миссии, поддерживаемое со всех сторон столбами веранды, расположилось удобно и просторно, как старопольская помещичья усадьба.

Вышедший нам навстречу пухлый (что, впрочем, легко было предвидеть), со здоровым румянцем на откормленных щеках отец Ксаверий приветствовал нас.

— Вы удачно попали, — обратился он ко мне через несколько минут, когда мы уже сидели за столом, обильно заставленным яствами. — Очень хорошо, что вы приехали. Как раз сегодня вечером у нас торжество. Вы увидите племя вахехе в национальных костюмах. Правда, масок у них я не видел. По-моему, в масках танцует племя маконде, оно живет в окрестностях Китангари.

— Может быть, мне сразу и отправиться туда? — говорю я, глядя на часы.

— Э, нет. Поспешишь — людей насмешишь. Если выявитесь туда один, все разбегутся. Лучше мне пойти вместе с вами... Подождите, пока я соберусь.

Угасающие лучи заходящего солнца пронизывают оранжевым светом банановый лесок. Фантастической величины листья склоняются в сонном ритме вечерней молитвы. Завернутый во что-то белое мальчик созывает хлопками заблудших кур.

— Я захватил с собой этого человека, — говорит отец Ксаверий, показывая на стоящего рядом африканца. — Он может нам пригодиться. В сумерках здесь часто встречаются львы и леопарды. Даже в самую засушливую пору эта речушка не пересыхает, и звери прихо-

дят сюда на водопой. Лучше смотрите под ноги, чтобы не наступить на змею. Самые коварные — это плююющиеся кобры. Они любят спать прямо на освещенных солнцем дорожках и напоминают сломанную ветку.

— На всякий случай у вас имеется сыворотка?

— А, кто станет заниматься подобными глупостями! Никакая сыворотка не заменит местного зелья. Африканцам известны травы от укуса любой змеи. Вы не представляете себе, сколько ценных открытий сделано местными лекарями. Некоторые из них лечат даже чахотку. Однажды в миссии тяжело заболел столяр. врачи отказывались что-либо предпринимать, утверждая, что болезнь неизлечима. Они отпустили ему не больше шести недель жизни. Выслушав все это, несчастный кое-как сполз со своего ложа и исчез. Он не появлялся целый год. Впрочем, я могу вам его показать. Теперь это воплощение силы и здоровья. Когда он вернулся, я не мог поверить собственным глазам и тут же отправил его на рентген. Однако против фактов не пойдешь. Так же дело обстоит и с укусом змеи. Больного отпаивают настоем трав. Иногда даже надсекают ему кожу и втирают какие-то мази. Пациент после этого засыпает, а через двадцать четыре часа пробуждается абсолютно здоровым.

Темная, беззвездная ночь затрудняет наше продвижение. Я иду последним, вслед за отцом Ксаверием. Путь нам освещает мерно раскачивающийся из стороны в сторону фонарь. Где-то очень далеко барабаны отбивают ритм танца. Время от времени доносится громкое хоровое пение женщин.

Но вот наконец мы входим в открытое поле. Вдалеке светятся огоньки. Фантастически очерченные фигуры танцующих мелькают на желтой поверхности тока и в расположенных поблизости зарослях кустарника. Отбивающий барабанами ритм уже не относит ветром. Они звучат непрерывно, монотонно, громко и упоительно. Невольно поддаешься этому всепоглощающему ритму, ровняешь по нему шаг, а может быть, и биение сердца. Мы идем молча, как загипнотизированные, находясь во власти законов звуковой гармонии. Открытое пространство, по которому мы приближаемся к музыкантам, к сожалению, выдает нас. Уже спешно приготавливаются места для сидения, появляются европейские раскладные кресла.

Барабаны затихли, и танцоры застыли в самых разнообразных позах, с любопытством уставившись на неожиданных гостей. В темноте ночи почти ничего не видно, и лишь отблески костров освещают кое-что вокруг. Небо абсолютно чистое, дождя не предвидится, но тем не менее над нами раскинули зонт. Видимо, это своеобразный способ оказания внимания. Но вот наконец самый большой барабан взял низкую басовую ноту, сделав знак, что можно начинать, и танцы возобновились. Успокоились встревоженные на мгновение сердца, убедившись в том, что это не неожиданно нагрянувший сборщик налогов, не контролер и не какой-нибудь врач, что колет иглой, а всего лишь хорошо знакомый священник и его приятель. Маленькие барабаны тут же отозвались на призыв своих старших братьев: «...не боимся, не боимся!»

Сидя верхом на длинных, напоминающих орудийные дула барабанах, парни самозабвенно отбивают ладонями ритм. Время от времени кто-нибудь из них сбивается, на мгновение замолкает, но в следующую минуту вступает вновь резко и намеренно громко или, наоборот, деликатно и едва слышно. В этих вариациях, в этой постоянной смене ритмов и тональностей и заключается мастерство и изысканность африканского искусства игры на барабанах.

Тем временем танцующие заняли исходные позиции. Вот они уже проходят друг против друга, приседая в утрированно версальских реверансах. Здесь господствует нагота, прикрытая «фиговым листком» и дешевым европейским ситцем, на котором белые люди постарались изобразить все, что смогли. Тут золоченые пушки и восходящее солнце, самолеты и кофейные мельницы, медицинские шприцы и огромных размеров часы.

— Простите, пожалуйста! — окликаю я служителя церкви как можно громче. — Но мне бы хотелось кое-что приобрести.

— Это весьма затруднительно, — отзыается отец Ксаверий. — Пока вы только берите на заметку те вещи, которые вам нравятся. Завтра мы постараемся установить контакты с их обладателями. А сейчас вы услышите игру на очень интересном и редком инструменте. Пьетро! Пойди поищи большую маримбу.

От толпы любопытных отделились двое; они несут два толстых банановых ствола и целую охапку дощечек.

Стволы укладывались прямо на землю, а на них располагаются постепенно уменьшающиеся дощечки. Так на глазах возникает примитивный ксилофон. По обеим его сторонам садятся мальчики с палочками в руках. Вот они слаженно ударили и бегло заиграли в восемь рук.

Толпа смолкла. Концерт продолжался недолго. Я щедро одарил исполнителей. Каждый из них придирчиво осмотрел монеты, попробовал их на зуб и лишь после этого спрятал за пояс.

— Я не могу привить им чувство благодарности, — сказал отец Ксаверий. — Они никогда не говорят спасибо.

Этот довольно избитый, бытующий в колониях упрек по адресу африканцев абсолютно несправедлив. И лучшее доказательство этого — необыкновенная преданность друзей Ливингстона, которые без расчета на какое-либо вознаграждение сопровождали его во всех полуголодных походах, а после его смерти по собственной инициативе забальзамировали тело усопшего и, преодолевая бесчисленное количество всевозможных препятствий, рискуя собственной жизнью, прошли тысячи километров, чтобы передать тело своего друга его соотечественникам. Что же касается внешней формы выражения благодарности, то в местном лексиконе действительно не существовало слова «спасибо». Мне, например, не раз приходилось наблюдать, как какой-нибудь прохожий выпивал в первой встреченной на пути хижине целую тыкву воды и, ни слова не говоря, шел дальше. А ведь вода в этих местах — на вес золота, и нередко в засушливую пору женщины ходят за ней по полдня. Но напоить жаждущего велят обычай племени, и, естественно, никому даже в голову не придет отказать прохожему в воде. Это настолько элементарная, само собой разумеющаяся вещь, что благодарить нет нужды.

Миссионер увел меня с празднества, утверждая, что я должен отдохнуть перед предстоящим трудовым днем. Ведь мне предстояло разыскивать всех, взятых мною на заметку обладателей музейных ценностей.

После ужина, когда мы разместились у тростникового столика на веранде, отец Ксаверий принес довольно большую деревянную доску с прикрепленными к ней кусочками дерева и кожаных шнурков.

— Посмотрите сюда. Это тоже своего рода музей. Угадайте что это?

Я тщательно оглядел поданную мне доску. Ни малейшего представления о чем-либо подобном я не имел.

— Не знаю, — ответил я.

— Это всевозможные амулеты, которые сняли с себя представители этого племени в день их обращения в христианскую веру. Я очень сожалею теперь, что ни мне, ни моим предшественникам не пришла в голову мысль записать их историю. Это было бы необыкновенно интересное пособие для тех, кто занимается этнографией. А пока мне известно лишь, что это амулеты, оберегающие от разных болезней. В этих плетенных из шнура мешочках находился пепел или глина, смешанная с порошком из высушенных трав. Вам, видимо, не раз приходилось видеть подобные амулеты на шеях, предплечьях или суставах ног, чаще всего у маленьких детей. Африканцы свято верят в чудодейственную силу флюидов, распространяющихся от сущеных трав. Кто знает? Может быть, в этом есть доля правды.

— И ничего другого обращенные в веру не приносят в жертву?

— Сегодня они уже не приносят и этих мелочей. А прежде они жертвовали и более крупные вещи: барабаны, вазы, музыкальные инструменты. Но где было их хранить? Святые отцы попросту сваливали все в одну кучу и сжигали. Впрочем, публичное сжигание производит иногда весьма полезный эффект.

— Но вы-то, отец, понимаете, что таким образом уничтожается огромное количество ценностей?!

Может быть, он и понимал это, но весьма своеобразно.

МАЛЯРИЯ

Раннее утро. На придорожной траве лежит роса. Даже пернатые певцы еще не проснулись. Мы стоим злые и раздраженные. Миссионер мысленно подсчитывает, сколько времени потрачено впустую, меня же бесит устроенная им церемония проводов до самой машины. Я понимаю, если бы это была машина, заказанная на определенный час, — а то ведь нет. Мы просто ждем какой-нибудь оказии и пока безрезультатно.

Предводитель одного из певческих братств
племени васукума

Гитара племени вахехе — инструмент,
который встречается крайне редко

Девические передники богатых девушек

— Жить в Африке, не имея собственного автомобиля, просто невозможно, — начал мой партнер, чтобы прервать затянувшееся и ставшее утомительным молчание.

— Что же делать, если его нет.

— Музей в Танганьике мог бы позволить себе столь необходимый расход. Как можно посыпать человека, обрекая его на скитания?

«Злэба, изливающая в данный момент на музей, не что иное, как досада по поводу потерянного времени», — промелькнуло у меня в голове, и я тут же поспешно заговорил:

— Очень вас прошу, святой отец, оставьте меня одного. Я превосходно справляюсь со всем, а вас ждут дела. Я думаю, что машина должна появиться с минуты на минуту.

— Ну хорошо, я пойду. Не забудьте, вы должны добраться до местечка Мтана. Его легко узнать по скоплению лавочек на скрещении дорог. Как будто там есть даже указатель с надписью «Китангари». В Мтане вы пересядете на любую попутную машину и поедете в другом направлении. Священник миссии в Китангари — человек необыкновенно радушный, он беспокоится о том, чтобы устроить вас наилучшим образом. Если на обратном пути вы окажетесь в наших краях, прошу не забывать.

Я вздохнул с облегчением. Не переношу подобного рода услуг, оказываемых из вежливости. Наконец-то я свободен и завишу только от самого себя. Я выбираю место, густо поросшее придорожной травой, усаживаюсь, вытягиваю перед собой ноги, опираюсь на выставленные назад локти и, откинув голову, вдыхаю всей грудью еще прохладный, бодрящий, не испорченный соседством какой-либо фабрики воздух. Люблю сливаться вот так с окружающим меня простором. По обе стороны от меня широкая шоссейная дорога, и мне совершенно безразлично, куда ехать. Впрочем, я еду в Китангари (название абсолютно ничего мне не говорящее), но что меня ждет там и куда я подамся потом — не знаю. Это будет зависеть от снисходительности водителя попутной машины. Итак, я должен торчать здесь в бессмысленном ожидании, может быть, час, а может быть, и целый день. Сейчас меня это уже не волнует.

Но вот кто-то едет. Шум приближающейся машины

доносится со стороны Сонгей. Я срываюсь с места и становлюсь на дороге, преграждая путь автомобилю. Раздается скрежет тормозов, и машина останавливается как вкопанная. Я усаживаюсь рядом с шофером. Не проронив ни слова, он трогает машину.

Мы летим как сумасшедшие, не обращая внимания на выбоины и камни. Разболтанные доски и металлические части кузова отчаянно громыхают. Каждая неровность на дороге отзывается немилосердным толчком пружин разодранного сиденья. Нет ничего ужаснее, чем езда на грузовой машине без всякого груза по ухабам африканских дорог.

Мы ехали всего полчаса, и вот на горизонте появились жилые строения.

— Что это за селение? — спрашиваю я.

— Мтана, — равнодушно отвечает шофер, не спуская глаз с дороги.

— Останови. Я выйду. Чья это машина?

— Ведомства общественных работ.

— Вот тебе за то, что подвез.

Шофер неуверенным жестом берет монеты. Ведь машина принадлежит правительству, так зачем же платить?

— Много народа туда ездит? — спрашиваю я, указывая в направлении Китангари.

— Раз на раз не приходится: то много, а то никого.

Забавная история. Где же мне ночевать, если не подвернется попутная машина? Мтана, носящая громкое название городка, представляет собой скрещение четырех дорог, окруженное лавочками, владельцы которых — индийцы — в позах Будды терпеливо поджидают редкого клиента. И стоило мне появиться в их обществе, как первый же из них любезно предложил мне стул. Как же я мог отказаться, если он даже вытер пыльный стул рукавом собственной полосатой пижамы? Я улыбаюсь как можно приветливее:

— Благодарю вас. Я на минуту, только дождусь машины.

— Вы условились заранее?

— Нет. хочу перехватить первую попавшуюся.

— О!.. в таком случае вы можете сидеть спокойно. Может быть, она пройдет здесь после полудня, а может быть, и вообще не пройдет.

А тем временем вокруг нас уже собралась толпа подростков.

— Откуда вы прибыли, если не секрет? — начал с обычного в таких случаях вопроса владелец стула. Присиживая целыми днями на корточках в томительном ожидании, он жадно ловит любую новость, чтобы поделиться ею со своими ближними и дальними соседями.

Я не хочу заслужить репутацию дурно воспитанного человека и поэтому вынужден отвечать:

— Из миссии Нангоо.

— По служебным делам или личным?

— По служебным.

— И вам не предоставили автомобиля? Что же это за фирма?

— Как видите.

— Но этого просто не может быть. Вы шутите.

В эту минуту я от всей души желал, чтобы попечитель музея оказался на моем месте, в пыли и на солнцепеке. Весьма возможно, что в этом случае у музея открылись бы возможности выделить какие-то фонды на исследовательскую работу.

— Так вы не государственный служащий? Вы чем-нибудь торгуете? Или, может быть, путешествуете в поисках золота?

— Нет. Я еду в гости к приятелю, — отвечаю я, довольный тем, что эта безобидная ложь избавит меня от дальнейших расспросов.

— А где живет ваш приятель?

— В Китангари.

— Это, наверное, священник-миссионер?

Мне надоели эти расспросы. Подхватив свой узел, я направляюсь пешком в сторону Китангари. Стоит пройти небольшой отрезок пути, сесть на первый попавшийся придорожный камень, и я окажусь... один! Но не tutto было. Я присаживаюсь у дороги, и сразу же вокруг меня на корточках располагаются любопытные.

— Good morning, sir! — обращается ко мне один из них, желая похвастаться знанием английского языка.

— Good morning! — отвечаю я.

— Откуда вы идете, сэр?

— Из Мтаны.

— А куда вы идете, сэр?

— В Китангари.

— В миссию?

— Да.

— Может быть, вам нужен бой?

— Нет, не нужен.

— А кто же понесет ваш багаж?

— Я понесу его сам, — отвечаю я, и в этот момент меня неожиданно спасает шум приближающегося автомобиля. Мне даже не пришлось поднять руку. Водитель-европеец сам останавливает машину и спрашивает:

— Подвезти?

— Будьте так добры.

Некоторое время мы едем молча. Только что меня раздражали расспросы, теперь же я считаю своим долгом завязать знакомство. Англичанин между тем не проявляет к этому ни малейшего рвения. Я лихорадочно разыскиваю тему для разговора и соответствующие слова. В таких случаях лучше всего начать говорить о погоде, но язык не поворачивается обсуждать столь банальную тему. Не знаю почему, но мне кажется, что англичанин рассмеется в ответ. С чего начать?

— А что, дороги здесь везде хорошие? — наконец решаюсь заговорить я.

— В этом районе почти везде. Ближе к морю начинается песок. Вы в этих местах впервые?

— Да. Может быть, вы сумеете мне кое в чем помочь? Я собираю образцы африканского искусства для музея в Танганьике. И прежде всего разыскиваю маски.

— Вам посчастливилось: я здешний комиссар, возвращаюсь после осмотра подопечных территорий. Я бы с удовольствием встретился с вами в Невале. По дороге мы проедем через Китангари. Там есть смысл задержаться. Я распоряжусь, чтобы местный джумбе специально для вас устроил празднество. По всей вероятности, он разыщет и маски. Это очень предприимчивый и на редкость интеллигентный человек.

Я только намеревался подробнее обсудить затронутую тему, как комиссар весьма неожиданно пророммовал:

— Хорошая сегодня погода, не правда ли?

— В самом деле, — поспешил согласиться я.

— Давно не было дождя, поэтому так много пыли.

— А когда здесь начинается пора дождей?

— Где-то в середине декабря.

— Сейчас начало ноября. Я боюсь, как бы я не оказался отрезанным от Дар-эс-Салама.

— Дорога на Дар-эс-Салам неплохая, она идет вдоль побережья. Вот только река Руфиджи может выйти из берегов, и тогда через нее не переехать, но до этого еще далеко.

Мы продолжали перебрасываться отдельными фразами, не докучая друг другу чрезмерными расспросами, до тех пор пока не въехали на территорию рынка. При виде машины комиссара поднялась суматоха. Со всех сторон к нам спешил народ. Через минуту у нашей машины оказался и сам джумбе. Вслед за ним собирались старейшины. У джумбе был двойной подбородок, живот в складках и хитрые бегающие глаза. С лица его не сходила растерянная улыбка, ведь он еще не знал, зачем сюда пожаловал комиссар.

— Послушай, Абдалла! — начал комиссар, указывая на меня. — Этот человек поселился в миссии. Организуй для него нгому. Пусть все оденутся так, как ходили прежде, и принесут с собой старые музыкальные инструменты, копья, щиты и маски. У вас есть маски?

— А как же. Бвана мкубва получит все, что только пожелает. Может быть, и куры нужны?

— Это как он скажет.

Тут комиссар обратился ко мне:

— Желаю успехов и жду вас в Невале.

Когда машина скрылась в клубах пыли, я сразу приступил к делу:

— Послушай, джумбе! Я хорошо заплачу тебе, если ты достанешь мне такую маску, как на этой фотографии. Посмотри, есть здесь такие?

— Сколько душе угодно. Мне нужно три дня, чтобы организовать нгому. Я извещу вас, когда все будет готово.

Перспективы открываются чудесные, и мне ничего не остается, как ждать. Я направляюсь к виднеющемуся вдали зданию миссии.

Отец Лонгинус в противоположность священнику из Намупы не отличался ни физическими достоинствами, ни душевной щедростью. Худой и высокий, как жердь, он пытливо смотрел на меня из-под густых нависших

бровей, пронизывая, как рентгеновскими лучами, взором лихорадочно гёрящих глаз.

— Вам повезло, что вы встретили комиссара. Без его распоряжения джумбе ничего бы не сделал. Это на редкость тупой, ленивый человек, подлец и лицемер — отвратительная личность.

Я вспомнил характеристику, данную джумбе комиссаром («Очень предприимчивый и на редкость интеллигентный человек»), и невольно улыбнулся. Впрочем, такое резкое расхождение во мнениях меня ничуть не удивило. Прежних потомственных вождей британское правительство давно истребило; вновь назначенные вожди племен — это наиболее гибкие подхалимы и абсолютно бесполезные прохвости. Отец Лонгинус, безусловно, был ближе к истине.

У меня не было ни малейшего желания три дня без дела сидеть в миссии, не говоря уже о том, что мне пришлось бы по несколько раз в день посещать службу. Я предпочел это время использовать для изучения местности. Своими планами я поделился со священником.

— Превосходно. Я дам вам хорошего проводника.

Через минуту он представил мне пожилого человека, худого, как он сам.

— А вот и Игнатий. Он знает всех вокруг. Это как раз тот человек, который вам нужен. Походная кровать у вас есть?

— Обойдусь двумя пледами, я привык к спартанскому образу жизни.

— Смотрите, как бы эта привычка не вышла вам боком...

Стыдно признаться, но у меня никогда не бывает с собой необходимого снаряжения и даже провизии. Я всегда путешествую с пустыми руками, хотя полностью отдаю себе отчет в том, что это крайне непредусмотрительно. В моей скитальческой жизни уже не раз выдавались недели, когда я вынужден был голодать, но зато отсутствие багажа позволяло мне быстро перемещаться с места на место... Я люблю хорошо поесть, но в то же время легко перестаю ощущать потребность в еде, когда меня захватывает работа.

Мы идем довольно быстро. Мой проводник вопреки ожиданиям энергично отмеривает шаги. До ближайшей деревни восемнадцать миль, то есть около двадцати се-

ми километров, и мы должны добраться до нее засветло, ибо возможность ночлега в лесу здесь полностью исключена.

Несмотря на то что уже перевалило за полдень, солнце жжет немилосердно. Фотоаппарат начинает оттягивать мне плечо. Сколько времени мы уже идем? Мои единственные часы остановились. Выбитый из нормального ритма жизни, я забыл их завести.

Длительная засуха лишила кусты и деревья лиственного покрова, и теперь они стоят абсолютно голые, напоминая наши ольховые рощи поздней осенью.

Неожиданно Игнатий поднял руку. Я не могу понять, почему он остановился и делает мне знаки не шуметь. Там, впереди, что-то происходит, но я ничего не вижу. Удивительные глаза у этих людей! Они умеют подметить даже самым тщательным образом замаскированный предмет, выделить на желтом фоне наиболее желтое пятно. Игнатий указывает мне пальцем на траву. Наконец, внимательно присмотревшись, я замечаю маленькую обезьянку, худенькую, беспомощную, ковыляющую на одном месте.

— Что же мы стоим? Поймай обезьянку, мы напоим ее молоком, и она будет моей. Я возьму ее с собой в миссию.

— Не двигайся с места, бвана мкубва! — схватил меня за руку Игнатий. — Павианы ужасно злые. Они идут сюда, чтобы забрать малютку. Им ни в коем случае нельзя преграждать дорогу. Они умные, как люди.

Только теперь я заметил справа от нас целое стадо обезьян. Процессию возглавляли два больших павиана. Обезьяны шли на четвереньках, глядя в нашу сторону. Ближайших из них отделяли от меня каких-нибудь десять метров. Они пересекли дорогу, затем одна из обезьян-предводителей, видимо самка, быстрым движением подхватила малышку с земли, поместила у себя под животом и, поддерживая его одной лапой, пустилась наутек, опасливо озираясь по сторонам. Страх овладел всеми павианами одновременно. Они удирали крупными прыжками, выполнив свою сопряженную с риском обязанность. И только отец семейства остался на месте. Он приподнялся и, стоя на двух ногах, как человек, наблюдал за нами. Он как будто понял, что нам не из чего стрелять, и, дождавшись, пока последние обезьяны

скроются в лесной чаще, неторопливо и с достоинством направился вслед за ними.

Мы продолжали свой путь. Я натер мозоль и прихрамывал, но старался не поддаваться. Расстояние, отделявшее нас от деревни, должно быть преодолено. Другого выхода нет. Однако каждый шаг дается все с большим трудом. Звенит в голове, перед глазами мелькают голубоватые тени. Я не могу понять, что со мной происходит. В висках пульсирует кровь, по лицу разливается горячий румянец. Наконец, тяжело дыша, я беспомощно опускаюсь на траву и опираюсь спиной о дерево.

— Далеко еще?

— Уже совсем близко, бвана мкубва.

Я поднимаюсь, собрав остатки сил, но их хватает недолго. Колени мои подгибаются...

— Бвана мкубва болен? — забеспокоился Игнатий.

В самом деле, эта мысль только что пришла мне в голову. Я болен. Пробую пульс. Сомнений нет — малярия. Я усаживаюсь прямо посередине дороги, и меня охватывает невероятное желание спать, превозмочь которое я не в состоянии. Спать... спать!.. Зубы стучат от холода. Весь я сотрясаюсь, как в конвульсиях. Глаза застилают слезы.

— Бвана мкубва, вставай. Здесь оставаться нельзя. Деревня совсем близко. Сюда может прийти лев.

— Оставь меня в покое!

Голова разрывается от боли. Ломит суставы и поясницу. Нестерпимый жар охватывает все тело.

— Игнатий, иди в деревню один. Позови людей. У меня нет сил.

— Нельзя, бвана, сюда может прийти лев. Здесь их очень много.

Я уже не слышу, что он говорит. По телу разливается приятная истома. Звон становится тише и доносится откуда-то издалека...

ДОБРЫЙ ЛЕВ

Когда я проснулся, день был в полном разгаре. Яркие лучи солнца пробиваются сквозь щели тростниковой крыши. Я лежу на короткой, почти квадратной кровати, представляющей собой плетенную из травы сетку, натя-

нутую на деревянную раму. Я не спешу покинуть удобное убежище, так как чувствую себя совершенно разбитым после вчерашнего приступа малярии, и стараюсь сообразить, где я нахожусь. В памяти всплывает инцидент с обезьянкой... От нестерпимой боли разламывает-ся голова.

— Игнатий! — стараюсь крикнуть я как можно громче.

— Да. Бвана уже немножко здоров?

— Где мы?

— В деревне, по дороге на Лугобу.

— А зачем мы шли туда?

— За мидимо (маской), бвана. Там живет мой приятель, у него много масок.

— А в этой деревне нет масок?

— Здесь другие маски, не такие, какие бвана ищет. Тут есть нагрудные маски.

— Какие нагрудные?

— Вырезанные из дерева. В такой маске мужчина может танцевать, как женщина. Это очень смешно.

— Проводи меня, я хочу видеть эти маски, — загоряюсь я. Подобные маски мне пришлось однажды видеть на фотографии в коллекции известного немецкого этнографа Карла Вейле. Ни в одном музее я ничего подобного не встречал.

— Но бвана болен и должен лежать в постели. Лучше я приведу сюда хозяина маски.

— Нет. Я пойду сам, подожди меня! — заявляю я, спуская ноги со своего ложа. При первой же попытке подняться меня качнуло, как пьяного.

— Помоги мне выйти из хижины.

Опершись на плечо Игнатия, я выхожу.

Деревня расположена на порядочном расстоянии от моей хижины, которая почему-то построена в стороне от остальных. Я прохожу мимо двух женщин, толкующих зерна кукурузы в деревянной, длинной, как орудийное дуло, ступе. Они стоят друг против друга и высоко подбрасывают толстые, тяжелые, метровой длины палки. Создается впечатление, будто палки взлетают сами. Время от времени они выпускают из рук свои орудия труда и хлопают в ладоши. А может быть, это своеобразная демонстрация ловкости. Весь процесс помола производится механически. К нему приобщаются с малолетства,

и он составляет основной и, пожалуй, наиважнейший элемент жизни местных женщин. Удары толкушек перемежаются с громким разговором и смехом. Работающие поворачивают головы то вправо, то влево, внимательно разглядывая прохожих.

— А твои маски в этой деревне?

— Нет, в двух милях ходьбы отсюда.

Прервав разговор на полуслове, я останавливаюсь как вкопанный. Зрелище, свидетелем которого я стал, поразило меня своей неожиданностью: перед одной из хижин сидят две старухи с губами, вытянутыми наподобие утиного клюва. От продырявленной верхней губы у них осталась лишь растянутая полоска мяса и кожи, которая охватывает деревянную дощечку чуть-чуть потолще мужской ладони. Дощечка производит впечатление подставленной под ноздри плошки. Уставившись на меня, старухи нервно двигают своими клювообразными ртами. В этот момент они удивительно напоминают каких-то фантастических пернатых обитателей тропиков.

По мере того как я приближаюсь к заветной цели — деревне, где имеются маски, до меня все отчетливее доносится звук барабанов. Кто же развлекается подобным образом в этот неурочный час? Ведь все мужчины находятся на своих полях — шамбах, а женщины молотят кукурузу.

— Кто там играет на барабанах? — спрашиваю я Игнатия.

— Это женщины, бвана мкубва, — отвечает он, хитро усмехнувшись.

— Женщины? — удивился я. Мне никогда не приходилось слышать ничего подобного. Барабан в Африке — это инструмент, исключительным правом играть на котором пользуются мужчины.

— Да, бвана, сегодня веселятся они, — и опять губы его расплываются в хитрой улыбке.

— А почему мужчины не принимают участия в этом празднестве?

— Табу, бвана. Нам не разрешается. Это особое празднество, и происходит оно в школе.

— А мне можно туда пойти?

— Вазунгу, наверно, можно.

Любопытство берет верх. Кто знает, может быть, там подвернется что-нибудь достойное изучения? А кроме

того, меня крайне занимало, что делают женщины в этой таинственной школе.

Звуки барабанов доносились из-за высокого частокола. Мои попытки увидеть что-нибудь через щели ни к чему не привели — щели были тщательно заткнуты листьями. Мне помог высокий рост. Никто, конечно, не мог предвидеть, что, приподнявшись на цыпочки, я смогу заглянуть внутрь. Попадающиеся мне на пути к запретному месту мужчины старались поспешно ретироваться, как бы страшась быть замешанными в совершающем мною преступлении. Итак, я пускаюсь в авантюру на собственный страх и риск.

Небольшой квадратный дворик — типичный для племени маконде. В тени одной из хижин примостились три девочки, они бьют в барабаны. Девочки абсолютно нагие, в полном расцвете своей прелести. Их грудь украшают нити бус, и такие же бусы в виде метелочки прикрывают нижнюю часть живота. В центре дворика в такт музыке движутся две немолодые женщины. Еще несколько нагих девочек стоят у забора, задорно прихлопывая в ладости.

Появление моей головы над изгородью никого не испугало. Женщины не спускают с меня глаз, движения их становятся более чувственными. Они изгибаются, вызывающие отставляя назад бедра и подрагивая расставленными коленями. Девочки, заметив меня, присоединяются к танцующим женщинам и начинают подражать им во всем, высоко подбрасывая ноги, так что разлетаются по сторонам метелочки из бус. Из хижины выходит третья женщина и начинает руководить всем происходящим.

Становится жарко, танцующие изнемогают от пляшущего зноя. Те, на ком еще оставалась хоть какая-нибудь одежда, начинают поспешно от нее освобождаться. Какое-то мгновение женщины размахивают в воздухе снятыми с себя тряпками, а затем пренебрежительно отбрасывают их в угол. Движения их становятся все более стремительными, напоенными страстью. Перед моими глазами проносятся пухлые женские лица, глаза заговорщически подмигивают.

Я вдруг почувствовал себя крайне бестактным оттого, что проник в тайники, охраняемые табу, и поспешил удалиться от забора.

— Что там происходит? — обращаюсь я к первому встречному мужчине.

— Это школа, где обучаются правилам поведения и обычаям.

— Послушай, Игнатий, где же наконец твои маски?

— Вон в той хижине.

— Так иди вперед и вызови хозяина.

Появился небольшого роста человек с маленькими хитрыми глазками. Большой кусок кожи был перекинут через его плечо наподобие римской тоги.

— Игнатий говорит, что у тебя есть маска. Это правда?

— Есть, но она не моя.

— Разыщи ее хозяина, я тебе хорошо заплачу.

— А сколько?

— Один шиллинг.

— Подожди здесь, я мигом, — и он поплелся в чащу леса.

— Поскорее! — крикнул я ему вслед и спросил у Игнатия, далеко ли ему идти.

— Я не знаю, куда он пошел, — ответил тот.

— Как не знаешь? Он же сказал — к хозяину масок.

— Но он сам — хозяин масок. Я его знаю, он хитрый, хочет заработать вдвое.

— Но куда же он пошел?

— Понятия не имею. Может быть, сидит где-нибудь в кустах.

Меня охватывает злоба. Что предпринять? Ждать его здесь или махнуть рукой на это весьма сомнительное предприятие и пуститься в обратный путь? Но перспектива приобретения маски затмевает чувство обиды. Я усаживаюсь у дороги и терпеливо жду целый час. Наконец я не выдерживаю и срываюсь с места, окончательно разозленный.

— Идем отсюда. Ничего из этого не выйдет. По крайней мере обманщик не получит шиллинга.

— Лучше пройдем немного в том же направлении, может быть, мы встретим его.

— Хорошо. Давай попробуем.

Мы минуем несколько хижин, вход в которые прегражден палкой. Это означает, что хозяев нет дома.

— Разве у вас не запирают хижины на замок?

— А зачем?

— Чтобы ничего не украли.

— Но здесь всем все известно друг о друге, а впрочем, мунгу сразу указал бы на того, кто украл. Воров у нас нет.

Мы проходим мимо хижины, стоящей особняком. Оттуда долетают громкие мужские голоса — вероятно, пьют помбе.

— Он там, я узнал его голос, — говорит Игнатий, останавливаясь.

— Войди и посмотри. Если он действительно там, то прикажи ему немедленно выйти. Скажи, что иначе он будет арестован и передан комиссару.

В душе я смеюсь над этой пустой угрозой, ведь я не обладаю здесь никакой властью.

Жмурясь от солнца, в дверях появляется старик. Он уже довольно пьян. Видимо, пил помбе в счет моего шиллинга.

— Ты что ж? Сидишь и пьешь, вместо того чтобы искать хозяина масок?

— Но я уже успел вернуться. Его нет дома, он ушел в Невалу.

— Не выдумывай. Покажи мне сейчас же маску. Вот тебе обещанный шиллинг.

— Если бвана мкубва даст еще один шиллинг, я принесу.

— Дам. Иди.

— Но хозяин будет зол на меня. Чтобы он не сердился, мне придется заплатить ему два шиллинга.

— Ты получишь и эти два шиллинга.

— Это другое дело. Иду.

Старик возвращается в хижину и через минуту появляется снова, неся под мышкой что-то большое, завернутое в тряпье. Таинственными знаками он манит нас в кусты.

— Что у тебя за секрет?

— Не хочу, чтобы люди догадывались, что я продаю чужие вещи, — шепчет он.

Присев на корточки за деревом, старик принял с благоговением разворачивать сверток. Через мгновение из-под тряпок показалась размалеванная физиономия кирпичного цвета с оттопыренными, как у летучей мыши, ушами. В каждое ухо были продеты по три разноцветные

серьги, а верхнюю губу украшала огромная белая, характерная для племени маконде дощечка, какую я видел сегодня на губах у двух старух. Маска сделана очень искусно, она не идет ни в какое сравнение со всеми виденными мною прежде. Она существенно отличается и от маски из Дар-эс-Салама, тайна происхождения которой привела меня сюда.

— Сколько ты хочешь за нее?

— А сколько бвана даст?

— Я дам тебе пять шиллингов.

— Ты мне дашь еще семь в добавление к тем, которые обещал раньше. Тогда я согласен.

— У тебя есть и нагрудная маска?

— Да, но она сейчас у женщин в школе. Там она нужна.

— Я дам тебе еще семь шиллингов, если ты немедленно принесешь ее сюда.

— Я принесу за пятнадцать.

— Хорошо, только поскорее.

— Мне еще не приходилось встречать человека более хитрого, — обращаюсь я к Игнатию. — И ловкого, — добавил я, подумав.

— Я говорил вам, что это самый умный человек в округе.

А тем временем «самый умный» человек уже возвращался назад с каким-то узлом в руках. Из-за откинутого края платка был виден огромный живот беременной женщины. Большие груди спускались до самого пупка. Это было похоже на гипсовый слепок женского торса, но на самом деле вырезано из одного куска дерева.

Вещь эта не была ни красива, ни эстетична, зато представляла огромную ценность с этнографической точки зрения.

Ожидания и торги продолжались до самого захода солнца. Уже было совсем темно, когда мы вернулись к своей хижине. На сей раз я решил устроиться на ночлег более удобно и послал Игнатия за сеном. Он тут же передал мое приказание джумбе, тот в свою очередь — каким-то мальчишкам, и в результате сена у меня оказалось даже слишком много.

Но каково же было мое изумление, когда джумбе принес мне на фарфоровой тарелке жареную курицу, а вслед за ним вошли две женщины: одна несла чайник

с чаем, другая — сваренные вскрученные яйца. Итак, в этот день у меня был настоящий пир. Особенное удовольствие мне доставил чай.

После ужина я присел на пенек у входа в хижину. Я вспомнил о годах своей юности, о мечтах и стремлениях, которыми я жил в то время. Если бы я мог тогда представить себе свою теперешнюю жизнь! Если бы мог предвидеть, что станет со мной впоследствии!

Темная, беззвездная ночь. Перед каждой хижиной разведен костер и варится ужин. Над глиняными горшками поднимаются клубы пара, а рядом движутся окрашенные отсветом пламени в пурпурные тона фигуры женщин. Кругом снуют какие-то тени, слышатся приглушенные голоса. Из далекой лесной чащи долетит вдруг писк ночной птицы или лемура, заслонит на мгновение глаза гигантская летучая мышь, совершая свой бесшумный полет, и вновь воцаряется тишина. Не слышно дикого рычания, не видно львов. И что это люди рассказывают, что здесь их много.

Утомленные болезнью глаза закрываются сами собой. Пора спать. Хижина моя еще не закончена: в ней нет дверей. Поэтому, лежа в постели, я продолжаю наблюдать за кострами. Их далекие огни мелькают в дверном проеме. Вот кто-то перебирает металлические струны, кто-то тянет заунывную мелодию, и всему этому вторит басовитый монотонный говор. Из уст в уста передаются вести о дневных похождениях вазунгу, его встречах и покупках.

Я сам не заметил, как погрузился в сон, и не знаю, сколь долго пребывал в этом состоянии. Меня разбудило низкое гортанное рычание, а скорее даже хорошо мне знакомый хриплый, тяжелый вздох льва.

Я сел на постели и прислушался. Может быть, это просто сон?

Кругом тишина. Огней уже не видно. Даже угли и те погасли. Я смотрю в открытый дверной проем и размышляю: лев или не лев? Ответ на вопрос последовал незамедлительно. На сей раз это не было галлюцинацией. Лев отозвался совсем рядом, прямо за стеной: низкий вздох, затем несколько стонов, все более отрывистых и коротких, переходящих в могучее, хриплое рычание.

Не помня себя от страха, я сорвался с постели и, сделав прыжок в темноте, беспомощно остановился посреди

хижины. Что делать? Чем заслонить вход? Лев был все-го в нескольких шагах, и жизнь моя зависела от остроты его нюха и доброй воли, а может быть, от аппетита. Что делать?

Я прислушался. Тишина показалась мне бесконечной. Предательская, коварная тишина, таящая в себе опасность, как тропические джунгли.

Но вот рычание повторилось, и теперь уже совсем рядом...

Верный своим привычкам, лев приближался не спеша, преисполненный важности, ничего не страшась и ни от кого не прячась. Выходя на промысел, он оповещает об этом всех и каждого. Он не крадется, как какой-нибудь пресмыкающийся гад или гиена. Не прячется за кусты, а идет открыто по проложенной им же самим тропе.

Нельзя терять ни минуты. Я лихорадочно хватаю свое ложе и заставляю дверной проем. Сквозь сетку мне виден кусок неба, несколько более светлого, чем внутренность хижины. Мысль судорожно мечется в поисках способов спасения. Закричать? Нет. Мой крик скорее наведет льва на след, и я уже никак не смогу остаться незамеченным. Может быть, выскочить и добежать до ближайшего жилища? Но разве лев не догонит меня? Может быть, влезть на крышу? Но лев более ловок, чем я, и он наверняка сделает то же самое. Итак, что же?

Мягкие шаги зверя послышались прямо передо мной. Они приближались справа, и их сопровождало тихое кошачье мурлыканье. Я замираю на месте. Сердце мое готово выскочить из груди. Я отчетливо слышу его удары.

Лев проходит мимо. Но кто может поручиться, что он не вернется? Мурлычет он, кажется, совсем не зло. Однако я чувствую, что колени мои подгибаются, на лбу выступает холодный пот. Еще момент — и я потеряю сознание. Опустившись на землю рядом со своим заграждением, я прислоняюсь к нему обессиленным телом. Льва не слышно. Может быть, он тоже сел и ждет? Ничего не видно, ночь поразительно темная.

Сил больше нет. Веки смыкаются сами собой, и я засыпаю...

Разбуженный ярким солнечным светом, я обнаруживаю, что хижина пуста. Мое ложе заслоняет дверной проем, а я лежу прямо на земле.

Юноша племени джслуо со щитом

Моя первая и самая ценная добыча —
маска племени мава

Поспешно вскочив, я навожу порядок. Подбираю разбросанное кругом сено и покрываю им водворенное на прежнее место ложе. Теперь можно позвать Игнатия.

Игнатий появляется немедленно. Он, видимо, был где-то поблизости и видел, в какой позе я спал. Но я делаю вид, что ничего об этом не знаю и ни о чем не догадываюсь.

— Ночью здесь, кажется, был лев.

— Да, бвана, очень большой лев.

— Посмотри, нет ли его следов рядом с хижиной. Он как будто проходил мимо моей двери.

— Хи-хи-хи, — засмеялся Игнатий. — Я уже видел. Вот тут есть следы... Хи-хи-хи... Бвана испугался?

— Мне непонятен твой смех. Почему не били в барабаны? Разве никто ничего не слышал? Ведь лев мог унести теленка или козу.

— Э, нет, бвана, этот лев — добрый лев. Он никому не причинит зла. Почти каждую ночь он ходит мимо на водопой. Его не надо бояться.

В Африке мне приходилось сталкиваться со многим, но чтобы львы подразделялись на добрых и злых — такого я еще не слышал. И все же ночь эта останется в моей памяти надолго. Ночь, проведенная по соседству с «добрым львом».

ПЕРВАЯ УДАЧА

— Я сейчас же пошлю мальчика известить джумбе о вашем возвращении, — сказал отец Лонжинус во время завтрака.

— Не надо, — перебил его седобородый монах. — Об этом уже знает вся деревня. Сегодня с шести часов утра все только и говорят о приключениях вазунгу, о том, что и у кого он купил.

И действительно, не прошло и четверти часа после нашего разговора, как я услышал голоса на веранде. Когда я вышел узнать, в чем дело, то увидел рослого, опрятно одетого полицейского, который доложил мне, шаркнув босой ногой:

— Все готово, король ждет.

За спиной полицейского толпились подростки. Глаза их светились любопытством.

— А маски будут? — поинтересовался я.

— Все будет, — ответил полицейский и еще раз лихо шаркнул ногой.

Стоило мне выйти на главную улицу, как со всех сторон начал собираться народ. Толпа постепенно увеличивалась. Откуда-то появились блюстители порядка в мундирах цвета хаки, с огромными таблицами на груди. Образовалось настоящее шествие.

Впереди шел полицейский, преисполненный сознания огромной важности выполняемой им роли. Он артистически жестикулировал руками, как будто регулировал движение в Лондоне на Пикадилли. Двое его помощников шли по бокам, призывая публику разойтись:

— Бвана мкубва идет!.. Бвана мкубва!

Но на них никто не обращал внимания — любопытство брало верх над субординацией. С каждым шагом становилось все труднее и труднее прокладывать себе путь. Так, пробираясь сквозь толпу, мы добрались наконец до футбольного поля. В воротах стояло широкое, плетенное из тростника садовое кресло. Едва я опустился в него, как за спиной у меня собрались многочисленные представители местной власти.

— А где же джумбе? — спрашивала я, удивленный его отсутствием.

— Джумбе пошел к старосте, в Невалу.

— Но кто же в таком случае организовал нгому?

— Я, секретарь джумбе. Все готово, сейчас придут танцоры. Они одеваются за теми хижинами.

Только теперь я обратил внимание на шум, который доносился оттуда. Через минуту загрохотали барабаны. Несколько сидящих вокруг меня на корточках мальчишек моментально сорвались с места. Вытащив откуда-то длинный, довольно толстый бамбуковый шест, они положили его прямо передо мной, присели по обеим сторонам друг против друга и замерли в ожидании, зажав в руках маленькие палочки.

По какому-то новому, таинственному, ускользнувшему от моего внимания знаку они вдруг ударили палочками по бамбуку и затем ритмично и очень громко начали стучать по нему. Поднятые кверху лица мальчиков-музыкантов под непрерывный аккомпанемент барабанного боя поворачиваются то влево, то вправо. Ребятам хочется наблюдать одновременно и за танцующими и за

тем, что происходит вокруг. Юные музыканты подстрагиваются под ритм больших барабанов, которые приближаются к нам, и издаваемый ими грохот сливается с барабанной дробью. Эти несущиеся с разных сторон звуки взаимно дополняют друг друга, образуя многоголосый африканский оркестр.

Но вот из-за хижины показалось шествие, возглавляемое странным существом в черной маске. Руки, торс и ноги его обтянуты трико домашней работы. С бедер свободно ниспадает плетеная из травы юбочка хула-хула. Оскаленные зубы маски окружены ореолом взъерошенных орлиных перьев.

Почувствовав, что на него смотрят, танцор пришел в состояние крайнего нервного возбуждения. Он начал подпрыгивать, кривляться, паясничать, как цирковой клоун. Зрители смеялись до упаду, шумно аплодировали, так же, как и он, подпрыгивали на месте, бурно выражая свой восторг громкими криками.

За шутом в маске следует довольно большая толпа певцов, одетых во что придется. Над толпой на длинной палке раскачивается тряпочная кукла с лицом белого человека и черными чаплинскими усиками. По всей вероятности, она должна изображать фазунгу. На нескольких древках развеваются разноцветные куски материи, имитирующие знамена.

Вслед за певцами и знаменосцами идут на ходулях четыре танцора-акробата. В танцах на ходулях у маконде нет конкурентов. Исполнители одеты в европейские пижамы с очень длинными штанинами, которые закрывают значительную часть ходули. Ходули прочно прикрепляются к голени, так что нет нужды поддерживать их руками. Руки абсолютно свободны, ими балансируют для сохранения равновесия. Поравнявшись с воротами футбольного поля, танцоры начали вращаться вокруг собственной оси на одной ходуле.

Танцы на ходулях продолжаются бесконечно. Впрочем, весьма скучный репертуар уже давно исчерпан, и публика начинает понемногу расходиться.

— Это все, что хотел показать джумбе?

— Да, — отвечает его секретарь. — Разве было не смешно?

— А где же обещанные маски?

— Других масок, кроме тех, что вы видели, нет.

— Так зачем же было обещать?

— Я не знаю. Джумбе уехал в Невалу и ничего мне не сказал.

Мною овладевает полное отчаяние. Я уже готов отказаться от своей затеи, как вдруг в голову мне приходит мысль, за которую я хватаюсь, как утопающий за соломинку. Решительным жестом я подзываю к себе полицейского и говорю ему:

— Послушай, аскари (солдат), твой джумбе обманул меня. Он многое пообещал и ничего не исполнил. Ты звал меня сюда, но я пришел напрасно. Вы оба виноваты в том, что я зря потратил столько времени. Я буду жаловаться комиссару. Ты наверняка потеряешь место и будешь строго наказан. Тебя может спасти только распоряность. До наступления вечера ты должен разыскать хорошую маску и доставить ее в миссию. Если ты сделаешь это, я прощу тебя. Можешь идти. Я буду ждать до двенадцати ночи.

Пока я говорил, полицейский стоял передо мной на вытяжку и время от времени подносил руку к фуражке. Он был растерян и испуган.

— Но если таких масок, как хочет бвана мкубва, здесь действительно нет? Их делают только мавя*, что живут за рекой Рувумой.

— Так ты говоришь они делают маски? Раз ты видел их здесь, значит, должен раздобыть для меня хотя бы одну. Я заплачу тебе, но помни, если не достанешь маски тебе придется плохо. Тебя прогонят отсюда вместе с твоим нерадивым джумбе.

В миссию я возвращаюсь злой и раздраженный. Столько дней потрачено впустую! Хорошо еще, что я не провел все это время в бесплодном ожидании, а выбрался в Лугобу. Но как этот проходимец джумбе надул меня!

Иду я, конечно, не один. За мной тянется целый хвост детьоры. Широкая, красная от глины дорога врезается в пологий скат противоположного берега пересохшей реки. Она высохла еще два месяца назад. Но вдоль речного русла, в наиболее низко расположенных его участках, толпятся женщины с кувшинами и выдолбленными

* По-видимому, автор имеет в виду племя ваяо, проживающее на территории Танганьики и Мозамбика. — Прим. ред.

тыквами. Они копают глубокие ямы, которые за ночь наполняются мутной грунтовой водой. Уже потом, в хижине, она отстаивается в специальных мелкопористых горшках. Поверхность этих горшков благодаря постоянному испарению воды автоматически охлаждается. Таким образом они выполняют функцию не только сосудов для хранения воды, но и ...холодильников.

Сколько своеобразной прелести заключено в этих караванах женщин, беспрерывно движущихся по африканским тропам с сосудами различной формы на головах! Они идут степенно и плавно. Казалось бы, что, скованые наличием неустойчивого груза, они не в состоянии обернуться назад, но, вопреки всем представлениям, они даже наклоняются, чтобы проводить глазами заинтересовавшего их прохожего. По крайней мере будет о чем рассказать по возвращении домой.

Остаток дня я провел, сидя в удобном кресле на веранде, перелистывая книгу и строя планы на завтра. Выбирать особенно не приходилось, надо было ехать в Невалу. Расположенная на границе с португальским Мозамбиком, у самой реки Рувумы, Невала является резиденцией областного комиссара...

...Улеглась повседневная суета трудовой жизни миссии. Отзвонили вечерню. Со всех сторон тянутся вереницы одетых в белое юношей и девушек. С быстротой молнии проносится всегда нервно возбужденный отец Лонгинус, спешно улаживая последние дела.

— Подождите немножко, сейчас будет ужин.

Ничего другого, как ждать, мне не остается, хотя это выводит меня из душевного равновесия. Не выношу состояния вынужденного бездействия.

А барабаны уже начали свою вечернюю перекличку. Их призывные голоса раздаются то здесь, то там, и никогда нельзя угадать, откуда они доносятся. Протяжные голоса коров желают «спокойной ночи». Мрак постепенно окутывает лианы, ожившие веранду миссии. Босоногий мальчик вешает на стропило керосиновую лампу. Наступает ночь, уже которая по счету ночь моих почти бесплодных поисков.

И вдруг... что это?

Раздался и неожиданно стих топот чьих-то босых ног. Послышались мягкие крадущиеся шаги, шелест раздвигаемых листьев. Кто-то пытается незаметно влезть на

веранду. Из-за густо поросшей лианами балюстрады до меня доносится шепот:

— Бвана мкубва, есть маска.

Я срываюсь с места. Пытаюсь отыскать говорящего, но никого не вижу. Неужели удрал?

— Бвана, иди сюда, есть хорошая маска!

Перемахнув через перила веранды, я оказываюсь в зарослях кустов и, не обращая внимания на колючки, начинаю пробираться к освещенной полянке. Там на корточках сидит мой полицейский, а перед ним замотанный в тряпицы круглый сверток. Я догадываюсь, что это и есть маска.

— Забирай ее поскорей, бвана, а то еще кто-нибудь увидит. Я нашел ее у одного старика. Он не хотел продавать маску, и мне пришлось его уговаривать. Это стоило денег...

— Зачем дела не станет.

Я высыпал ему на ладонь горсть серебряных монет. Пусть получает — все это ничто по сравнению со столь ценным приобретением.

На веранду я возвращаюсь, подпрыгивая от радости и прижимая к груди сверток. Разворачиваю. Руки дрожат, как у ребенка, который достает из-под елки рождественские подарки. Никогда прежде мне не приходилось попытываться такого нетерпения, а тут, как назло, путаются тряпицы, бечевки — все это ужасно действует мне на нервы. Еще момент — и свет мигающей керосиновой лампы приоткроет завесу над тем, что, собственно, и было целью моего путешествия. Наконец показалась черная карикатурно-яйцеобразной формы голова не то человека, не то человекообразной обезьяны. Выдвинутая вперед нижняя челюсть выделялась белизной дико оскаленных зубов. Толстые, вывернутые губы, приплюснутый нос, зигзагообразная татуировка, но что меня больше всего поразило в первый момент — это сонно опущенные веки, такие же, как у маски из музея в Дар-эс-Саламе. Сомнений не было: источник происхождения один и тот же.

Отец Лонжинус неожиданно появился за моей спиной.

— Вы видели что-нибудь подобное?

Он поднял маску с земли, поднес ее к свету, внимательно осмотрел и, покачав головой, сказал:

— Вот уже двадцать лет я работаю здесь, но подобного еще не видел. Только мавя способны такое сделать...

— Посоветуйте мне, отец, как лучше добраться до этих мавя? Вероятно, через Невалу, но на чем я доеду?

— Это очень просто: каждую ночь туда направляются машины, порожние или с грузом. В самое жаркое время они совершают рейсы по ночам, чтобы сильно не разогревались шины. Прошлой ночью я ни разу не слышал шума проходящей машины, значит, сегодня кто-нибудь непременно поедет. Я пошлю на дорогу шустрого мальчишку, чтобы он остановил машину. А вы можете спокойно ждать на веранде.

Так и решили. Я просидел «спокойно» до самой ночи. Кругом царила ничем не нарушаемая тишина.

— Можно идти спать, — сказал наконец отец Лонжинус, отрываясь от требника. — Если до одиннадцати часов никто не проехал, значит, уже не проедет. Эй! Иосиф! Иди сюда...

Через несколько минут мальчик стоял перед нами, и именно в этот момент со страшным шумом из-за ближайшего поворота выскочил грузовик и под оглушительный вой моторов помчался в направлении Невалы. Его уже никто не остановит.

— Тьфу!.. — сплюнул отец Лонжинус. — Надо же, такое невезение. Ну уж завтра мы не прозеваем. Спокойной ночи!

Сколько потеряного времени, сколько нервотрепки, и виной всему полное нежелание считаться с нуждами собирателя экспонатов для музея. Деньги мертвым грузом лежат в банке, а тут скитайся, как бездомная собака, протирай штаны на веранде у миссионеров и молись о попутных машинах.

Мне не остается ничего другого, как идти спать.

ОЖИДАНИЕ

Медленно и томительно протянулся еще один день. Я тщетно пытался выискать что-либо интересное, внимательно оглядывал приходивших в миссию людей, фиксируя каждую деталь их убранства, но ничто не привлекало моего внимания. Низкопробные европейские това-

ры уже успели вытеснить отсюда изделия местного кустарного производства. Даже браслеты, украшающие запястья, и те были фабричной работы, жалкой попыткой имитировать слоновую кость.

Как ужасна, однако, эта нелепая зависимость от попутной машины. С одной стороны, я как будто могу свободно бродить по бескрайним просторам африканского леса, но в то же время связан по рукам и ногам. Пешком далеко не уйдешь.

— Сегодня уж мы наверняка поймаем машину, — флегматично заявляет мне отец Лонгинус. — Я послал на дорогу верного человека, а то ведь ученик — известное дело, ребенок. Он может прозевать или просто не успеет остановить несущуюся на полной скорости машину. Опытный старик лучше справится с этим делом.

Старика я увидел издалека как раз в тот момент, когда он шел на дежурство с одеялом и палкой. Палка — это еще понятно, но зачем одеяло?

После знойного дня я чувствую себя превосходно на открытой веранде. Зажженная лампа бросает отсвет на чисто выбеленную стену, и в ее отражении, как на экране, развертываются фантастические кинокадры тропической жизни. Вокруг лампы вьется туча крылатых термитов. Эти безумцы идут на смерть ради того, чтобы совершить всего один полет. Их непомерно грузные, неуклюжие туловища при маленьких тщедушных крыльшках делают для них невозможными перелеты на большие расстояния. В своем непреклонном, настойчивом стремлении к свету они беспрестанно ударяются о стенку и падают на пол. Все более толстый слой их покрывает пол у основания смертоносной стены. Завтра утром они станут лакомым блюдом для кур. Придет с ведром бой и сберет в него еще живую, вяло копошащуюся массу. Однако не все термиты успевают упасть на пол. Вот уже появились летучие охотники за ними, быстрые и бесшумные. Совершая виражи под потолком, они время от времени ловко подхватывают какого-нибудь безумца. Это летучие мыши — умные, таинственные, угловатые существа, подобные пришельцам с другой планеты.

Тут и ночные бабочки. Отчаянно трепеща крыльшками, они мелькают в лучах света. Огромные, искусно разрисованные, они в конце концов опалят себе крылья и упадут на пол вместе с термитами.

Иногда на белом фоне экрана вырисовывается богомол, всегда осторожный, хитрый и практичный. Он прилетает сюда не для того, чтобы бесславно погибнуть. О нет! Он прекрасно знает цену предательской, ослепляющей белизне света и стремится использовать ее в своих узкоэгоистических целях. Вот, приняв исходную позицию, он замирает на своем посту, чтобы лучше высмогреть и вовремя ухватить жертву. И все то, что ничтожно, что мелко — комарики, едва видимые мошки, — попадает в расставленные им сети.

Перебирая ниточками легких ножек, богомол незаметно приближается к намеченной жертве. Время от времени он останавливается и застывает в полной неподвижности, как бы имитируя веточку. Но в такой маскировке нет необходимости: кто обратит на него внимание теперь, когда свет лампы так соблазнителен и магнитически притягателен, когда он гипнотизирует и обессиливает? И насекомые несутся на свет, ударяются о стену, падают, взлетают и ударяются вновь...

Внимание мое привлекает жужжание и последовавший за ним сильный удар о стену. Ах, и этот здесь объявился! Вырвавшись из своего привычного мирка, прямо из придорожной пыли прибыл сюда жук-навозник. Ему тоже захотелось подняться ввысь. И вот он уже лежит на спинке, беспомощно перебирая лапками. Но никто не сжалится над несчастным, никто не поможет ему перевернуться на брюшко, и его постигнет участь всех остальных — он пойдет на корм курам.

Становится все более шумно, сгущается мгла трепещущих крыльышек. На веранду выходит кот. Теперь начнется охота!

Откуда-то издалека, из лесной чащи доносится грохот барабанов — они извещают о все еще продолжающемся торжестве обрезания. Я уже знаю, что через мгновение барабанный бой прекратится. Он не должен продолжаться более десяти минут. Это сигнал к началу танцев, или так называемой нгомы. И действительно, барабаны вскоре затихли. Воцарилась полная тишина. Сегодня ее не нарушит рычание львов — все они давно покинули эти места в поисках более спокойного и свободного от людей уголка.

Я смотрю на часы: десять часов — время, когда, по словам отца Лонжинуса, должна пройти попутная ма-

шина. И в самом деле, до слуха моего долетел какой-то шум. Машина идет как раз в нужном направлении. Я прислушался. Сейчас раздастся характерный скрежет тормозов. Шоферу уже пора бы заметить знаки.

Я отсчитываю секунды в состоянии крайнего нервного напряжения, но шум мотора не смолкает. Это настоящее издевательство надо мной и над тем почтенным старцем, что стоит на дороге. Как он, несчастный, должно быть, волнуется! А машина и не думает снижать скорости. Временами шум ее затихает, но потом неожиданно вырывается откуда-то вновь, еще более явственный и оглушительный, как будто приблизившийся вплотную. Грузовик то с воем взлетает в гору, то, наоборот, спускается в долину, и тогда шум его доносится приглушенно и мягко. Остался всего один поворот, и через какую-нибудь долю секунды машина должна вылететь на боковую дорожку миссии.

Я поднимаюсь с места, наклоняюсь так, чтобы мне была видна дорога, и, напрягая зрение, пытаюсь что-либо рассмотреть во мраке. Но вот свет фар прорезывает темноту, и огромное квадратное туловище грузовика, рыча мотором и бренча разболтанными металлическими частями, проносится мимо. Что случилось?.. Где же старик?

Не веря собственным глазам, с минуту я еще стою и прислушиваюсь. Шум мотора удаляется. Нет никаких сомнений в том, что машину никто не задержал.

Я сбегаю по ступенькам веранды и опрометью бросаюсь к дороге. Освещенная серебристым светом нарождающегося месяца машина исчезает за поворотом. Кругом ни души. Я оглядываюсь по сторонам. Старику должен быть где-то здесь.

— Эй, бабá! — кричу я во весь голос.

Никакого ответа. Я делаю несколько шагов вдоль дороги и что же вижу: в уютном углублении придорожной канавы, как на пружинном матраце, сладко спит «достойный доверия» сторож и часовой. Он спит безмятежным сном человека с чистой совестью, и его мерный храп разносится многоголосым эхом. Не зря же он взял с собой одеяло! Что же делать? Разбудить и отчитать нерадивого часового? Но разве это поможет? Ведь машину уже не вернуть. Несолено хлебавши я возвращаюсь в свою комнату.

Наступил еще один день моего вынужденного отдыха. Я решил больше никому не доверять и сам выбрал подходящее место для вечернего дежурства поблизости от дороги. Это была превосходная полянка, в глубине которой стоял каркас недостроенного дома. Кругом полно сухого валежника, да к тому же достаточно лишь протянуть руку, чтобы вытащить любую из торчащих в каркасе жердочек. Без костра здесь не обойтись. Ночью бывает очень холодно, пронизывает сквозной ветер. Из-за резкой смены температуры после дневного зноя начинает знобить. Не надо забывать, что я нахожусь сейчас на высоте около полутора тысяч метров над уровнем моря.

Ни львов, ни леопардов здесь нет — так утверждают местные жители, но кто может поручиться за это? Что же касается гиен и шакалов, то их никто не принимает в расчет. Носорог? Этот всегда может повстречаться, ибо разгуливает где попало. Во всяком случае пребывание в лесу в полном одиночестве даже у костра — занятие не из приятных и безопасных. Но привыкаешь ко всему. Еще год назад я бы наверняка струсили, а сегодня не испытываю ни малейшего страха. Мне просто хочется спать. Голова опускается все ниже и ниже. Монотонное потрескивание горящих веток и перемещающиеся вокруг пурпурные тени как будто составляют против меня заговор. И если бы не необходимость внимательно следить за дорогой, я бы растянулся на траве и уснул по примеру вчерашнего старца. Теперь я понимаю его. Напоенный прямыми ароматами воздух тропиков невольно одурманивает.

Пятнадцать минут десятого. Двадцать... двадцать пять... Но что это? Тишину нарушает четкий, ритмично отбиваемый шаг нескольких десятков босых ног. Такое впечатление, что марширует целое войско. Слышатся звуки струн, и вот на освещенную отблеском моего костра часть дороги вступает отряд подростков. Я догадываюсь, что это отец Лонгинус прислал учеников своего старшего класса развлечь меня во время дежурства.

Ребята окружили меня плотным кольцом и весело болтают. К сожалению, мое знакомство с языком кисуахили далеко не достаточно для того, чтобы их понимать. Время от времени я глупо улыбаюсь в знак своего расположения к ним, и в ответ на каждую мою улыбку зву-

чит их смех. Так устанавливается полное взаимопонимание.

У людей племени маконде толстые, мясистые, вывернутые губы, резко оттененные рядом поблескивающих в свете пламени заостренных зубов. С раннего детства они шлифуют себе передние зубы, чтобы уподобиться царственному льву. Их щеки и лоб покрыты сплошной и самой разнообразной по рисунку татуировкой. Младшему из ребят, по-видимому, лет шестнадцать. Мускулы его превосходно развиты, а грудная клетка обрываеться под углом к бедрам.

Четверть одиннадцатого.

— Теперь бвана мкубва может спокойно идти спать. Ни одна машина уже не пройдет. Может быть, завтра, но сегодня нет, — категорически заявили ребята, разом поднявшись.

То же самое говорил и отец Лонжинус. Упорствовать не имело смысла. Ведь им лучше известны местные обычая.

В душе я проклинаю все на свете. Еще один день потерян впустую. Нет, с меня довольно этих скитаний. Когда возвращусь в Дар-эс-Салам, немедленно откажусь от работы. Пусть они наконец поймут, чего мне все это стоило.

С проезжей дороги я сворачиваю в боковую аллейку. Сопровождающие меня мальчишки, видимо, почувствовали, что я в плохом настроении, и замолкли. Но вот в гнетущую тишину мрачных раздумий неожиданно врывается шум мотора. За нашими спинами из чащи деревьев высекивает огромный грузовик и, громыхая и рыча, как зловещий призрак, мчится в направлении Невалы. До этого момента его не было слышно. Видимо, он бесшумно съехал с горы. Грузовик промчался мимо и исчез из виду. Никто из нас не успел его задержать.

Я прекрасно сознаю, что уже наскучил читателю описанием последних дней, проведенных мною в миссии, но как выбраться из этой западни? Так выглядит путешествие по Африке без собственного автомобиля.

Когда я уже снимал башмаки, сидя на краю кровати, отец Лонжинус отчаянно забарабанил кулаками в мою дверь.

— Господин доктор!.. Господин доктор!.. — голос его прерывался от радости. — Бегите скорей в селение, там

стоит машина. Она испортилась, ждут какую-то запасную часть. Я уже послал человека предупредить, чтобы они подождали вас.

Через несколько секунд я бежал по ухабистой кратчайшей дороге, а вслед за мной мчались мальчишки с моими вещами. Мы успели как раз вовремя. Что за наслажденье ощутить себя наконец на шоферском сиденье с вылезающими отовсюду пружинами! Я опять в пути. Мы несемся со скоростью сто двадцать километров в час.

ПЕРЕПРАВА

Чем дальше продвигался я по следам таинственной маски, тем меньше становился мой багаж. В Линди я высадился с чемоданом и узлом. Я вез с собой плед, пижаму, мыло, полотенце, костюм, белье и даже несколько польских книжек. Чемодан остался в Намупе, костюм — в Китангари, белье — в Нангоо, и вот геперь я, что называется гол как сокол: у меня остались только короткие брюки и довольно грязная рубашка цвета хаки. Нет, вру! Со мной еще одна вещь, без которой невозможно обойтись в Африке — чайник.

Невала расположена на самом краю глубокого оврага, на дне которого течет могущественная Рувума. Как раз по ней и проходит граница между португальским Мозамбиком и британской Танганьикой. Переправляться на противоположный берег мне предстоит довольно сложным путем: прежде всего я должен преодолеть сорок километров спуска по труднопроходимым дорогам, по тропинкам, которыми ходят лишь ослы и козы, и несколько километров по песку и воде, а затем взобраться на противоположный крутой берег. Там, в Мозамбике, мне придется переходить от одной деревни к другой. Как же мне облегчить себе это? Может быть, прибегнуть к помощи велосипеда? Ну конечно! Блестящая мысль, но где его взять? Я обращаюсь к индийцу, сидящему рядом с целой пирамидой земляных орехов.

— Бвана нужен велосипед? У мистера Керникона, здешнего миссионера, их, кажется, целых три. Зачем ему столько?

Ход мыслей его абсолютно логичен. Если у миссионера три велосипеда, а у меня, его ближнего, ни одного,

то его христианский долг поделиться со мной. Ну что ж, попробую истолковать ему этот верный принцип в наиболее доступной форме.

Мистера Керникона удалось убедить довольно легко. Правда, он сомневался в жизнеспособности своего велосипеда. Но я подвинтил и подвязал на нем все, что мог, и, сердечно поблагодарив почтенного миссионера, двинулся в путь.

Стоит ли описывать невероятную тряску по корням и камням, балансирование у самого края пропасти? Пожалуй нет, жаль времени и слов! Лучше полностью подчиниться охватившему меня тогда чувству восхищения. Мне совсем не надо было крутить педали, скорее, наоборот, я вынужден был постоянно тормозить. Я ехал по узким извижающимся среди густой, никем не примятой зелени тропинкам. Время от времени приходилось перескакивать через ямы. Сезон дождей разгулялся здесь со всей силой. Выкорчеванные деревья задрали вверх чубатые шевелюры своих переплетающихся друг с другом корневищ, образовав воздушные острова из вырванных кусков дерна.

И все эти естественные преграды я вынужден был преодолевать безропотно. Благодатная тень отнюдь не всегда содействовала моим усилиям. Пот каплями выступал у меня на лбу, рубашка прилипла к телу, а губы запеклись от жажды. Парит немилосердно. В виднеющейся среди просветов зелени дали все так же течет Рувума, маня и раздражая своей узкой голубой лентой на фоне безбрежной желтизны песка. Я спускаюсь к ней уже в течение нескольких часов, и все безрезультатно. Заветная цель ничуть не приближается. Она издевательски неподвижна.

В самом начале пути навстречу мне не раз попадались вереницы женщин, идущих от источника.

Но вот источник остался позади, и долгое время никого не было видно. Потом начали попадаться какие-то новые группы людей — низкорослых, коренастых, упитанных, с фантастически разрисованными лицами и телами. Прежде мне не приходилось встречать ничего подобного. Они шли с мотыгами и узелками с одеждой.

— Вы какого племени? — обращаюсь я к ним.

— Маконде, — отвечают они хором.

Маконде — одно из самых многочисленных племен

Южной Танганьики. Представители этого племени обитают и на противоположном берегу Рувумы, но фактически эта ветвь уже не имеет ничего общего с танганьикской и носит распространенное повсеместно название «мавя». Люди, которых я встретил, идут из-за Рувумы, а следовательно, это и есть прославленные авторы масок. Изредка среди них мелькают женщины. Их верхнюю губу пронизывают большие черные дощечки с торчащим вверх металлическим прутиком. Этот прутик, упирающийся в кончик носа, видимо, предназначен для того, чтобы натягивать губу.

Постепенно лес сильно поредел. Глинистые ухабы и утрамбованные дорожки сменил песок. По мере приближения к Рувуме он становится все более мягким и топким. Ехать на велосипеде уже невозможно, и я веду его рядом. С раннего утра ворту у меня не было ни крошки, а вчера за ужином я съел только три крутых яйца без соли и выпил стакан холодной воды. Сегодня я рассчитывал на курицу, ведь куры водятся в каждой деревне. Я даже представлял себе, как буду жарить ее на огне...

Вот передо мной открылось широкое поле, очерченное далеко на горизонте зарослями травы-великаны. Поле было какое-то необычное, как будто вымощенное застывшей лавой. Черная, неровная поверхность земли зияла огромным количеством дыр. Откуда на ней эти выбоины, расположенные ровными рядами и похожие на пчелиные соты? Я наклоняюсь, всматриваюсь: каждое углубление имеет с одной стороны два задира, напоминая след коровьих копыт.

И тут наконец я понимаю, что это следы бегемотов. В сезон дождей здесь прошли сотни животных и испещрили болото таким странным образом. Потом болото засохло, сохранив выбоины с острыми краями.

Я продвигаюсь шаг за шагом, медленно и осторожно переставляя ноги, как канатоходец. Велосипед оттягивает мне плечо. Ведь почти все время я несу его на плече. Неужели так будет продолжаться и дальше?

К счастью, из-за дерева уже показалась деревенька, первое встреченное мною сегодня селение — всего четыре маленьких хижины. За ними кончается лес. Завтра мне предстоит переход через огромную степь. Недалеко река — в воздухе уже чувствуется влага. Растворенная на колышках сеть рождает во мне надежду отведать рыбы.

Я почти убежден, что рыба будет непременно. Рыбаки и без рыбы — разве это мыслимо? Образ курицы растворяется в моем воображении, ее место занимает фаршированная щука. Незаметно для себя я оказываюсь у первой хижины. Спрашиваю, что здесь можно достать. Яйца и мед — ничего больше. Зарезать курицу они не могут, а лов не удался, так что рыбы нет.

И мне опять приходится довольствоваться крутыми яйцами без соли и чаем, на сей раз с медом. Все-таки какое-то разнообразие.

А рыбаки тем временем выносят из хижины совершенно новую, еще не бывшую в употреблении «кровать». Это максимум полутораметровой длины деревянный топчан, или так называемая китанда. Китанда представляет собой сооруженную из палок деревянную раму на четырех кривых ножках с натянутой на ней сеткой из лозы. Непонятно, почему китанды так коротки. Видимо, из-за отсутствия теплых одеял здесь привыкли спать скорчившись. Мой рост — 192 сантиметра, не-трудно себе представить, какие пытки претерпел я на этом ложе.

Я устанавливаю китанду на так называемой баразе, или веранде, которая окружает почти каждую хижину. Сколько я проспал, не знаю. Разбудил меня довольно сильный толчок в плечо. Удивленный, я усаживаюсь на своем ложе и смотрю по сторонам. Ночь прекрасна. Небо усыпано звездами. И вот... на фоне Млечного Пути я вижу огромную крысу. Она спускается по столбу, за ней вторая, третья. Та, что тронула меня за плечо, уже сидит на земле и ждет. Видимо, крысы поселились под соломенной крышей и теперь, после дневного сна, отправляются на ночную охоту.

Стыдно признаться, но я ничего так не боюсь, как крыс. Я предпочел бы увидеть сейчас даже леопарда, но только не крысу.

Я перенес китанду под единственное в саду дерево. И хотя на нем почти нет листьев, все же гораздо спокойнее чувствуешь себя, ощущая нечто вроде крыши над головой.

На этот раз я пробуждаюсь от невероятного шума, который доносится с вершины дерева. Я задираю голову. Луна спряталась, и во мраке ночи я не могу ничего рассмотреть. На дереве начинается настояще безумство.

Ветви раскачиваются, хлопают, кто-то на них возится, и все это сопровождается громким кашлем и чиханьем. Похоже, что на дереве резвится целое стадо лемуров. А может быть, их беспокойство вызвано какой-то причиной? Может быть, поблизости дикий зверь? Или они просто заметили внизу спящего вазунгу и не могут надивиться на столь неожиданного гостя? Вазунгу же тем временем соображает, куда ему скрыться. Кто знает, что у обезьян на уме? Вдруг вся эта шумная ватага свалится ему на голову?

И я опять волоку свое ложе. Теперь на открытую площадку двора.

Стояла глубокая ночь, когда меня разбудил болезненный укус под левую лопатку. Едва я открыл глаза, как почувствовал еще более сильный укус под мышкой, затем в шею, в живот, в веко. Вскочив на ноги, я уже не мог сообразить, где и как часто меня кусают. Я пригоршнями снимал с себя каких-то насекомых. Видимо, их нападению подверглась вся деревня, ибо сразу отовсюду послышались крики, зажглись масляные коптилки. На улице появились люди, вернее, человеческие тени с лампами-светлячками в руках. Они беспорядочно сновали кругом, внимательно разглядывая землю...

Широкая черная полоса тянется прямо по моей постели. Муравьи движутся, ни на что не обращая внимания, настойчиво, один за другим. И ничто не в состоянии противостоять им, остановить их поток. На своем пути они сносят все. Это одержимая, разрушительная сила.

— Золы! Скорее золы! — слышатся голоса, и люди бегут со всех сторон, чтобы успеть перерезать путь муравьям, рассыпав перед ними седой порошок.

И вот сломалась стройная колонна, разбежалась в панике ее головная часть. Что же будет? Маленькие ножки увязают и скользят — спасения нет. Войско в нерешительности останавливается, не зная, что предпринять дальше. Потом оно поворачивает назад, устремляясь на поиски лучшей дороги. Отступая, несчастные муравьи налезают друг на друга и идут, как по мосту. Фаланга поворачивает, широкая черная лента изогнулась, сменила курс и начала медленно отходить.

А на горизонте уже встает солнце. Пробуждается день. Я чувствую себя совершенно разбитым и измученным.

Выйдя из деревни, я сразу же оказался в зарослях травы, если можно назвать травой пятиметровые тростниковые стебли. Через густой тростниковый лес вьется узенькая тропинка. Кто ее протоптал — рыбаки или дикие животные? Я осторожно продвигаюсь по ней, толкая перед собой велосипед, и у меня создается впечатление, будто я иду по коридорам лабиринта. Выберусь ли я отсюда? Весьма возможно, что из-за первого же поворота навстречу мне выйдет лев или леопард. Как нам тогда разойтись! Меня охватывает такое чувство, будто я уже погиб, затерялся в этих нескончаемых зарослях. Рука немеет от лавирования велосипедом. Я держу его за сиденье, руль крутится из стороны в сторону, цепляясь за тростниковые стебли. Солнце печет все сильнее. Воздух совершенно неподвижен, ни малейшего дуновения ветерка. Что-то затрудняет мое продвижение вперед, больно ранит пальцы. Наконец заросли травы обрываются у самого спуска к желтой речной долине. После мрачной зелени меня неожиданно ослепляют светлые краски, и я невольно зажмуриваюсь.

Вдалеке, несколько ниже, за темными пятнами ржавчины, виднеется лента Рувумы. Немного терпения, еще одно усилие воли — и вот я жадно припадаю губами к мутной, но очень холодной воде. Что за упоительное мгновение! Нет, этого никогда не сможет понять воспитанный на лимонадах обыватель.

В сухой сезон Рувума малопривлекательная река, всего лишь ручеек, струящийся между пляжей. Он напоминает пульсирующий кровеносный сосуд. Зато в сезон больших дождей, в период так называемой великой масики, здесь с ревом стремительно несется неуемная водная лавина, затопляя и поглощая все на своем пути.

— Мамба ико? — спрашиваю я рыбака, что проплыла в этот момент мимо. Он почти нагой. На страже нравственности и этикета всего лишь маленькая набедренная повязка. Его блестящая бархатистая кожа не нуждается в косметике, а великолепные бицепсы — в гимнастических упражнениях. Его воспитало солнце, залил ветер. Разнообразие в его жизнь вносит необычно высокий скачок серебристой рыбки или свежий след леопарда на прибрежном песке.

— Мамба хата ико? (Здесь есть крокодилы?) — повторяю я свой вопрос.

- Минги кабиса, бвана (очень много, бвана).
- Когда ты видел крокодила в последний раз?
- Года два назад...
- Два года... Превосходно! Я уже купаюсь! — кричу я, ныряя в воду.

Ощутить освежающую прохладу воды — это ни с чем не сравнимое наслаждение.

Наконец я сажусь в лодку, чтобы переправить на другой берег велосипед. В этой обстановке он выглядит необыкновенно величественно, напоминая какую-то большую современную машину. Он даже не помещается в лодке, и одно его колесо висит в воздухе.

Полдень, солнце палит нещадно, и я пользуюсь любой возможностью, чтобы окунуть в воду лицо и руки, облизаться, освежиться.

И вот снова начался томительный пеший переход. Здесь, на португальской стороне, лес более густой и дикий, с огромным количеством слонового навоза. Должно быть это излюбленное место слонов. Проклятый велосипед невероятно обременителен. Дорога идет в гору. Мне самому трудно взбираться, а тут еще этот принудительный груз. Я поднимаюсь все медленнее, с трудом передвигая ноги. Уже давно перевалило за полдень, а кругом все тот же нескончаемый лес, те же деревья, те же гнезда терmitов. У меня такое ощущение, будто я попал в западню. Кругом ни души. Там, на танганьикской стороне, мне встречались мавя, здесь, в их родном краю, нет никого. На обеих ногах я натер мозоли, и каждый шаг причиняет мне массу страданий. Чтобы скоротить время, я начинаю громко отсчитывать шаги. Считаю до ста, потом до тысячи...

Я отсчитал уже несколько тысяч шагов, а лес ничуть не изменил своего облика.

Ноги мои подгибаются, но конца подъема не видно. До ночи мне все равно не дойти. И какая в сущности разница, где отдыхать? Опасность везде одинакова. Как нарочно во время переправы через Рувуму подмокла коробка спичек, и теперь я не сумею развести огонь.

Тяжело дыша, я сел и оперся спиной о ствол дерева. Преодолеть сейчас еще один подъем — выше моих сил. Мне пришлось бы ползти на четвереньках. Я наслаждаюсь отдыхом и прислушиваюсь к тихому говору засыпающего леса. Ничто не предвещает опасности...

Я поднимаюсь с большим трудом. В висках пульсирует кровь, щеки пылают. «Опять приступ малярии!» — промелькнуло у меня в голове. Один приступ я уже перенес в подобных же условиях. Где же это было? Ах да, вспомнил: между Китангари и той миссией... как же она называлась?.. Зубы неприятно лязгают, на лбу неожиданно, без всякой к тому причины, выступает холодный пот. Страх. Дикий, ничем не обоснованный страх овладевает всем моим существом. Я чувствую, что где-то рядом притаились дикие животные. Еще мгновение — и они разорвут меня в клочья. Неподалеку действительно блеснули чьи-то глаза. Это уж слишком... Толкая велосипед впереди себя, я делаю шаг за шагом, карабкаюсь вверх, движимый мыслью: лишь бы скорей, лишь бы скорей! Наконец я на вершине обрыва. Но что это? Может быть, мне изменяет зрение? Вдалеке блеснул свет газовой лампы. Обладателем такой лампы может быть только европеец, значит, это... начальник поста. Откуда в такой момент берутся силы, я, право, не знаю. Ноги сами несут меня. На дороге стоят какие-то люди, их становится все больше. Мне кажется, что, пробегая мимо, я улыбаюсь им.

Я врываюсь в широкие двери веранды и падаю в кресло. Передо мной появляется бой в белом переднике. Он молча подает мне холодное вино. Одним залпом выпиваю три стакана. Голова начинает кружиться. Я перестаю видеть и чувствовать, впадаю в какое-то блаженное состояние. Сейчас мне ясно одно: лес остался позади.

МАСКА

У Джулио нет важности начальника. Полностью оценить его я смог лишь вечером следующего дня, когда отступила мгла горячки и мир предстал передо мною в нормальном солнечном свете. До этого момента кровь в диком темпе пульсировала у меня в венах, а перед глазами ходили неестественно фиолетовые тени. На этот раз у меня был один из самых сильных приступов малярии. И если бы не своевременная действенная помощь весьма квалифицированного санитара, который сделал мне какой-то укол, не думаю, что я выздоровел бы так быстро.

Когда Джулио впервые увидел меня на своей веранде, удобно и бесцеремонно расположившегося в кресле со стаканом вина в руках, он ничуть не удивился. Ни слова не говоря, он приблизился ко мне, посмотрел на меня и, положив руку мне на лоб, позвал боя. Опытным глазом жителя тропиков он сразу определил, в чем дело.

— Сеньор болен, пойди позови санитара.

Буквально через пятнадцать минут я уже лежал на пружинном ложе, а заботливый Джулио стягивал с меня брюки. Видимо, я сразу потерял сознание и начал бормотать что-то по-польски. Только к вечеру следующего дня в голове у меня немного прояснилось.

Джулио — добродушно улыбающийся, толстощекий парень с черными, озорно поблескивающими глазами. Сколько ему лет? Самое большее двадцать пять. Дома, после работы, он первым делом берется за гитару. Она-то и сделалась посредником между нами и единственным переводчиком, так как я не знаю португальского языка, а Джулио не говорит ни слова по-польски. Мы объясняемся мимикой, жестами — остальное договаривает гитара. Джулио знает все классические оперы. У него довольно приятный тенор, а я вторю ему отвратительным баритоном. В сфере музыки мы обретаем общность.

Джулио превосходно исполняет испанские и португальские народные песни. При этом он всегда сидит на столе, поставив одну ногу на стул и небрежно перебирает струны гитары.

Его гостеприимный дом я покинул лишь спустя четыре дня, когда санитар констатировал, что я совершенно здоров. На дорогу Джулио снабдил меня двадцатипятилитровой бутылью красного вина. И он и санитар авторитетно заявили, что только этот напиток может окончательно поставить меня на ноги. Вино было португальское, настоящее и превосходного качества.

И вот я еду не спеша на велосипеде, почти не нажимая на педали, ибо ровная дорожка постепенно спускается к океану. Таким образом я смогу проехать оставшиеся сто километров, отделяющие меня от моря. В каждой большой деревне Мозамбика имеется никем не заселенная хижина, специально предназначенная для путешественников-европейцев. В хижине стоит стол, стул и топчан. Нужно лишь наарвать свежей травы — и ложе готово. Так что хлопот с ночлегом у меня не было.

Однако проблема масок не продвинулась ни на шаг. На все вопросы я получал неизменно один и тот же ответ:

— Не знаем, бвана, у нас нет.

Иногда какой-нибудь наиболее хитрый джумбе указывал пальцем на соседнюю деревню, утверждая с многозначительной улыбкой, что там может быть что-то в этом роде.

Я совсем измучился от этих бессмысленных скитаний и был уже близок к тому, чтобы отказаться от своей затеи.

Деревни племен маконде просторны и очень опрятны. Большой квадратный двор всегда чисто выметен. В центре его, как маленькая остроконечная крепость, возвышается курятник. Клетка для цыплят поставлена на столбы и таким образом хорошо защищена от хищников.

Внутри хижин образцовый порядок. В глиняных красиво разрисованных вазах хранится принесенная издалека вода. По стенам развешаны искусно вырезанные из дерева ложки, луки, стрелы и булавы.

В каждую деревню племени ведет широкая, содержащаяся в идеальном порядке дорога.

На седьмой день путешествия, когда я прибыл в очередную деревню и такой же, как все прочие, худой и хитрый джумбе заявил мне, что масок он никогда в своей жизни не видел, я потерял власть над собой. Я кричал во весь голос, ругался самыми последними словами, разумеется, по-польски.

Это произвело такое впечатление на джумбе и старейшин, что они даже побледнели. Видимо, выражение лица у меня было достаточно грозное, ибо не на шутку испугался и сопровождавший меня полицейский. Он начал что-то шепотом объяснять каждому в отдельности, пока все не сгрудились вокруг него и не стали совещаться, активно жестикулируя. И вдруг началась страшная суматоха, как бывает, когда кто-то воткнет палку в муравейник. Вокруг меня забегали, заметались люди; они подходили к джумбе и что-то шептали ему на ухо. Казалось, что они готовятся открыть мне какую-то тайну.

— Ты плохой джумбе, — закончил я свою тираду уже на языке кисуахили. — Бвана начальник наверняка

будет недоволен и уволит тебя. Завтра же утром я пошлю к нему полицейского с докладом.

— Сегодня ночью у бвана мкубва будет маска,— шепнул мне на ухо джумбе, а полицейский кивнул, подтверждая справедливость его слов.

— Пусть бвана мкубва спит спокойно, мы разбудим его, когда придет время.

У меня не было никакой уверенности в том, что данное обещание будет исполнено, но я отправился спать.

Около полуночи я проснулся. Кто-то дергал мое одеяло:

— Бвана мкубва, иди посмотри на красивую маску! Я вскочил.

Темная безлунная ночь. Узкая тропинка ведет в еще более темный лес. Мы движемся как по извилистому тоннелю. Идущий впереди несет маленький штормовой фонарь, тусклый свет которого едва проникает сквозь закопченное стекло. Я не вижу тропинки и поэтому стараюсь не отставать от него ни на шаг.

Так мы идем молча добрую четверть часа. Наконец на светлом фоне неба обрисовались контуры какого-то строения.

— Входи, бвана мкубва! — донесся откуда-то низкий хриплый голос. Он прозвучал резко и безапелляционно, как будто отдавал приказ. Может быть, это привидение? Может быть, все это только кажется мне? Я колеблюсь. Входить или нет?

— Входи, бвана мкубва, — донесся тот же голос. Я узнаю его. Ведь это тот джумбе, который обещал мне маски.

И уже без колебаний я наклоняю голову и проскальзываю внутрь абсолютно темной хижины. Выпрямившись, я останавливаюсь в нерешительности. Глаза постепенно привыкают к темноте. В противоположном углу хижины замаячил огонек масляной коптилки. По стенам толпится народ. Все стоят молча. Шорох переступающих с места на место ног — единственное, что нарушает в этот момент тишину.

— Такие маски ты хотел, бвана мкубва? — спрашивает меня все тот же голос.

— Какие? — шепотом отзываюсь я. — Я не вижу никаких масок.

— Они лежат у твоих ног, на земле...

Я наклоняю голову. Несмотря на духоту, мне вдруг становится холодно. У моих ног лежат две головы. Протягиваю вперед руки и беру одну из них. Она оказывается очень легкой. Волосы на ней самые настоящие. Я подношу голову ближе и поворачиваю ее к себе лицом. Из-под полуопущенных век блеснули белки глаз. Губы чрезмерно вывернуты. Кожа густо покрыта отчетливо видимой татуировкой. Однако это только маска, вырезанная из куска дерева. Внутри она полая.

Я встаю во весь рост и спрашиваю джумбе почти естественным голосом:

— Сколько ты за нее хочешь?

— Мы не продаем наши маски, — отвечает мне джумбе, — но эти две ты можешь взять. Только не сейчас. Когда солнце взойдет и ты нас покинешь, я прикажу вручить их тебе по дороге.

— Почему же не теперь?

— Мы должны хорошо завернуть их, чтобы, чего доброго, кто-нибудь не увидел. Если женщина случайно увидит маску, ее сразу постигнет смерть или, в лучшем случае, она станет бесплодной. Поэтому мы должны быть осторожны.

Я не настаиваю. Уж коли они мне показали свои маски, я, безусловно, получу их.

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»

ВЫХОДЯТ В СВЕТ

книги серии

«Путешествия по странам Востока»:

Куренков И. Д. Черная смерть. 3 л.

Маршалл А. Мы такие же люди.

Перевод с английского. 14 л.

Помрой У. В чаще лесов.

Перевод с английского. 15 л.

Шредер В. и Кениг Р. На мопедах по

Африке. Перевод с немецкого. 17 л.

Заказы на книги принимаются всеми магазинами
книготоргов, потребкооперации и «Академкнига», а так-
же по адресу: Москва, 6 Черкасский пер., 2/10, конто-
ра «Академкнига».

Цена 60 коп.